

ПИОНЕР 8

1982

Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ДОРОГИЕ ЮНЫЕ ЛЕНИНЦЫ!

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза горячо и сердечно поздравляю вас, ваших вожатых, учителей и родителей с большим, радостным праздником — 60-летием Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

От первых пионерских отрядов до многомиллионной детской коммунистической организации — вот замечательный путь, который прошла под руководством партии и своего боевого вожатого — Ленинского комсомола пионерия Страны Советов. Летопись пионерской организации — неотделимая частица славной биографии нашей многонациональной Родины. Многие поколения советских людей получили в пионерских коллективах первые уроки идейной закалки, коллективизма и товарищества, навсегда сохранили добрые воспоминания о своем пионерском отряде! Наша партия высоко ценит работу пионерской организации по воспитанию у школьников трудолюбия, прилежания в учении, горячего стремления быть верными традициям старших поколений. Нас радует, что юная смена растет пытливой, любознательной, жизнерадостной, горячо любящей свою социалистическую Отчизну.

Партия и советский народ делают все для того, чтобы вы, дорогие ребята, жили под мирным небом, чтобы ваше детство было счастливым и радостным. Этим благородным целям служат планы, намеченные XXVI съездом нашей партии. В стране ежегодно строятся сотни новых школ, дворцов пионеров, здравниц и пионерских лагерей. Цените и сохраняйте все, что дает вам Советское государство, растите трудолюбивыми, умелыми и бережливыми хозяевами страны. Готовьте себя к этому за школьной партой, в техническом кружке, на опытном поле, в активной общественной работе.

В этом году народы нашей страны отмечают 60-ю годовщину образования Союза Советских Социалистических Республик. Крепите дружбу сверстников всех братских республик, будьте патриотами-интернационалистами.

Главная задача пионерской организации — помогать партии, комсомолу, школе растить сознательных борцов за коммунистические идеалы, воспитывать ребят на примере жизни и деятельности великого Ленина.

Пионерские годы — прекрасная пора для формирования высоких гражданских качеств. Надо наполнить жизнь отрядов и дружин настоящей романтикой, полезными делами, крепкой дружбой с героями ратного и трудового подвига. Пусть спутником каждого отряда станут звонкие песни, увлекательные походы и игры, спортивные состязания.

Юные пионеры! Вы — смена Ленинского комсомола! С честью, высоко и достойно несите красные пионерские знамена! Будьте всегда готовы к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза!

Л. И. БРЕЖНЕВ

Москва.
Красная площадь.
19 мая 1982 года.

Эта дата теперь навсегда в летописи Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. В этот день все делегаты XIX съезда Ленинского комсомола прямо из Кремлевского Дворца съездов пришли к Мавзолею В. И. Ленина, чтобы принять пионерский парад, в котором участвовали 50 тысяч юных ленинцев столицы и представители всех пионерских организаций союзных республик.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

Москва 1982 г.
Издательство «Правда»

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Николаевич Пастухов огласил приветствие Леонида Ильича Брежнева Всесоюзной пионерской организации, а буровой мастер, лауреат премии Ленинского комсомола Владимир Глебов вручил пионерской организации страны памятное знамя ЦК ВЛКСМ. Юные ленинцы дали клятву, что всегда будут верны заветам Ленина, высоко будут нести красные пионерские знамена.

Ничто не могло испортить праздничного настроения. Даже дождь, который неожиданно прошел над столицей.

В мае 1924 года состоялся 1-й пионерский парад, когда в присутствии делегатов партийного съезда пионерская организация принимала высокое имя Ленина. Каждый пионерский парад — важная веха в истории организации. Парад 1982 года ярко показал, что пионеры 80-х годов верны своим пионерским традициям. В дни работы съезда почта приносила в Кремлевский Дворец съездов рапорты и приветствия юных пионеров со всех уголков нашей страны.

«Артек» всегда был символом дружбы пионеров Советского Союза и стран социалистического содружества,— писали в своей телеграмме пионеры-артековцы.— За последние годы здесь отдохнули представители всех народов нашей многонациональной Родины, тысячи детей из-за рубежа. За всестороннее внимание родной Коммунистической партии, Советского государства, Ленинского комсомола большое артековское спасибо». А вот строки из рапорта пионеров Белоруссии: «Более 300 тысяч пионеров — участников операции «Белорусский каравай» — работали рядом со взрослыми на уборке урожая 1981 года. В ходе операций «Летопись Великой Отечественной», «Пионерская слава» создано более 1500 уголков, комнат, музеев революционной, боевой и трудовой славы советского народа, истории пионерской организации». «В прошлом году,— писали комсомольцы и пионеры школы памяти В. И. Ленина в Горках Ленинских,— отработали на полях колхоза имени Владимира Ильича и экспериментальной базы «Горки Ленинские» 15 500 человеко-дней, перечислили в Фонд мира 850 рублей. Заверяем, что всегда и везде будем верны делу Ленина, делу партии». В адрес съезда пришло взволнованное приветствие от пионерского комиссара С. М. Мнацаканяна: «Рапортую, дорогой съезд, что твердо верен своей клятве, данной перед Мавзолеем великого Ленина на I Всесоюзном слете пионеров. 53 года являюсь пионерским комиссаром в отряде имени Агаси Ханджяна средней школы имени М. Горького города Еревана. Воспитал восемнадцать поколений отряда и очень горжусь своими воспитанниками».

Пионерия страны снова на поверке. Эстафета пионерских поколений продолжается!

С. ФУРИН,
делегат XIX съезда ВЛКСМ.

Фотографии В. ГУСЕВА, В. КРУПСКОГО.

РАДИ НЕСКОЛЬКИХ СТРОЧЕК В ГАЗЕТЕ

Заметки корреспондента «Пионера» о юнкоровской смене в «Артеке»

В апреле над холодным, медленно прогревающимся морем и бурой спиной Аю-Дага клубятся туманы, и пыльные, серые после зимы кипарисы еще не промыты чистыми летними ливнями. Но уже распустился белыми и розовыми шапками миндаль, появилась зелень почек и первой травы, шуршат в сухом кустарнике черные скворцы... И море в полдень, успокоившись и затихнув, вдруг вспыхивает под неожиданно проглянувшим солнцем таким ясным синим светом, что никому уже ничего не надо объяснять, все понимают: это весна, и скоро будет лето, а что может быть лучше весны и лета?

В это весенне-апрельское время и собрались по традиции в «Артеке» ребята — юные корреспонденты. Может, потому в апреле, что именно весной родились когда-то много лет назад любимые ребятами журнал «Пионер» и газета «Пионерская правда».

Можно было бы, конечно, рассказать здесь о лучших юнкорах смены, об удавшихся интервью и репортажах, но, мне кажется, когда люди хотят, чтобы от их встречи получился толк, не стоит говорить друг другу лишь комплименты. Самое время поговорить о проблемах, вопросах, трудностях: рядом с ними и удачи чувствуются полновеснее и радостнее.

«Золотое перо»

Две заметки на тетрадных листах в линеечку. «Маленьким чудесам из тряпочек и ниток учит малышей Аня Новикова, ученица 8 «А» класса...» Так начинается первая заметка. «Пятый «Б» не просто славится тимуровской работой, а именно преданностью этому делу» — начало второй.

Автор заметок — рыжеволосая голубоглазая девочка ждет, когда я закончу читать, ждет спокойно, не нервничая. Я уже знаю, что она давно занимается в кружке юных корреспондентов, печатается в районной газете, толково рассуждает о том, что такое очерк, информация, зарисовка. Даже в том, как она ждет суждения о своих заметках — профессиональное спокойствие. Не первая ведь заметка да и не последняя...

— Знаете, Лена,— говорю я, закончив читать,— мне как читателю хотелось бы, конечно, побольше узнать об этой девочке, которая организовала малышам кружок мягкой игрушки... Ведь кружков таких много, а занимаются малыши с охотой далеко не во всех. Интересно, чем она их заворожила? Или вот славные тимуровцы из пятого «Б»... Может, стоит рассказать подробнее об их делах? Вы ведь и сами в них, наверное, участвовали?

— Там же написан,— останавливает меня голубоглазая Лена,— номер школы, в которой учатся эти ребята, а внизу номер школы, в которой учусь я. А эта девочка из кружка мягкая игрушка, она вообще не в моем районе.

— Почему же вы решили писать именно о них?— не удерживаюсь я.— Разве в вашем отряде, в вашей дружине, на худой конец, в вашем районе, не

происходит ничего такого, о чем стоило бы рассказать?

— Не происходит.— Она вздыхает.— А потом у нас так принято в нашем кружке юных корреспондентов, во Дворце пионеров. Когда собираемся вместе, каждый рассказывает, что у них в школе интересного, а потом мы идем и пишем.

«Идем и пишем». И уже много написали. «Золотые перья», лучшие в городе юные корреспонденты.

Мы потом долго разговаривали с голубоглазой Леной и выяснили, что любая тема подвластна ее перу: и кружок мягкой игрушки, и операция «Рейд бережливых», и встреча с интересным человеком, и тимуровская работа... Только об одном не сумела бы она написать, даже если бы очень и очень захотела — о своем отряде. Хоть и семь лет, год в год проучилась с этими ребятами рядом. Но дружит — получилось так — только со своей старшей сестрой.

— И узнать о них ничего не хочется?

— Да нет, почему...— Она задумывается.— Иногда я вижу, как они стоят на переменке все вместе, кружком, разговаривают о чем-то, смеются, мне, знаете, очень завидно... Тоже бы хотелось. Но потом...

Потом — после уроков она идет в свой кружок юных корреспондентов. И слушает там рассказы других ребят о дружных веселых отрядах и идет в такие школы и пишет: «Пятый «В» славится не просто своей крепкой дружбой, а именно...»

Я не стала бы писать об этой встрече, если бы, разговаривая с ребятами, не сталкивалась время от времени с одним и тем же удивленным вопросом: «А что тут такого? Разве нельзя писать об интересных пионерских делах, в которых ты сам не участвовал?»

Конечно, можно. Но только прежде нужно выяснить для себя простой вопрос: кто же такой юнкор? И чем он занимается? Играет в журналиста? Как малыши играют в «дочки-матери», «садовников» или во «врачей»? Когда я разговаривала с Леной, именно это мне и казалось, что она играет в очень интересную и увлекательную игру. И очень ей нравится ходить с блокнотом, брать интервью. Что само по себе совсем неплохо, ведь как скучен был бы мир без игры! Но только неправильно, когда это становится главным.

Если человек берется за перо, золотое оно или серебряное или обыкновенная это шариковая ручка, и пишет заметку в газету, разве не должен он прежде всего задуматься над тем, ради чего он это делает? И что это: игра или взрослый, осмысленный поступок? Представьте юнкора, написавшего блистательный репортаж о сборе макулатуры, и не собравшего при этом и двух килограммов бумаги (что, кстати, бывает время от времени). И все ребята об этом знают, считают его белоручкой, лентяем. В чем смысл его труда? Ради чего он писал свою заметку? Разве помогла она его отряду, дружине? А чего стоят рассуждения о крепкой дружбе, если автор такой заметки в своем отряде чужестранец и о том, что такое дружба в отряде, может только догадываться?

В том городе, где живет Лена, проводился конкурс дружинных стенгазет. Проводил его Дворец пионеров, а именно — тот самый кружок юных корреспондентов, в котором Лена и занимается. Много было на конкурсе стенгазет интересных, веселых, ярких. И Лена очень толково выступала на заседании кружка и говорила о достоинствах и недостатках и о том, что стенгазета не должна быть похожа на большую красивую открытку и должны в ней быть смысл и содержание... И кто-то спросил:

— А стенгазету из твоей школы можно посмотреть?

Оказалось, не было на конкурсе такой стенгазеты.

Кое-что об антонимах

Итак, договорились: юнкор вовсе не сторонний наблюдатель, наделенный особыми полномочиями и «золотым пером». Юнкор — обыкновенный мальчик или девочка, живущий одними со своим отрядом заботами, радостями, трудностями. Но вот что, пожалуй, его отличает — он умеет видеть. И не только, как красиво кружатся листья в осеннем парке, чтобы написать лирическую зарисовку. (Говорю об этом, потому что некоторые ребята считают, что этого достаточно.) Он умеет видеть проблемы, умеет видеть новое и не боится выносить это на всеобщее обсуждение в отрядную, дружинную стенную газету. Он первый помощник в пионерских делах.

Можно было бы рассказать в этих заметках, скажем, о ребятах из Читы: Оксане Чубаровой из школы №45, Алеше Величко из школы №4; О Неделько Сергее из города Славинска-на-Кубани. Рассказать, как после выступлений в газетах этих юнкоров появилась во дворе, где ребята изнывали от безделья, спортивная площадка, родился прекрасный школьный театр, развернулась в дружине операция «Зернышко».

Но хочется подробно рассказать о другом. Есть в городе Пятигорске юнкоровский отряд «Пламя». Брат и соратник таких известных юнкоровских отрядов, как «Каравелла» из Свердловска, «Солярис» из Обнинска. У ребят из «Пламени» есть одна очень важная черта — крепкое, надежное отношение к своему пионерскому галстуку.

Вы знаете ребят, которые, выходя за школьный порог, снимают галстук с груди и суют в карман? К сожалению, знаете. Увидеть на улице мальчишку из отряда «Пламя» без пионерского галстука?! Пожалуй, это просто невозможно представить. Это их принцип, твердый, ненарушаемый. И, наверное, очень важный сейчас, когда ребята так часто позволяют себе всякое «чуть-чуть»: чуть-чуть поступиться совестью и сунуть галстук в карман, потому что он «не подходит» к вельветовым джинсам или платью-сафари, чуть-чуть, только чтобы не посмеялись старшие ребята во дворе. А потом выгладить его перед школой и опять быть честным, бескомпромиссным.

Однажды к мальчишкам из «Пламени» пристала на улице компания. Компания желала развлечений и была настроена довольно воинственно. И, вполне возможно, дело кончилось бы жестокой мальчишеской дракой — ребята из «Пламени» люди кулакастые и постоять за себя отлично умеют.

Но произошло то, чего никак не ожидали члены уличного «братства».

— Эге-гей! Патриоты! Галстуки нацепили! — кричали они.

И тогда один из мальчишек «Пламени» спокойно отделился от своих и, встав перед парнем, который это кричал, спросил:

— А ты русский язык в школе учишь? Что такое слова-антонимы знаешь?

— Ну, знаю,— сказал задира, напряженно вспоминая школьную премудрость.

— Антонимы, как известно, слова с противопо-

ложным значением. Так вот, антоним слова «патриот», я думаю, «предатель».

Они повернулись спокойно и ушли, эти мальчишки из отряда «Пламя». И никто их не догонял, не задирал, никто не кричал вслед. Потому что их противники были разбиты, разбиты в пух и прах, наголову.

А они уходили как победители. Потому что говорили то, что думали и чувствовали на самом деле. И их слова и в жизни, и на бумаге совпадали с их жизненной позицией. Им не было нужды прятать свои красные галстуки. И это главное, чего можно пожелать юному корреспонденту.

Усталые, но довольные

Журналисты из «Пионерской правды», «Пионерской зорьки», «Костра» и «Пионера», приезжавшие к ребятам на юнкоровскую смену, были немало обрадованы тем, что ни в одной из газет, сделанных ребятами, не сыскалось знаменитого стенгазетного штампа — «усталые, но довольные, пионеры возвращались домой». А когда-то чуть не каждая заметка в школьных газетах заканчивалась этой фразой. «Усталые, но довольные» возвращались пионеры после сбора макулатуры, металлолома, спортивных соревнований и т. д. Не было им числа, этим «усталым, но довольным».

Сказать по правде, в одной-единственной стенгазете эта заштампованная фраза все-таки нашлась. Но, может, это и к лучшему — исключение, как известно, подтверждает правило. А правило заключается вот в чем: многие ребята стали понимать, что такое штамп, что такое заезженное, многотысячно повторенное слово. Стали понимать, какая это опасность для живой, веселой пионерской стенгазеты! И они, эти ребята, очень стараются найти свои, свежие, не затрепанные слова. Потому что мертвые слова могут убить самую живую мысль, засушить самое интересное и важное дело.

Многие, конечно, понимают. Но многие думают и по-другому. Думают, что если разговаривают с товарищем, то можно сказать так: «Мы вчера помогали старой женщине из нашего дома. У нас дружный тимуровский отряд. Мы любим собираться вместе и откровенно разговаривать о самых важных вещах».

Но если уж взял в руки перо и поставил целью написать заметку, то следует натужиться, постараться сделать свой язык максимально деревянным и выдать следующее: «В плане мероприятий нашего отряда на первом месте стоит помощь ветеранам, престарелым жителям микрорайона. Также у нас запланировано проведение беседы на тему «Берегите хлеб». Все пионеры принимают в этом активное участие».

Вот тут, я думаю, юнкору в самую пору остановиться да и выбросить такой листок, написанный будто не двенадцатилетним мальчишкой, а «престарелым жителем» с солидным бюрократическим стажем. Не надо так писать. Надо писать искренне и естественно, так, будто говоришь со своими друзьями и хочешь, чтобы они тебя услышали и поняли. И для этого не нужно особых способностей и таланта. Для этого нужно только перестать подражать худшим образцам газетного стиля и быть самим собой. А также читать прекрасные книги русских писателей и поэтов, которые всегда **разговаривали** со своими читателями, а не «принимали участие в проведении бесед».

Послесловие

Надо сказать, что заметки эти о юнкоровской смене краткие, а сама смена была длинной — сорок дней. И за эти сорок дней ребята успели поговорить о многом. И о том, что такое юный корреспондент и какие у него цели, и о штампах, и об активной жизненной позиции, и о многом другом, без чего нельзя представить жизнь и работу юного корреспондента. Они занимались в школах юнкоров, и выпускали стенгазеты, и писали книгу в подарок XIX съезду комсомола. И вот теперь, разлетевшись, разъехавшись по своим городам и селам, мальчики и девочки, побывавшие весной в «Артеке», должны привнести в свои дружины и отряды то, чему научил их «Артек», научила юнкоровская смена. За лето все они, наверное, хорошо отдохнули. Так что в приближающемся сентябре самое время приняться за работу и научить друзей тому, чему научились сами. И вместе делать умные, веселые, неравнодушные стенгазеты. Не забывайте «Артек»!

И. ХРИСТОВАЯ

ОТ РЕДАКЦИИ: Юный корреспондент! Как живет и действует стенгазета твоего отряда, дружины?

Какие удачи, находки на твоем корреспондентском счету?

Есть ли вопросы, проблемы, которыми ты хотел бы поделиться с редакцией?

Мы ждем писем. Разговор о юнкоровских делах на страницах «Пионера» продолжается.

Рисунки Ю. РОДИНА.

О. ТИХОМИРОВ

Саодат — значит

Есть в народе такая пословица: «Готовь сани летом, а телегу зимой». И живет она много веков потому, что заключен в ней большой смысл: ко всякому делу нужно относиться внимательно, продуманно, готовиться заранее.

Понятно, что эта пословица родилась не в Средней Азии, где, как известно, на санях не ездят. Тем не менее вспомнилась она мне в Узбекистане, в Мархамадском районе, неподалеку от Андижана. Здесь работает знатный хлопкороб делегат XIX съезда ВЛКСМ, Герой Социалистического Труда Саодат Муйдинова.

Стояла зима. Конечно, это не наша русская зима — без сугробов, вьюг и трескучих морозов. Но все же хлопковые поля были припорошены снегом (почему-то представлялось, что поля Ферганской долины могут белеть только от хлопка, но никак не от снега).

Найти Саодат оказалось нелегко, одни говорили, что видели ее у агронома, другие — будто бы встретили ее возле правления колхоза, третьи советовали: ступайте в поле, слышите, гудят моторы, наверняка она там.

И верно! Бригадира Муйдинову мы разыскали в поле. По ее указанию два бульдозера срезали гряду между большими соседними участками.

Как объяснила Саодат, так будет удобнее поливать участки, и почва лучше промоется от солей. Кое-кто в правлении вначале не соглашался, но Саодат настаивала, убеждала, да и как не посчитаться с ее мнением: никто не собирал в республике столько хлопка, сколько она. По шестьдесят пять центнеров с каждого гектара! Это почти в два раза выше нормы. А знаете ли вы, что из одной тонны хлопка можно сделать триста пятьдесят метров ткани? А еще из хлопка производят масло, изоляцию, краски, кислоты...

Места эти — Ферганская долина — родные для Саодат. Окрестные равнины и холмы дороги ей с детства. Только кишлак Окчи, в котором она родилась, теперь изменился, стал лучше, наряднее. Но в нем и сейчас многие помнят Саодат резвой девочкой с косичками. Как и все дети, любила она играть в прятки, кататься верхом на ослике, а весной собирать в букет горящие на солнце алые тюльпаны. Бывало, и шалила, и, заигравшись, не хотела идти в дом, а мама в который раз выходила на улицу и сердито кричала:

— Саодат! А ну, скорее домой! Я вот тебе...

Семья была большая, но дружная. Родители работали тут же, в колхозе. Мама — Шариф-апа — сборщица хлопка, отец — Муйдин-ака — заведовал фермой.

— А я буду врачом,— говорила в детстве Саодат. Она любила лечить всех кукол — ставила им градусник, поила микстурой, заставляла глотать горькие таблетки. Понарошку, конечно.

Кто бы мог подумать тогда, что эта непоседливая девчушка станет Героем Труда, что советоваться с ней будут лучшие хлопководы страны, и что сама она будет уезжать из кишлака в Ташкент на сессии Верховного Совета республики. А как же — на то она и депутат!

С хлопковым полем Саодат подружилась давно. Когда училась в школе, помогала взрослым, как и все кишлачные ребята, собирать хлопок. Правда, уже и тогда заметили ее добросове-

счастливая

стность: после Саодат на стеблях не оставалось ни одной коробочки с белым волокном.

А мама подсказывала:

— Саодат, ты вот так держи пальцы — рука не устанет.

После школы Саодат Муйдинова осталась в колхозе. Она стала работать в хлопководческой бригаде табельщицей. Что это за работа такая? В особой тетрадке она отмечала, как велись пахота и сев, сколько часов поливались участки, как пропалывались они от сорняков, сколько было привезено удобрений и, наконец, какой собрали урожай. В ту пору бригада собирала по восемнадцать центнеров с гектара.

Через два года Саодат выбрали бригадиром. Почему? Да потому, что она добросовестна, за любое порученное дело болеет душой, настойчива, всегда своего добьется, никогда не унывает и всем готова помочь.

В первый же год комсомольско-молодежная бригада, которой стала руководить Саодат, собрала по двадцать пять центнеров с гектара, а на следующий — по тридцать пять.

Еще через год Муйдинова предложила своей бригаде возделывать адырные земли — так называются склоны холмов. Не было в колхозе другой площади, чтобы расширить посевы хлопка.

— А справимся?..— засомневались некоторые.

— Если очень захотим, думаю, справимся. Только вначале давайте посоветуемся, прикинем наши возможности.

Были и такие, кто возражал:

— На адырах до сих пор хлопок не выращивали. Столько сил отдадим, а вдруг зря?

— Вот и нужно заранее продумать все трудности,— не сдавалась Саодат.

Горячие споры шли в тот день в бригаде. И все же Саодат убедила всех — нужно освоить адыры, разве можно мириться с тем, что пропадает земля...

Нелегко было обрабатывать склоны холмов. Вначале приноравливались, как их вспахивать, затем возникли сложности с поливкой. Много пустишь воды — смоет всю возделанную землю, дашь мало — не пропитается почва, не наберут силу хлопковые всходы. Очень внимательно надо было следить за поливом, то и дело проверять почву. Саодат иной раз почти сутки проводила на полях.

Зато в первый же год урожай был очень высокий — по пятьдесят центнеров.

Саодат все поздравляли, а она говорила:

— Повезло мне с бригадой. Люди такие подобрались. За что ни возьмутся — все сделают.

А еще через несколько лет бригада Муйдиновой добивается лучшего результата в республике. Саодат награждают Золотой звездой Героя Социалистического Труда.

— Саодат,— спрашиваем мы,— какой вы знаете секрет, почему сумели всех так обогнать?

— Земля хорошая,— улыбается Саодат и счастливыми глазами смотрит на адыры, которые никто до нее не решался распахивать.

Кстати, по-узбекски Саодат — значит счастливая.

Да, Саодат, земля подчинилась вашему упорству и настойчивости, земля оценила вашу к ней заботу и любовь. И поэтому она тоже счастлива.

Рисунки В. ДУДКИНА.

Станислав **РОМАНОВСКИЙ**

ВЯТСКОЕ КРУЖЕВО

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

Муза

Летом из-за возвратных холодов вода в Вятке была ледяная. В этой-то воде (кому-то надо открывать сезон!) первыми искупались трое ребят из деревни Кукушка. Десятилетние Сережа Рощин и Петр Паратиков поплыли к острову, где доцветала черемуха, да скоро вернулись. А брат Петра, шестилетний Константин, поплавал не дольше минуты — руками по дну.

Не успели дети опомниться после купания и развести костер, как у Сережи вздулась щека, у Петра заболели зубы, а Константин принялся чихать и не мог остановиться.

Ребята перепугались и с повинной прибежали домой.

Когда дедушка увидел Сережу с раздутой щекой, он крякнул и сказал:

— Я так и знал.

Напоил внука чаем с малиновым вареньем, послал на полати под свою шубу — выгонять простуду — и предупредил:

— Лежи и не показывайся. У меня нынче люди будут квартиру смотреть. Понравятся — пущу квартирантов.

— А кто они — люди-то? — спросил Сережа.

— Как бы это сказать? — развел руками дедушка.— Народ! Одним словом, женщины.

Лежа на полатях, Сережа стал ждать квартирантов и думать о том, какие они и какое разнообразие внесут теперь в его деревенскую жизнь.

А поселить их есть где. Дедушкин дом был большой и состоял из передней избы, задней избы, сеней между ними, и все это под одной крышей. В передней — парадной — избе, что выходила окнами на юг, на солнышко, когда-то жили Сережины родители, пока не уехали в отпуск. Сережа ждал их зиму и лето. Осенью дедушка открылся ему, что они погибли в авиационной катастрофе и никогда больше не приедут. Сережа до конца в это не поверил, поплакал и спросил:

— Дедушка, почему же ты мне сразу не сказал?

— Ты тогда маленький был... Я боялся, что ты не вынесешь этого известия. Сейчас ты вырос, окреп. Вон плечи-то какие! Вот я и решился сказать тебе сущую правду. До каких пор, думаю, тянуть?

И спросил дедушка виноватым голосом:

— Можно, я в переднюю избу квартирантов пущу?

— Погоди пока.

— Погожу.

Дедушка погодил и через год стал за дорогую плату сдавать квартирантам переднюю избу, которая до этого стояла в неприкосновенности, ожидая хозяев.

Квартиранты были люди разные, совсем не похожие на местных, и сейчас с любопытством и радостным смятением Сережа ждал, какие они будут на этот раз.

И трогал распухшую щеку: думает она опадать или нет? Такое событие, а тут лежи на полатях и ни гу-гу. Щека достигла наибольшей толщины, когда нагрянули посетительницы и наполнили заднюю — северную — избу нездешними голосами. Не на иностранном ли языке они объясняются?

— ...Ягод у нас — земля в красном сарафане! — доносился снизу распорядительный голос дедушки.— Грибочки берем с выбором, какие нам понравятся.

Кому все это адресуется, Сережа не видел. Он лежал на полатях, под самым потолком, и, не дыша, слушал, как дедушка рядится — обговаривает условия квартирования:

—...Молоко наше. Только что из-под коровы. Картошка наша: молоденькая, с росой и землей. Мясо? Курочку можете зарезать, какая поглянется.

— У нас рука не поднимется,— раздался снизу акающий женский голос.

— А кушать — поднимется? — как послышалось вдруг Сереже, грубовато спросил дедушка.

Мальчик подполз к краю полатей, где с зимы горушкой были сложены валенки, пахнущие овечьей шерстью и дратвой, и заглянул вниз. От его нечаянного прикосновения валенки покачнулись и готовы были упасть на головы беседующих, но мальчик вовремя удержал горушку и, замирая от страха, опять посмотрел вниз.

Сперва он увидел девочку.

Крупная, несколько полноватая, она сидела за столом, покрытым скатертью по такому случаю, и маленькими светлыми глазами рассматривала сучки на потолке. Русые волосы ее, перехваченные обручем-диадемой, спускались на плечи — на короткие рукавчики белорозового платья. Движением головы девочка то и дело отгоняла мух, сохраняя на лице взрослое выражение, приличествующее серьезности момента. Сережа сразу определил, что она вряд ли намного старше его, а скорее всего они одногодки. Вот было бы хорошо сидеть за одной партой с такой красивой девочкой!..

По другую сторону стола сидела молодая рыжая женщина и говорила дедушке:

— Если мы привезем пианино, вы не будете против?

Дедушка, что устроился бочком на порожке, как он бывало сиживал в колхозной конторе, отозвался:

— Привозите. Послушаем.

Была в его словах скрытая улыбка: зачем, мол, везти такую тяжесть в эдакую даль?

И еще он сказал совсем буднично:

— Места хватит. В морозы мы теленка в избе держим. А он, чай, ведь не меньше пианина?

Сереже стало обидно за дедушку. Почему он сидит на порожке как неприкаянный? Сел бы по-людски вместе со всеми за стол!

— У меня дочка на пианино играет,— объяс-

Сережа стал ждать квартирантов.

нила женщина.— Тренировать пальцы и слух надо постоянно-постоянно.

А голос девочки — очень звонкий и сильный, так что Сережа открыл рот от неожиданности, а потом закрыл,— объявил с радостью:

— Я гаммы учусь играть!

Дедушка спросил:

— И поёшь, поди?

Девочка помотала головой и вздохнула:

— Я несерьезно пою.

— Почему же ты так? — упрекнул дедушка.— Раз взялась, так старайся. Между прочим, отец Федора Ивановича Шаляпина — нашенский мужик.

Девочка сообщила ликующим голосом:

— У нас бабушка пела арию Орлеанской девственницы и даже брала верхнее «ля»!

Как раз в это время Сережа высунулся из-за груды валенок, чтобы лучше разглядеть счастливицу, и девочка увидела его и замерла. Застигнутый врасплох ее взглядом, мальчик не решался спрятаться, с лютой грустью думал о том, что она видит его раздутую щеку, и Сережино лицо покрывалось пятнами.

И глаза его умоляюще сказали глазам девочки:

— Не говорите, что меня увидели такого. Пожалуйста!

— Почему? — спросили девочкины глаза.

— Неловко...

— Почему все-таки? — не поняли девочкины глаза.— Потом ска́жете?

— Потом,— ответили глаза мальчика, и он спрятался за валенки и отполз в глубину полатей, наказав себе, пока не пройдет опухоль, не высовываться ни при каких обстоятельствах. Лицо его горело, и он плохо разбирал слова, что роились внизу и набегали одно на другое.

—...У меня только достойные люди жили,— загадочно говорил дедушка.— Жил у меня сторож с мясокомбината Варахий Яковлевич Фоминых. Мясо в рот не брал! Все больше картошечку, грибки, ягодки. Я говорю: «А курочку-то? Это не мясо, а одним словом — нежность». Он, бывало, сморщится и скажет так культурно: «По прейскуранту домашняя птица — натуральное мясо». Я говорю: «А что, если я вам дикую принесу: глухаря завалю или уточку подстрелю на озере?» Он бывало сморщится-скорчится и переживательно так скажет: «По прейскуранту и дикая птица — натуральное мясо». Исключительно культурный человек!

Разговор становился все загадочнее и тише, как бывает у взрослых, когда они от окольных слов договариваются о деньгах. Теперь нельзя было разобрать ни единого слова.

Наконец гости ушли, и внизу все стихло. Сережа решился выглянуть из-за горушки, сразу же натолкнулся на чей-то немигающий взгляд, хотел спрятаться, да раздумал. С посудника на него в упор смотрела гипсовая кошка-копилка. Глаза ее с подведенными, как у модницы, ресницами были желтыми и глуповатыми. В эту копилку вот уже года три Сережа складывал монеты, и сколько их там набралось, и сколько на них всего купить можно?

Подумать страшно, сколько.

Если долго смотреть на гипсовую кошку, она начинала шевелить синими усами. Сережа потер глаза кулаками и увидел дедушку. Тот сказал внуку:

— Проводил честь по чести.

Дедушка прикрыл дверь, посмотрел в окно, не подглядывает ли кто, и, на всякий случай повернувшись к окну спиной, достал из кармана ветхий бумажник. Поплевывая на пальцы, он трижды пересчитал в нем деньги, и, пока считал, лицо его было чужим и суровым. Сережа побаивался дедушку в такие минуты и старался не смотреть на него.

Дедушка спрятал бумажник в карман, сказал:

— Культурные люди.

И прибавил:

— Исключительно культурные люди: задаток дали! На днях приедут. Пойду в передней избе кипятком с перцем еще раз все ошпарю, чтобы ни одного мизгиря или какого общественного насекомого не осталось.

Дедушка целый день наводил порядок в передней избе, а Сережа честно болел на полатях и заснул. Он проснулся от дедушкиного голоса:

— Сергей!

— А?..

— Под окошками черемуха разрослась, свет загораживает...

— Ну?

— Квартирантам это не понравится. Может, топором пройтись?

— Не трогай ее,— попросил мальчик, засыпая.

И опять его разбудил дедушка.
— Сергей!
— Ну.
— Может, баню истопим?
— Сейчас?
— Ну!
— Приедут — истопим.
— Я тоже так думаю. А до этого... Чего это мне в голову-то стрельнуло?
Время шло.
Щека у Сережи опала, а квартиранты все не ехали.
На вятскую землю нагрянуло настоящее тепло, и дышать стало вольнее. Небо засинело, зеленые ели и сосны замерли в этой синеве и кого-то ждали. Запах их смолы — внезапный от прихлынувшего тепла! — щекотал ноздри и подступал к гортани слезами радости.
Несколько раз на дню Сережа выбегал на дорогу до поворота смотреть, не едут ли квартиранты. Лиловая наезженная дорога уходила в рожь, и рожь, совсем юная, с сизой сединой, как дымом повитая, пахла хлебом и обещала урожай. От шагов мальчика из ржи выпархивали зеленые птицы, далеко не улетали и пели:
— Свой, свой, свой...
А рожь с каждым днем прибывала в росте. Намного ли, мальчик сказать не мог, возможно, совсем не намного, но то, что она по колосу всем полем прянула ввысь, это он чувствовал и думал с необидной завистью:
— Мне бы так.
Однажды Сережа проснулся от общего движения в доме: хлопали двери, в переднюю избу что-то вносили, и оттуда что-то выносили.
Вошел совершенно счастливый дедушка и сказал:
— Приехали честь по чести! Сходил бы ты, Сергей, к квартирантам-то. Показался. Поздоровался.
Мальчику отчего-то стало страшно, и он пробормотал:
— Я еще чаю не пил...
— Так они напоя-яят! — уверял дедушка. — Они чего только не привезли! Я у них чемоданы таскать замаялся. И чего ни сделаю, говорят: «Огромное спасибо! Огромное спасибо!» Исключительно культурные люди.
Видя, что Сережа стоит и робеет, за плечи подтолкнул его к двери и ободрил:
— Иди, не бойся. Где наша не пропадала?
— Погоди, я хоть перед зеркалом постою! — заупрямился Сережа.
Перед зеркалом дедушка оправил на внуке рубаху, поплевав на ладошки, пригладил его вихры и подумал вслух:
— Может, тебе ботинки новые надеть?
— Так они велики, — напомнил Сережа. — На вырост куплены...
— На вырост, — согласился дедушка. — Ты в них в седьмом классе пройдешься. Да и так ты орел орлом! Ступай с богом.
Слыша, как в нем стучит сердце, мальчик прошел полутемные сени и остановился перед дверью в переднюю избу. Она была полуоткрыта. Мальчик постучал в ободверину. Ему не ответили. Тогда он бочком взошел на порожек и поздоровался:
— Здра-аавствуйте!
Людей здесь не было.
А переднюю избу было не узнать. В ней поселились новые вещи, цвета, звуки, запахи, в частности тончайший запах духов, какого он никогда не слыхивал прежде. Повсюду и так и эдак стояли и лежали на боку разноцветные чемоданы. Они тоже пахли, да так, что с непривычки щипало глаза.
В простенке между окнами на железной подставке — пя́ле — покоилась подушка для плетения кружев со звонким названием — бубен! Рядом на столе лежали березовые коклюшки.
Пя́ла, бубен, коклюшки были знакомы мальчику, потому что в деревне Кукушке и в иных здешних деревнях крестьянки-надомницы исстари плели кружева с помощью таких же приспособлений.
Мальчик хотел уйти из избы, где не было хозяев, да рядом с коклюшками лежала открытая книга, и от нее исходил табачный запах старых страниц. Сереже мучительно захотелось прочесть хотя бы строчку из этой книги. Ведь дедушка не раз говорил, что именно в старинных книгах можно узнать великую тайну.
Какую?
Скажем, как вернуть больному здоровье, а старику молодость. Или как пройти сквозь стену туда и обратно. А почему сквозь стену, а не через дверь, дедушка не объяснил. «Вот, наверное, почему, — подумал Сережа, — чтобы удивить девчонок в классе».
От этой простой мысли он успокоился и с благоговением заглянул в книгу.
«Прохладительное во время танцев, — прочитал он, шевеля губами, — оранжада № 2417... Фисташковое питье № 2176».
Сережа ничего не понял, полистал страницы и прочитал следующее:
«Вина к столу подаются: шампанское замороженным; бургунское и лафит — подогретыми, а остальные холодными».
«Что за книга такая?» — подумал Сережа и с уважением прочитал заглавие:
«Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве».
Заглавие ему очень понравилось. Во-первых, подарок. Во-вторых, добрый человек писал эту книгу: ведь не все люди зарабатывают помногу, и надо помогать им уменьшать расходы. Сережа с дедушкой живут вдвоем, и трат-то больших нет, а денег в доме всегда не хватает.
Позади себя мальчик услышал слабое, как вздох, шелестение, обернулся и увидел девочку.
Кончиками пальцев держа на отлете подол

бело-розового платьица, она присела в легком поклоне.

— Здравствуйте! — сказала девочка.— Меня зовут Муза. А вас?

Сережа пробормотал нечто невнятное.

— Не поняла,— сказала девочка. Он выговорил отчетливо:

— Сергеем назвали.

— Да-аа? — с некоторой укоризной протянула девочка.

— А что? — насторожился он.

— Ничего. Сейчас что ни имя, то Сергей или Андрей.

— А как надо? — огорчился мальчик.

— Как?

Она села на стул напротив бубна, жестом предложила ему сесть на соседний стул. Он сел покорно. Некоторое время оба молчали. Девочка показала лицом на книгу на столе и спросила:

— Вы много читаете?

— Я-то?

— Да.

— Нет,— признался Сережа.— Вовсе мало...

— Почему? — удивилась девочка.— Не любите читать?

— Не люблю.

— Навеки не любите? — погрустнела девочка. Сережа ответил:

— Может, и не навеки.

Девочка молчала. Молчание затягивалось и чем дальше, тем больше становилось тягостным.

— У меня есть друг,— заговорил Сережа.— Петр Паратиков. В классе он стоит последним по росту. Он маленький, да удаленький. Он до третьего класса говорил: «Ой, уж читать-то мне как неохота!» Наша учительница Августа Николаевна говорит ему: «Ничего, Паратиков, я тебя приохочу». Сейчас отец и мать Петра за уши от книги не могут оттащить. Ему говорят: «Щи простынут!» Он голосом ревет: «Ой, пусть стынут! Ой, уж читать-то мне больно охота!» Может, и я так буду.

Последнее предложение у него прозвучало обещанием, на что девочка одобрительно закрыла глаза, показывая редкие, но длинные ресницы, и медленно открыла их.

— Вы в каком возрасте научились читать? — спросила она.

Сережа подумал и ответил:

— Толком — в восемь лет.

— Что значит «толком»?

— Чтобы без запинки и всякие слова выговаривать.

— Гм. А я в четыре года научилась читать. Мне было ужасно скучно в первом классе. Учительница посадила меня за отдельную парту и, чтобы я не очень скучала, давала мне книжку...

Косясь на старинную книгу на столе, Сережа спросил:

— С картинками?

Девочка пожала плечами и ответила:

— Какое это имеет значение? Но если это вас о-оочень интересует: без картинок. Я так зачитаюсь, что звонка не слышу! Учительница разрешила мне на уроке вести дневник. Я две тетради исписала.

— Толстых или тонких? — спросил Сережа.

— Тонких,— девочка сморщила носик.— Толстых тетрадей нам тогда еще не давали.

— У нас в конторе вот такая тетрадь лежит!

Мальчик показал толщину колхозной тетради и стал перечислять, что в тетрадь эту записывают: урожай ржи, пшеницы, ячменя и гороха. Девочка попросила:

— Сергей, расскажите что-нибудь интересное.

— Как это? — не понял он.

— Какой-нибудь невероятный случай из вашей жизни.

— Из личной жизни? — уточнил он.

— Ну, конечно, из личной!

Сережа задумался и сообщил потерянно:

— У меня ничего такого и не было...

— Совсем?

— Нет, один случай был! — вспомнил мальчик.— В этом году мне на день рождения в школе подарили глиняную тарелку. На ней нарисован олимпийский мишка. Вот такой у меня случай был...

В это время в комнату вошла мама девочки, видимо, только что с купанья. Подняв полные белые руки, она прибирала мокрые златорыжие волосы и смотрела на детей улыбающимися зелеными глазами, а во рту держала приколки. Эти приколки во рту мгновенно напомнили Сереже его маму, потому что она так же прибирала волосы.

Шепелявя из-за приколок во рту, женщина спросила:

— Когда у тебя день рождения, Сережа?

— Когда?..

Он так разволновался, что позабыл, когда. Женщина устраивала приколки в волосах и мягко спрашивала:

— Летом?.. Осенью?.. Зимой?.. Весной?..

— Двадцать первого апреля,— прошептал мальчик.

— Это хорошо,— похвалила женщина.— Ты родился почти в один день с Лениным.

— Конечно.

— А родители тебе что подарили?

— Дак у меня дедушка...

— А папа и мама?

Она смотрела на него с удивлением или любопытством, и мальчик не выдержал ее взгляда. Он опустил голову и повинно признался:

— У меня их со мной нету...

Опасаясь новых расспросов и не зная, как себя вести дальше, Сережа соскользнул со стула и сказал тихонько:

— Я пойду.

На пороге его догнала женщина, присела перед ним, сложив под подбородком ладони свечечкой, и близко заглянула в его очи зелеными глазами, в которых была мольба и

— Приехали честь по чести! — сказал дедушка.— Сходил бы ты, Сергей, к квартирантам-то. Показался.

готовы были вот-вот появиться слезы, да не появлялись.

— Прости меня! — выдохнула она, и дыхание ее пахло молоком.

Сережа сказал ошеломленно:

— Ой, какая вы переживательная!..

Все засмеялись — женщина, девочка и немного погодя сам Сережа. Он удивлялся про себя:

«Что я такого смешного сказал?»

И продолжал смеяться вместе со всеми.

Вытирая слезы, женщина говорила:

— К добру ли мы смеемся?

— Смеяться, право, не грешно,— напомнила девочка. Но, обращаясь только к Сереже, женщина весело повторила:

— К добру ли?

— К добру! К добру! — так же весело откликнулся мальчик, и ему расхотелось уходить отсюда. Он уже опять сидел на стуле и по просьбе обеих собеседниц вспоминал интересные истории из своей жизни:

— ...У нас был котенок. Его звали Соболь, потому что он дымчатый был! Шерсть у него соболиная. У него почему-то глаз стал засыхать, и котенок стал одноглазым. Его увезли в чужую деревню за реку Вятку. Много времени прошло. Ночью я слышу: в дверь кто-то скребется... А я чутко сплю!.. Я дверь открыл — кошка большая в дом заскакивает, и сразу на полати...

— Это где вы лежали? — перебила девочка.

— Когда? — покраснел Сережа.

— Когда мы договаривались о квартире,— напомнила девочка.— Вы лежали на полатях. И мы с вами обменялись взглядами.

— Вон ка-аак? — с веселой укоризной в голосе спросила женщина и Музу и Сережу, на что девочка ответила:

— Мама, в нашем возрасте и у тебя были свои секреты. Сергей, рассказывайте, пожалуйста, дальше про одноглазого котенка.

— Сейчас,— пообещал мальчик, немножко

сбитый с толку птичьей быстротой городского разговора.— Большая кошка-то... полуночница-то тем котенком и была!

— Мы так и поняли,— поторопила девочка.— Дальше.

— А дальше-то-оо,— досказал Сережа,— мы с дедушкой до сих пор понять не можем, как она дорогу нашла и как через Вятку переплыла? И как наш дом не забыла?

— Покажите мне ее!— загорелась девочка.

Сережа отозвался:

— Она под автобус попала...

Женщина сказала решительно:

— Мы с Музой никогда не заведем ни кошку, ни собаку!

— Почему?— растерялся Сережа.

— Пережить живое существо не каждый может,— страдательно говорила женщина.— Человек живет дольше животных, и ему хватает своего горя...

В ее словах Сережа чувствовал неправду, а какую, он не мог понять и заскучал душой. В окна сквозь ветви черемухи пробивалось солнышко, отчего изба была наполнена переменчивым светом. Но черемуха отцвела, и лепестки ее лежали на подоконниках серым весенним снегом.

Сережа догадался, что пора уходить, потому что женщина подала ему какую-то книгу в красном переплете и сказала:

— Возьми к себе почитать, Сережа. Потом вернешь.

Книга была тяжелая, и он спросил невесело:

— Всю ее читать?

— Не обязательно,— ответила женщина.

— Ладно,— вздохнул Сережа.— Почитаем.

Все-таки уходить ему не хотелось, и, втайне надеясь, что его попросят остаться, Сережа произнес прибаутку, которая принята в гостях, в деревне при расставании:

— Дорогие гости! Не надоели ли вам хозяева?

Мать и дочь даже не улыбнулись.

Тогда Сережа подивился вслух:

— Чего это я нынче? Ухожу-ухожу и никак уйти не могу. Теперь вы к нам приходите.

Он старательно закрыл за собою дверь, обитую кошмой, не успел разобраться в своих впечатлениях от новых квартирантов, как дедушка в задней избе стал его расспрашивать:

— Книгу подарили?

— Почитать дали.

— Ничего: подарят еще. Не то еще подарят! А угощали хорошо?

Сережа не ответил.

— По глазам вижу: сластями тебя накормили,— говорил дедушка.— Городские-то кофеем да сластями любят натаркивать! А если я его не люблю? Если меня на другое тянет? Одним словом, на соленое. Сластник ты, Сергей! Ох, и сластник! А я в твои годы... по нужде, конечно... таким не был. Вот и зубы все сохранил, ни одного не потерял.

Он широко раскрыл рот и в который раз показал мальчику свои зубы. Кое-каких, правда, не хватало, но в основном зубы были на месте.

— Видал?

— Видал...

— Что за книгу они тебе дали? Чай, плохую-то не подсунут.

Далеко отставляя книгу от глаз, дедушка прочитал:

— «Пушкин. Стихотворения последних лет». Последних! Надо же. Исключительно культурные люди.

А Сереже хотелось есть и было грустно, оттого что книга оказалась всего лишь стихотворениями Пушкина, которого учительница Августа Николаевна поминает на каждом уроке.

Он с обидой сказал:

— Я думал, они пианино привезут, а они и не привезли-ии...

— Ох, ты какой шустрый!— рассердился дедушка.— По нашим-то дорогам только с пианинами и кататься! Потом ни одного клавиша не найдешь. Ладно, что сами себя привезли. Правильно?

На что Сережа глотнул и ничего не ответил.

Щука с серебряными рогами

Квартиранты оказались людьми замкнутыми. По утрам они одни ходили купаться на речку, принимали от дедушки парное молоко и молодую картошку, днями сидели дома, и через открытые окна, затененные черемухами, доносились голоса и стук коклюшек.

Дедушка по-прежнему отзывался о них с уважением:

— ...Они в четыре руки кружево плетут и такое баское! Одним словом — загляденье. Плетет-то больше Лидия Александровна, а девушка-то подплетает, когда та устанет. Погода им чего-то не нравится.

Действительно, дни были хмуроватые. А вот на Петров день солнце встало изо ржи, играючи и переливаясь, словно заново родилось на свет, и из леса потянуло земляничным жаром.

Дедушка с утра сел шить шапку и с поучением говорил:

— Готовь телегу зимой, а сани летом. Вот я и готовлю. А то старая-то шапка ни на что не походит.

Дело у него не очень ладилось, и дедушка стал ворчать:

— Пока вёдро — сено надо косить, а не с шапкой забавляться. Добрые-то люди так и делают.

Вошла Лидия Александровна, осунувшаяся за эти дни, и о чем-то попросила дедушку. Он тут же позвал внука и спросил:

— Сергей, у тебя нынче никаких срочных делов нету?

— Нет пока.

— Тут вот какое дело, сынок. Они пожелали в лес по ягодку, а одним боязно. Ты бы не пошел провожатым?

— Можно.

И дедушка громко шепнул Лидии Александровне, чтобы услышал и Сережа:

— Он такие места знает. Орел-парень!

Женщина улыбнулась Сереже, а он ответно улыбнулся ей, и она сказала:

— Я догадываюсь.

Она ушла собираться, а дедушка отдавал наказ внуку:

— Ты уж, сынок, расстарайся, а то к ним Вера Кислицина подбирается — сторожиха-то ваша. Я ей в глаза сказал: «Вера Ильинична, ты к ним не крадись! Ты сперва к себе квартирантов пусти, а потом уж их и обхаживай». Ты, Сергей, до упаду их не води, а так, чтобы прошлись. Лесом подышали.

В дорогу взяли берестяные туеса. Мать и дочь надели нарядные косынки, и мальчик повел было их в лес, но дедушка из окна ревниво окликнул его:

— Иди-ка сюда!

— Зачем?

— Сереженька-батюшко! Вдень-ка мне нитку в иголку. А то я два ушка вижу.

Сережа подержал во рту конец нитки, заострил его, вдел в широкое, как оконце, игольное ушко, подал в избу дедушке и спросил:

— Может, еще чего сделать?

Дедушка нагнулся к нему и зашептал:

— Долго-то не ходи, не оставляй меня одного-оо...

Такая резкая сокрытая боль почудилась мальчику в словах старика, что он испугался. А дедушка уже примерял шапку и кряхтел от неудовольствия: великовата! Украдкой оглядываясь на него, на дом свой, мальчик через огород повел спутниц к лесу.

Они шли по заброшенному тракту. Вдоль него росли екатерининские березы, и было им лет по двести, а то и больше. Березы уходили под облака. Некоторые были раскидисты, и под тенью иного дерева могло укрыться стадо коров. Ближе к земле кора на березах была совсем черной, спекшейся от времени, как шлак. Многие деревья по старости были дуплистыми, и все заветные дупла Сережа знал наперечет. А одна стояла совсем полая, и в полости ее могли спрятаться несколько человек. Внизу от нее остался остов из черной коры. Зато наверху береза была снежно-белая. Там, у самого неба, она по-молодому убралась зеленью, и, лоснясь и переливаясь, плакучие ветви ее расточали запах свежего, юного листа!..

Все трое уже прошли ее, но Муза, вспомнив что-то, вернулась, поцеловала черную кору березы, бегом догнала спутников и сказала:

— Она долго будет жить.

После поцелуя девочки Сережа с тихим изумлением засмотрелся на полую березу — на давнюю знакомицу свою, порадовался молодой ее зелени и, словно кто-то небольно подтолкнул его в спину, подбежал к девочке и пожал ей руку.

Теперь они шли по сосновому бору, и смолистый, на ягодах, жар обдавал их и порождал жажду. Голова и кружилась, и яснела, и хотелось без отдыха идти по этому светлому бору, где поверху катится шум, осиянный солнцем. Бор этот возрос на песках, под которыми пряталась каменистая подстилка, а по ней точилась живая вода, оттого соснам жилось здесь вольготно, и иные из них вздымались на такую высоту, куда ни один самый отчаянный мальчишка из деревни Кукушки не пытался подняться. Про этот бор знал Петр Первый и велел отсюда, с Вятки, корабельные сосны брать на строительство российского флота, да так, чтобы не подорвать здоровье заповедного бора. И сейчас деревья на бережёных холмах были могучими, как на подбор, и смело шли в небо в медовых натеках смолы. Редкие пчелы и шмели, принимая смолу за мед, садились на золотые наплывы и затихали, пока не убеждались, что это мед, да не тот.

От жары млели деревья и птицы и, задремывая, говорили во сне вполкрика, вполголоса. Под гул, сонный и тягучий, захотелось лечь среди самоварных шишек на теплую хвою и, слыша, как дышит земля, уснуть.

Муза стала отставать и, позевывая, жаловаться:

— Я пить хочу-уу!.. Нет, я действительно очень хочу пить...

— Неужели нельзя было взять хотя бы бутылку воды?— вопрошала Лидия Александровна и с упреком поглядывала на Сережу.— Или молока...

Он вывел мать и дочь на поляну, полого

идущую к югу, рукой обвел ее и сказал великодушно:

— Отдаю все ягоды на корню!

Поляна была как поляна, в невысокой травинушке. А если чуть-чуть прищурить глаза, то она была красна от ягод, словно мальчик только что высыпал их из рукава. Если верить дедушке, лесные звери обходят эти береженые поляны стороной, птицы облетают их или кормятся с выбором, чтобы всем хватило досыта.

— Ой!— воскликнула Лидия Александровна.— Ой! Неужели может быть столько ягод? Муза, ты видишь?

А девочка уже собирала землянику, больше в рот, чем в туесок, и Лидия Александровна допытывалась:

— Значит, ты их все-таки видишь, доченька?

Муза ответила с полным ртом:

— Я их вижу по очертаниям.

— А по цвету?— спрашивала Лидия Александровна.

— Мама, не мешай!

— Разве я мешаю?..

— Мама, если тебя это о-оочень интересует, ты мешаешь.

Сережа первый набрал туесок с верхом, никому не сказал об этом, отошел на край поляны и на песке увидел глубокий след, точь-в-точь человеческий, если бы не когти. Медведь! Мальчик прошелся вдоль песчаной гривы по следу и определил: мишка грелся на солнышке, на сухом песке, услышал голоса людей и только что удалился в чащу. Большой мишка — вон лапищи-то какие! Сережа собрался показать след квартирантам. Пусть посмотрят, поволнуются, потом будет о чем поговорить. А если испугаются? Правда, нынешний медведь людей боится, да кто знает, чего у него на уме? Он зарока не давал человека не трогать. Нет уж, лучше промолчать да и самому уходить отсюда.

Между тем Лидия Александровна и Муза с верхом набрали туеса и нехотя — без былой радости — собирали ягоды в рот. А поляна по-прежнему была в красном сарафане.

— Домой пора,— напомнил Сережа.— Вон солнышко-то где.

— Когда это оно успело? — удивилась Лидия Александровна.— Мне кажется, оно совсем в другой стороне!

— И мне,— с шутливым испугом поддакнула Муза.— Сергей, вы отвечаете за солнце. Почему оно там оказалось?

— Оно на своем месте,— рассмеялся Сережа и повел спутниц другой дорогой.

Сомлевшие, с разгоряченными лицами, трое медленно пробирались по лесу, и Лидия Александровна говорила:

— Воздух какой, господи!.. Жить около такого леса и не побывать в нем... А это все он, все он...

Она остановилась, дождалась, когда Сережа поравняется с ней, и ладонью погладила его по голове. Это внезапное материнское прикосновение ошеломило мальчика, и он замер. А пальцы женщины все перебирали его волосы, и он слышал твердое, как камушек, обручальное кольцо на одном из них. Гладила ли так его мама? Наверное. Правда, он не помнил или не собирался помнить, когда. Что было, то прошло... Он хотел уклониться от ласк женщины, но разомлевший от жары, от великого счастья быть около людей, от того, что его ласкают и любят хоть ненадолго, от того, что впереди целая жизнь и в ней много светлыни, от всего этого Сережа дал гладить себя вволю и даже помогал ладони Лидии Александровны — с наслаждением ворочал головой.

Но когда женщина дотронулась до щеки, до шеи, где бились жилки, нерезко, чтобы не обидеть Лидию Александровну, Сережа снял ее руку с себя и объявил со спокойной радостью:

— Сейчас озеро будет.

Перехватил растерянный взгляд Музы, убежал вперед и крикнул издалека:

— Вон оно!

Деревья, хвойные и лиственные, встали плотнее, оплели небо; запахло смородиной, и стало слышно, как в лесных потемках пробирается ручей — то ли впадает в озеро, то ли выпадает из него.

Деревья расступились, и люди разом увидели озеро.

Оно лежало овальной чашей и было с краями налито темной влагой. Вокруг собрались сосны, ели и рябины. А вятский вереск, или можжевельник? Рослое, светло-зеленое дерево возносило кипарисовую крону свою в небо, синее по-южному, и Лидия Александровна так и сказала:

— Доченька, кипарисы! Настоящий Крым. Не хватает только Черного моря...

Мальчик засмеялся и показал на озеро:

— А это что?..

Раздвигая влажную траву и синие колокольчики, все еще отягощенные росой, трое вышли на песчаный берег, покрытый птичьими следами.

Вблизи озеро было редкой прозрачности, и вода в нем виделась чище воздуха, кроме коричневого провалища под тем берегом. Белые лилии еще были раскрыты. В озеро, чмокая, впадал ручей, и при впадении клубился песок, где плавали мальки и головастики. Сережа сказал, что вода в ручье родниковая и ее можно пить, и в охотку напился из ладоней. Вслед за ним из ладоней же напилась Лидия Александровна, похвалила воду:

— Вкусная. А ты, доченька?

Муза надула губы:

— А я не хочу.

— Вы всю дорогу просили пить,— напомнил Сережа.

— Я?..— Губы у Музы задрожали.— Никогда!..

Лидия Александровна сняла туфли и, поглядывая на детей, с наслаждением прошлась

босиком по песку. Как-то незаметно она ушла в лес. Без нее девочка тоже сняла туфли, зашла по щиколотку в озеро и, ни к кому не обращаясь, сказала:

— Фи!

Поскольку Сережа промолчал, она добавила:

— В такой противной теплой воде я не буду купаться.

— Озеро только на тридцать сантиметров теплое,— смирно сказал Сережа.— Ниже лед. Ноги опускать нельзя: судорогой сведет. Я не больно толстый, так мне можно плавать.

— А я разве толстая?— вспыхнула Муза.— Спасибо.

— Я ничего такого не сказал...

— Вы?— В глазах у Музы блестели слезы.

Сережа потоптался на месте. Надо было что-то говорить, а что? В чем-то виниться, а в чем? Ничего он придумать не смог и сказал хмуро:

— Вы как хотите, а мы поехали.

Стянул рубаху через голову, сбросил штаны и, подняв брызги, влетел в озеро. Он плыл в верхнем, благодатном слое воды, пластаясь, как лягушка, и все-таки ноги его нет-нет да обжигало холодом. Тогда мальчик пугался и поворачивал к берегу. В этом озере, таком заманчивом на вид, из-за судорог, случалось, тонули люди, те, что отплывали от верхнего, теплого слоя воды, и дедушка строго-настрого наказывал ему не окунаться здесь. Но попробуй удержись, когда жара даже дышать не дает!

Так заманчиво проплыть по самому краешку и избежать беды, а после где-нибудь на полатях вспомнить о своем удальстве и тогда уже испугаться по-настоящему.

Сережа услышал плескание и увидел девочку. Он испугался за нее, улыбнулся ей изо всех сил сквозь страх и, отфыркиваясь, попросил:

— Только не ныря-яяй!.. Пожалуйста.

Она плыла, вытянув губы трубочкой, словно

Сергей вывел Лидию Александровну и ее дочь на поляну, полого идущую к югу.

чай пила из блюдца, отдувалась и глазами сказала:

— Не буду.

Радость за нее, оттого что она умеет плавать и, судя по движениям и по глазам, плавает хорошо, переполнила душу мальчика. От полноты чувств он нырнул головой вниз, ощутил лютый прозрачный холод, от которого заломило зубы и затылок, и, колотя ногами, взбил белую пену. Сережа не вдруг понял, что на радостях он разбил верхний слой и ледяная вода может погубить девочку. Он схватил ее за руку и повлек на берег.

Там Сережа упал грудью на горячий песок, обнял его обеими руками и, согреваясь, стал подгребать песок себе под бока.

Муза села в сторонке и, выжимая волосы, сказала:

— А я не озябла.

Тяжко дыша, прижимаясь к песку всем худеньким сильным телом, с которого так и не сошел прошлогодний загар, он еле выговорил:

— Хо-оо-ло-оо-дно-ооо...

— Я не знала, Сергей, что ты мерзляк! — добродушно сказала девочка.— В бассейне я купаюсь час, и — ничего. Правда, там вода пахнет хлоркой, и она разъедает весь загар. Вот смотри.

Девочка показала бледные руки и прибавила:

— У нас в городе загар очень ценится.

— А мы не замечаем,— сказал Сережа, оглядывая себя.— Ходим, как черны жужелки!

— Знаешь, как я боялась? — жалобно призналась девочка.— Ноги опущу, а там холодно. Будто кто-то меня вниз тянет.

Она беспомощно надула губы, и Сережа приободрил ее:

— Да ты что? Я-то тут.

Пришла босиком Лидия Александровна и сказала:

— Дети, одеваться!

На той стороне озера разошелся всплеск, будто с берега нырнул человек и скоро вынырнет. Все трое замерли. Всплеск повторился: взбугрилась вода с громом и пеной, и по озеру пошли волны.

— Кто это?— спросила женщина.

Прислушиваясь к всплескам, Сережа ответил голосом, пугающим его самого:

— Щука с серебряными рогами. Она сюда стариком одним посажена охранять горловину, подводный родник, живун, по-нашему. На этом живуне держатся все озеро и весь бор. Если он погибнет, озеро высохнет, а с ним и лесá...

Лица у матери и дочери были испуганными, и Сережа, пытаясь успокоить их, прибавил:

— Мне дедушка говорил: «Эта Щука зла людям не делает...»

И осекся: бурун вскипел близко от этого берега, и лилии закачались на волнах.

Лидия Александровна хлопнула в ладоши, как пионервожатая на сборе, и сказала негромко, но повелительно:

— Дети, одеваться!..

При сборах в движениях всех троих была естественная согласованность, какая бывает в семье между людьми близкими. Они разбирали берестяные туеса с земляникой и, хотя в каждом ягод было поровну, выясняли без обиды, кому какой принадлежит. Лидия Александровна взяла в дорогу букет из таволги, колокольчиков и приложила к нему единственную белую лилию, которую она невесть когда сорвала в озере.

А лесная чаша, где лежало озеро, была по макушки деревьев налита красно-золотым воздухом. Солнца уже не было видно, и без него озеро светило смоляным светом, и, думалось, будет светить, покуда жив главный живун.

— Мама, ты босиком? — спросила Муза.

— Да.

— А я-яя?

— Доченька, не все сразу.

— Я тоже хочу босико-оом,— шептала Муза.— Я очень хочу босико-оом.

Они отошли от озера и поднялись по песчаному склону. Позади с громом и эхом била Щука, и все трое остановились.

— Как бы грозы не было,— сказал Сережа.— Она к грозе любит играть. К грозе. К дождю.

— Бум!.. Бум!.. Бум!..— била Щука, и брызги в сумерках разлетались стаей рыб, а, возможно, это были и сами рыбы, за которыми охотилась зубастая охранница.

Отсюда было видно солнце. Оно сидело в ветвях могучей сосны, как красный глухарь, шевелилось и ворочалось под всплесками Щуки с серебряными рогами. Ненадолго свет солнышка укатил на тот берег, и, осветясь, закраснела глина, зажелтели, забелели, засинели цветы. Красный глухарь беззвучно слетел с сосны, и цветы погасли.

А в озере все била и била рыбина, и женщина спросила:

— Ты думаешь, будет гроза, Сережа? Тогда надо торопиться...

В обеих руках она несла туесок с ягодами, большой букет цветов и туфли. Босые ступни ее с потрескавшимся лаком на ногтях были чисто-начисто вымыты росой и розовели от ягодного сока.

Хрипели коростели в траве по обе стороны песчаной дороги, и отчаянно остро, как бывает только в начальном нашем детстве, пахло хвоей, озерной водой, осокой и цветами с лугов. Люди убыстряли шаги, и Лидия Александровна говорила:

— Я иду и слышу: земля такая теплая, парнáя...

— Парýет земля,— подтверждал Сережа.

— Я все равно пойду босиком,— захныкала Муза, но мальчик одернул ее:

— Слушайся матери-то!

Девочка не обиделась.

— Мама,— сказала она.— Ты можешь мне верить или не верить, это твое личное дело, но

мы с Сергеем сегодня перешли на «ты». Ты слышишь, мама?

— Да?— рассеянно отозвалась Лидия Александровна.

— Да, да!— воодушевлялась девочка.— Я знала, что рано или поздно это произойдет. Я догадывалась... Но не думала, что это случится так скоро.

Лица матери и дочери рдели от пережитого дня, и Сережа про себя радовался этому.

«Свожу их по грибы да на рыбалку,— по-хозяйски думал мальчик.— Тройной ухой угощу на озере. Они у меня поправятся, загорят. Ни одна хворь их не возьмет».

— Мама,— возбужденно спрашивала девочка,— почему у маленьких лягушек большие хвосты?

— Никогда не задумывалась над этим...

— Я тоже не задумывалась, пока не увидела их сегодня в озере.

Нечто неизъяснимо таинственное и вечное было разлито в лесном воздухе и небе, где загорелись звезды в проемах между тучами, и все трое держались теснее друг к другу.

— Мама,— спрашивала девочка,— а белую лилию ты несешь для кружева?

— Посмотрю, доченька.

— Я тоже ее рассмотрю всю-всю!.. А если мы не съедим ягоды? Их же много.

— Мы сварим варенье.

— Ой, как я хочу варенья!

Впереди горсткой огней засветилась деревня Кукушка. Огни были рядом, да люди шли до них долго-предолго. В светлом небе неожиданно выросла громада избы, и в звуках жилья путники услышали немолодой женский голос:

Горе, горе! Семь горéй:
Залетка за восемь полей.
Это все не горюшко—
Найду и через полюшко.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Я — юный пионер, моя Родина — СССР

Поздравляем победителей!

В первом номере журнала «Пионер» за этот год была объявлена викторина «Я — юный пионер, моя Родина — СССР», которая посвящалась 60-летию образования Союза Советских Социалистических Республик и 60-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Каждый день редакция получала ответы своих читателей, а 10 апреля жюри начало просмотр работ. А их было немало — **ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ВОСЕМЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ.**

Жюри определило ДЕСЯТЬ АБСОЛЮТНЫХ победителей викторины, которые награждаются путевками в «Артек» на международную смену. Вот они, победители:

1. КОРЖИКОВА Елена, УССР, Полтавская область, г. Кременчуг, школа № 11, 7 класс.
2. РЕШИТКО Вероника — МССР, Кутузовский район, с. Сочитены, Сочитенская школа, 7 класс.
3. БУЛАТ Ольга — Карельская АССР, Питкярантский район, пос. Салми, 7 класс.
4. ОКУНЕВ Алексей — Москва, 7 класс.
5. АРПИУЛЬЕВА Света — Тюменская область, Ямало-Ненецкий округ, Шурышкарский район, пос. Питляр, школа № 132, 7 класс.
6. БЕЗГИНА Елена — Туркменская ССР, Красноводский район, п. Бекдаш, 6 класс.
7. КАРИШЕВ Ровшан — г. Душанбе, 7 класс.
8. ПОТАШЕВА Таня — г. Ленинград, 6 класс.
9. ИСЛАМГАЛЕЕВА Наташа — г. Набережные Челны, 6 класс.
10. БАРАБАШ Мария — Магаданская область, Беринговский район, пос. Нагорный, Нагорненская средняя школа, 6 класс.

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ В «АРТЕК»!

Пусть будет мир!

Мне захотелось участвовать в сборе-поиске «Судьба семьи в судьбе страны». У нас в семье четыре человека: мама — Ягафарова Фаина Илдерхановна, брат — Ягафаров Раиль Наимович, студент техникума, сестра — Ягафарова Клара Наимовна, учится в училище № 28 города Ишимбая, и я.

Всей семьей пять лет растили мы скот: двух коров, двух телят и четырех поросят. Потом передали их государству, а деньги за них отдали в Фонд мира. Мама говорит: «Пусть на земле будет мир!»

Тамара ЯГАФАРОВА, 4-й класс,
с/з «Ащдель», Башкирская АССР.

Работала по-ударному

Я знаю, что журнал «Пионер» ведет на своих страницах Всесоюзный пионерский сбор-поиск «Судьба семьи в судьбе страны», и многие ребята делятся своими рассказами о дорогих им людях, о родных местах. Я тоже захотела рассказать о своей прабабушке, всеми уважаемом человеке у нас в районе.

Родилась моя прабабушка Анастасия Гавриловна Пластун еще до революции, в 1904 году, на Украине, в селе Ахтырка Сумской губернии. Семья была бедная, и детей с детства приучали к тяжелому крестьянскому труду. Училась прабабушка только два года, а с 12 лет стала батрачить на помещика наравне со взрослыми. Так кончилось ее детство.

Только после Октябрьской революции изменилась жизнь моей прабабушки к лучшему. Колхоз имени Третьего полка связи помог ей построить дом, приобрести скот. В тридцатые годы прабабушка с мужем и двумя детьми переселилась на Дальний Восток. На новом месте она стала работать телятницей, очень быстро подружилась со своими питомцами, и работа у нее спорилась. А во время войны прабабушка работала еще лучше, по-ударному. Она добилась высокого суточного привеса у своих телят, хотя кóрма, конечно, не хватало. Но среди ее телят падежа не было, все выжили. На фронте погиб ее муж, мой прадедушка, и прабабушка работала за двоих.

Отзывчивость, доброта, хорошая работа никогда не остаются незамеченными. Прабабушку избирали депутатом Верховного Совета РСФСР, ее труд отмечен ценными подарками, грамотами райисполкома и крайкома. В 1945 году прабабушку наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а позже — медалями «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть». Моя прабабушка — персональный пенсионер и теперь на заслуженном отдыхе.

Жизнь моей прабабушки для меня — образец. И каждый свой шаг я сверяю с ее поступками.

Лариса СИНЕНКО,
с. Хороль, Приморский край.

Живем в колхозе „Коммунист"

В нашей семье все женщины — доярки. Бабушка была дояркой, и мама двадцать пять лет доит коров. Про нее говорят: «Золотые руки». И я хочу быть дояркой. Мы живем и работаем в колхозе «Коммунист» и очень любим наш колхоз.

Галина ФРАНЧИК,
село Верпа,
Житомирская область.

Ударник пятилетки

Моя мама работает на почте уже 17 лет. Она ударник пятилетки, награждена медалью «За трудовые заслуги», у нее много грамот. Мама любит свою работу, свой коллектив. Когда мы переехали на новую квартиру, мама не бросила свое почтовое отделение, осталась трудиться там. Я горжусь, что у меня такая мама.

Катя КЕДЮЛИЧ, 4-й класс, 41-я школа,
г. Куйбышев.

Почетное место

Моя мама Мария Владимировна Жук работает в совхозе на заводе-зернохранилище. Двадцать два года трудится мама, но это не помешало ей вырастить пятерых детей. И всем мама дала высшее образование. Я мечтаю стать похожей на своих старших.

Валя ПАВЛОВА,
с/з «Октябрьский» Саратовская область.

Частичка в общем деле

Сколько помню себя, всегда читала «Пионер». Раньше в журнал не писала, а теперь захотелось мне участвовать в сборе-поиске «Судьба семьи в судьбе страны». Вот и решила я рассказать о своей семье. Я живу с мамой, папой, младшей сестрой, бабушкой и дедушкой.

Мой дедушка — ветеран Великой Отечественной войны. У него много наград за боевые заслуги. Когда мы идем по улице, многие здороваются с дедушкой, и каждый интересуется его здоровьем. А во время праздников, особенно в День Победы, 9 Мая, дедушка получает столько писем и открыток, и все они начинаются словами: «Уважаемый наш Василий Никифорович!» Бабушка моя — тоже ветеран войны, и история ее жизни такая же, как и у дедушки.

Мама у меня работает диспетчером. Она заботится о том, чтобы все машины ее автоколонны вовремя были направлены для перевозки грузов. Осенью, например, главная мамина забота — побыстрее и побольше отправить людям картофеля, капусты, моркови и других овощей.

Мой папа инженер. Он разрабатывает проекты. Потом по его проектам строят дома, предприятия.

Мы с сестренкой учимся в школе, это наш труд. Мы рады, что в общем трудовом деле нашей семьи есть частичка и нашего.

И еще у нас радость: скоро мы поедем в новый девятиэтажный экспериментальный дом! Правда, здорово?!!

Алена ПОПОВА, 6-й класс,
г. Первоуральск, Свердловская область.

Трудовая жизнь — пятьдесят лет

Все пишут о своих дедушках, бабушках, мамах и папах,— и я решила написать.

Мой дедушка Михаил Васильевич Прописнов всю жизнь работал шофером. И на фронте его профессия пригодилась. Он воевал всю войну, освобождал польские города Краков и Катовице и столицу Чехословакии Прагу. Награжден медалью «За боевые заслуги», орденами Красной Звезды и Славы III степени.

За рулем дедушка проработал всю свою трудовую жизнь — пятьдесят лет и получил медаль «Ветеран труда». Дедушке 70 лет, но он и сейчас еще работает шофером. Я ему от всей души желаю здоровья.

Олег ЗАТРАВИН, г. Иваново.

Поздравляем!

Секретариат правления Союза журналистов СССР присудил премию Союза журналистов СССР за лучшую журналистскую работу 1981 года Лие Семеновне СИМОНОВОЙ — заместителю главного редактора журнала «Пионер» за документальное повествование для детей и взрослых «Человек приходит из Детства» и публикацию материалов о Всесоюзном сборе-поиске «Судьба семьи в судьбе страны», посвященных преемственности поколений.

Редколлегия «Пионера», авторы и читатели сердечно поздравляют лауреата журналистской премии и желают Л. С. Симоновой новых творческих успехов.

Марина БОРОДИЦКАЯ

Уехал младший брат

Медведь и заяц рядом,
Забытые, лежат:
На дачу с детским садом
Уехал младший брат.

Уехал наконец-то!
Люблю я тишину!
От шумного соседства,
От «золотого детства»
На славу отдохну.

Вот жизнь-то! Вот подарок!
Никто не пристает,
Значков моих и марок
Без спросу не берет.

И не к кому придраться,
И не с кем передраться,
И некому сказать:
«Отстань!»
Не слышно братца,
Покой и благодать.

Не заорут над ухом,
Не заведут волчка...
Вот рай-то! Вот житуха!
Вот жизнь-то!

Вот тоска...

В метро однажды утром

В метро однажды утром
Я видел гражданина:
Он не болтал ногами,
Он ехал очень чинно.

Он книжку пухлую читал,
А рядом, под скамейкой,
Стоял бывалый чемодан
Со свеженькой наклейкой.

Я надпись четкую прочел
Двенадцать раз подряд:
«Андрюша Кочерыжкин.
Двенадцатый отряд».

На пересменку, что ли?
А может, с пересменки?
Должно быть, на футболе
Поразбивал коленки...

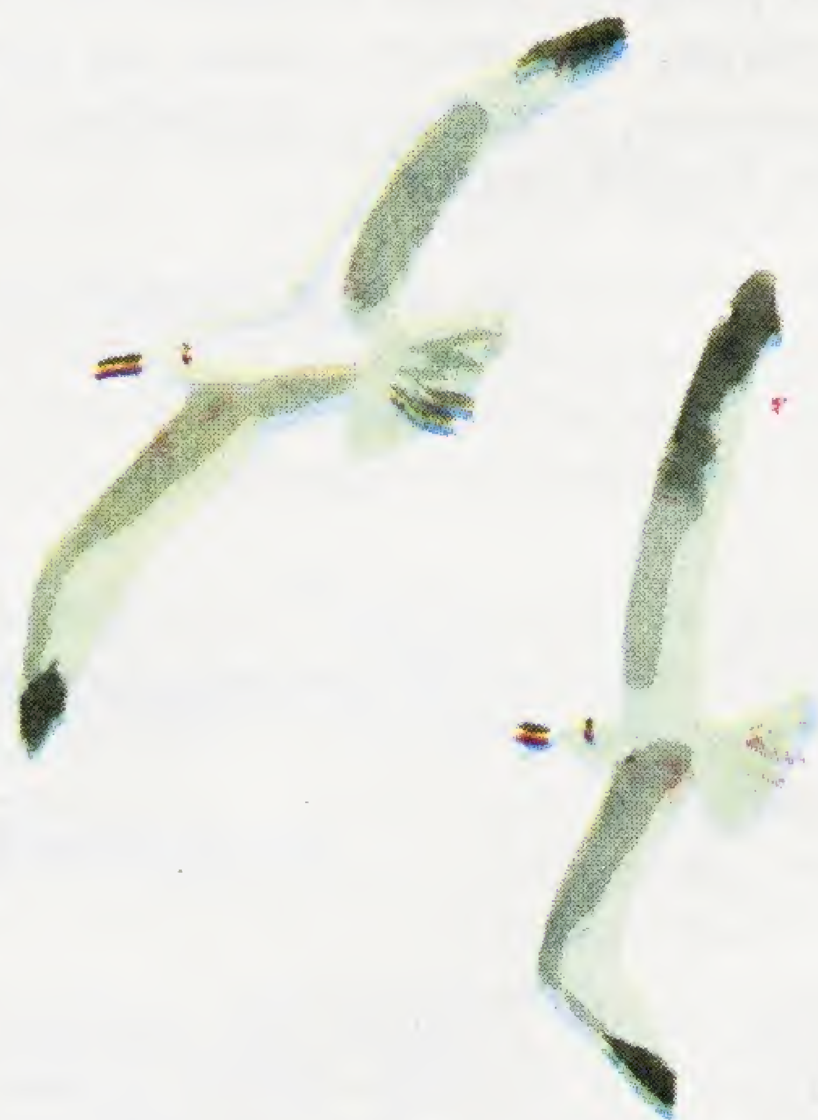
И я, в толпе зажатый,
Гадал, на буквы глядя,
Какой у них вожатый
В двенадцатом отряде,

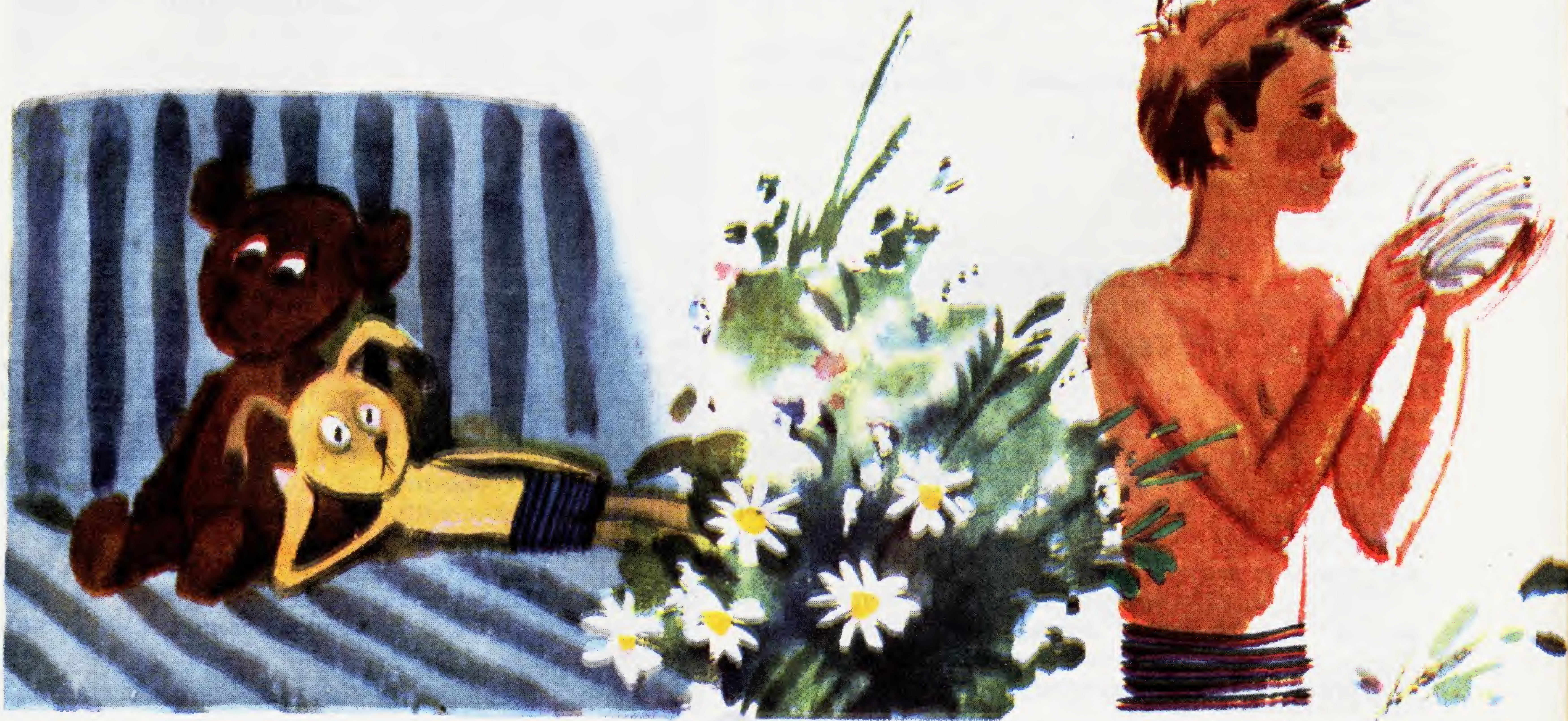
И далеко ли речка,
И много ли малины...
И грустный ехал я домой
Своей дорогой длинной.

И надпись эта снилась мне
Двенадцать раз подряд:
«Андрюша Кочерыжкин.
Двенадцатый отряд».

На контрольной

Не решается задача —
хоть убей!
Думай, думай, голова,
поскорей!
Думай, думай, голова,
Дам тебе конфетку,
В день рожденья подарю
Новую беретку.
Думай, думай —
в кои веки прошу!
С мылом вымою тебя!
Расчешу!
Мы ж с тобою
Не чужие друг дружке.
Выручай!
А то как дам по макушке!

Колдунья

Сидит колдунья, дуется
На целый белый свет:
Колдунье не колдуется,
И вдохновенья нет!

Наколдовала к завтраку
Из Африки банан,
Вдруг видит — а из Африки
Несется ураган!

Наколдовала к ужину
В стаканчике пломбир,
Но убедилась с ужасом:
В стаканчике — кефир!

Ну что за невезение,
Ну что за наказание,
Что даже вместо пения,
Выходит рисование,

И даже вместо курицы
Выходит пистолет...
Сидит колдунья, дуется
На целый белый свет.

А может быть, кто дуется,
Тому и не колдуется?!

* * *

Я в море заплыл
и лежу на спине.
Какая-то птица
парит в вышине.
Какая-то рыба
на дне в глубине
Глядит, как над ней
я парю на спине.

Ореховый гном

В орехе одном,
В орехе лесном
Вчера поселился
Ореховый гном.
В ореховый домик
Он скрылся от всех,
Но ветку пригнули,
Сорвали орех.
И вот
Он плывет
В лукошке моем:
Качается дом,
Кувыркается гном.
Гадает:
Куда принесут?
Съедят
Или впрок запасут?

Раковина

Я раковину взял со дна,
Закрыта наглухо она.

Кто там замкнулся, как в орех,
В ребристый роговой доспех?

Кто там закрылся на замок,
Чтоб я узнать его не мог?

Я в створку твердую стучал,
Но мне никто не отвечал.

Хозяин спал — или, верней,
Он в этот день не ждал гостей,

Иль просто был он нелюдим.
И я раздумал знаться с ним.

Змея

Увидев
свой
хвост,
удивилась
змея:
— Неужто,
друзья,
это
все
еще
я?

Рисунки В. ДУДКИНА.

В. РЫБИН

ЮНЫЕ САНДИНИСТЫ

В ногу с революцией

Десятилетиями свободолюбивый народ Никарагуа боролся против своих угнетателей. И всегда на полях сражений или в колоннах демонстрантов были маленькие никарагуанцы. Кровью юных героев омыты мостовые Манагуа и Рио-Гранде, поля Чинандеги, каменистые тропы гор Уапа...

В конце двадцатых годов Сесар Аугусто Сандино[1] основал в Никарагуа организацию детей. Называлась она «Хор ангелов». Странное название, верно? Дело в том, что никарагуанские дети очень музыкальны. Они любят играть на гитаре и барабане, танцевать.

Детская организация Сесара Сандино и выросла из небольшого хора, в котором пели дети простых людей.

В то время, как грибы, повсюду плодились скаутские и религиозные союзы. В них принимали сынков богачей. В таких союзах детям внушали послушание перед богом и властью помещиков и капиталистов, воспитывали ненависть к борцам за свободу.

А Сесар Сандино хотел, чтобы ребята росли добрыми, чуткими и отзывчивыми на людское горе, патриотами Никарагуа.

В начале тридцатых годов по всей стране полыхала народная война против оккупантов-янки. В партизанских отрядах сражались и воспитанники «Хора ангелов». Многие мальчики и девочки стали разведчиками и связными. Они, как умели, помогали партизанам.

Для того, чтобы поддерживать связь между отрядами, ребята разучивали условные знаки. Они передавали их барабаном или свистком. По цепочке ребята часто предупреждали партизан о выступлении карателей.

В условиях партизанской войны сложились своеобразные правила «Хора ангелов».

Вот некоторые наставления каждому, кто вступал в организацию:

Тренируй свое тело, закаляй волю и дух, готовь себя к служению родине, народу.

Тверже шаг, прямее спину, ровнее ряд, смелее взгляд — учись ходить строем, слушаться приказа командира. Эти навыки пригодятся тебе в походной жизни.

Учись владеть собой.

Умей выслушать товарища.

Окажи помощь пострадавшему, если даже он не просит тебя об этом...

Как только к власти пришел ставленник США А. Сомоса, он запретил «Хор ангелов», а руководителей организации бросил в тюрьмы. Но юные никарагуанцы продолжали помогать старшим товарищам в их революционной борьбе. От поколения к поколению передавался завет Сандино: «**Лучше умереть свободным, чем жить рабом!»**

С 1972 года более пятисот ребят взяли в руки оружие и ушли к партизанам. В партизанских отрядах им настолько доверяли, что поручали даже делать бомбы и гранаты. Ребячьи мастерские работали в отрядах Хуана Хосе Кесады, Риговерто Переса, Бенжемина Селедона. Бомбы и гранаты делали обычно из кокосовых орехов. Бомбы рвались с оглушительным грохотом и наводили панику на сомосовцев. И бутылки с горючей смесью готовили ребята. Пустые бутылки тайком собирали по селениям и переправляли в горы. Здесь их заполняли горючей смесью и крепили самодельный запал. Десятки танков и бронемашин сожгли бойцы такими «зажигалками».

В 1978 году на мирные селения Никарагуа обрушились тысячи бомб. Сомоса отдал приказ стереть с лица земли целые города и поселки. Каждый никарагуанец чудился диктатору революционером, «красным». Сомоса приказал не щадить даже детей, ибо они, по его словам, «становятся не менее опасными преступниками, чем взрослые». По первому подозрению в связях с партизанами детей

[1] Генерал Сесар Аугусто Сандино возглавлял борьбу никарагуанского народа против закабаления страны Соединенными Штатами Америки. Погиб в январе 1934 года.

пытали и расстреливали. Десятки юных героев погибли от рук фашистских палачей. Среди них — Луис Альфонсо Веласкес Флорес. Луисито — так ласково называли мальчика товарищи по борьбе. Связной подпольщиков Манагуа, разведчик, агитатор, организатор студенческих и ученических антиправительственных демонстраций. Много хлопот доставил Луисито сомосовцам, но охранка диктатора выследила и расстреляла его.

В **июле 1979 года** восставший народ сбросил диктатора с трона. Революция победила.

Седьмого сентября 1979 года народная власть учредила в Никарагуа Ассоциацию сандинистских детей. Ассоциации присвоили имя Луиса Альфонсо Веласкеса Флореса.

«Карлитос»

В Ассоциацию сандинистских детей принимают с семилетнего возраста. Старших ребят (11—14 лет) зовут «карлитос». Они названы так по имени Карлоса Фонсеки Амадора, одного из основателей Сандинистского фронта национального освобождения.

Карлос Фонсека Амадор был верным соратником Сесара Сандино и погиб в бою в 1976 году.

«Карлитос» носят красные галстуки. На галстуках черной краской нанесены буквы: ANS — Asociacion de Niños Sandinistas (Ассоциация сандинистских детей).

...Хосе Перес встретил революцию в четырнадцать лет. Он родился в крестьянской семье и с малых лет вместе с отцом батрачил на плантациях помещиков.

Революция впервые посадила детей за парты, дала возможность учиться. Но сколько еще неграмотных крестьян живет в родном селении Переса на берегу озера Никарагуа. Едва научившись писать и читать сам, Хосе принялся обучать грамоте своих земляков.

До поздней ночи при свете керосиновой лампы занимается «школа Переса», как любовно называют жители деревни уроки юного сандиниста. И такая школа не единственная.

С 1980 года в Никарагуа проводится широкая кампания по ликвидации неграмотности. Свыше трехсот тысяч детей в возрасте от четырех до четырнадцати лет взяли в руки буквари. А для взрослых правительство организовало на предприятиях и в кооперативах специальные курсы (ликбезы).

Многие «карлитос», такие же ребята, как Хосе Перес, обучают на этих курсах грамоте рабочих и крестьян.

С керосиновыми лампами, книгами и тетрадями за десятки километров от родного дома отправляются они на борьбу с неграмотностью. Трудна и опасна дорога. Не однажды пули недобитых сомосовцев разили учителей. Враги Никарагуа жестоко расправляются с ними: учитель несет людям свет знаний, правду о революции. Он один из первых, кто помогает строить новую жизнь в самых глухих уголках.

Контрреволюция не пройдет!

Луису Гарсиа и Марино Ригадо по тринадцать лет. Они отлично владеют винтовкой, умеют перевязать раненого, ползать по-пластунски, стрелять на ходу. Эти «карлитос», как и сотни их сверстников из Манагуа, Леона, Рио-Гранде и других городов, входят в отряды помощников народной милиции. Не раз ребята вступали в стычки с контрреволюционерами. Бывшие сомосовцы ведут свои разбойничьи налеты из Гватемалы. Поэтому вдоль северной границы революционная власть выставила врагу заслоны. Рядом с бойцами народной армии в таких заслонах — «карлитос». Часто по тревоге, прямо из школы, они вступают в бой. В одном из боев был ранен Марино Ригадо. А Луис Гарсиа помог задержать диверсанта, пытавшегося взорвать бензохранилище.

...В жаркий полдень затихает жизнь в Коринто.

Только мальчишек не пугает неистово палящее солнце. Повсюду мелькают их загорелые спины. И чаще всего — в порту. В порту работают мужчины Коринто, и после уроков в школе ребята отправляются к своим отцам.

Двенадцатилетний Мигель бывал в порту ежедневно. Ему нравилось наблюдать, как ловко работают грузчики, как один за другим отходят в море катера и рыбацкие фелюги. Мигель знал в порту каждого рабочего. Вот почему однажды ему сразу бросился в глаза незнакомый мужчина в зеленой футболке...

Незнакомец прошелся вдоль причала, постоял у ремонтной мастерской и, крадучись, шагнул к складу горюче-смазочных материалов.

С тех пор, как в Никарагуа победила революция, газеты все чаще и чаще пишут о происках врагов. Мигелю вдруг припомнился недавний митинг в школе, на котором комиссар милиции призывал к бдительности их, юных сандинистов...

Из-за угла склада рванулось пламя. А где же незнакомец? Зеленая футболка мелькнула у груды старых бочек...

— Держите! Держите его! — закричал Мигель и устремился за мужчиной.

Незнакомец отшвырнул от себя мальчика, но подоспевшие на крик рабочие схватили поджигателя.

«Контрреволюция не пройдет!» — один из девизов юных сандинистов.

Чтобы защитить революцию, надо многое уметь. И никарагуанские ребята занимаются физкультурой, военной подготовкой. Все мальчики и девочки хотят с оружием в руках защищать народную власть. Правда, боевые винтовки получают только «карлитос». А что же ребята помладше?

С именем Маскоте

«Нельзя боевую винтовку, дайте учебную!» — требуют младшие ребята. Так же, как и «карлитос», они учатся стрелять и делать все, что необходимо в настоящем бою. Это самые юные, самые беспокойные и неугомонные сандинисты, резерв «карлитос». В Ассоциации сандинистских детей их зовут **маскотевцами.**

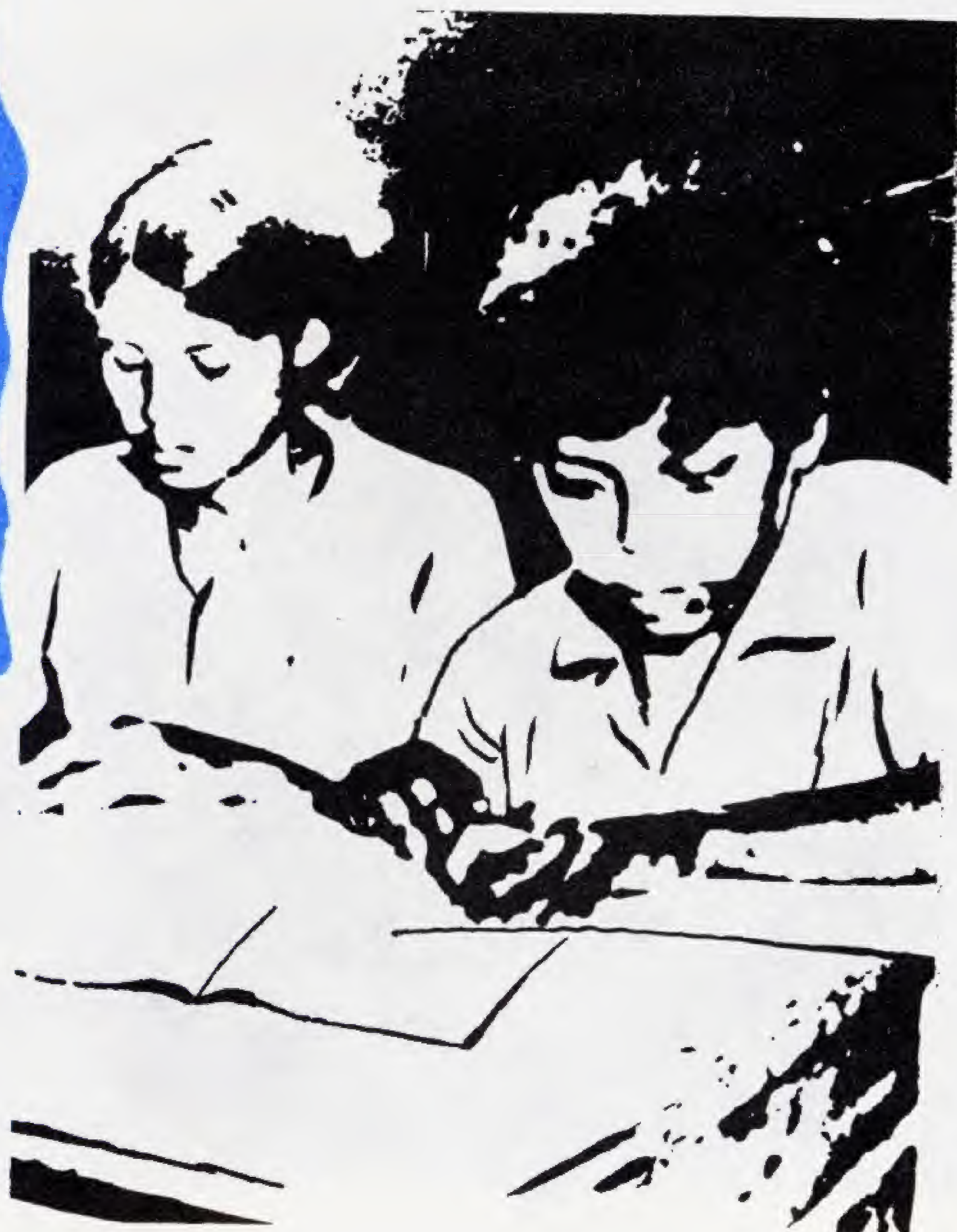
Маскоте — еще один из героев Никарагуа. Настоящее имя его — Мануэль де Хесус Ривера, а «Маскоте» — партизанская кличка. Маскоте шел двенадцатый год, когда недалеко от своего родного городка Дирьямбы он погиб в бою. Погиб, не дожив до победы революции несколько дней...

Дети Никарагуа чтут память о Маскоте. В Ассоциации сандинистских детей его именем называют девочек и мальчиков от семи до одиннадцати лет. Маскотевцы носят голубой с белой полосой галстук. Их **девиз:** «Быть достойным имени Маскоте!» Девиз призывает ребят любить свою родину, как любил ее Маскоте, уметь защищать от врагов.

В одиннадцать лет маскотевцы дают клятву на верность революции, и их торжественно посвящают в «карлитос».

Имя Маскоте носят многие отряды юных сандинистов. В 1981 году маскотевцы Дирьямбы начали сбор документов, связанных с именем Мануэля де Хесус Риверы, и его личных вещей для будущего музея юных героев революции в Манагуа. Ребята отыскивают партизан, воевавших вместе с Маскоте, записывают их воспоминания о герое.

Работа маскотевцев Дирьямбы дала начало в Ассоциации сандинистских детей широкой кампании — похода по местам революционной славы. Десятки детских сандинистских отрядов собирают сейчас сведения о детях — партизанах и подпольщиках.

...Каждый сбор маскотевцев начинается минутой молчания в память о Мануэле де Хесус Ривере — об отважном партизане, отдавшем жизнь за счастье десятков тысяч своих сверстников.

Про Хосе и Рафаэля

Летом 1981 года юные сандинисты провели операцию по организации досуга младших ребят — до-

школьников. Дошкольников в Никарагуа ласково называют «семилитос» — «зернышки». Название это символично. «Какое семя — таков урожай», — говорят никарагуанские крестьяне. «Семилитос» — надежда республики, ее будущее. Еще в двадцатые годы Сесар Сандино завещал: «За детей нужно бороться. В их руках дело нашей революции!»

При диктаторе Сомосе в стране не было ни яслей, ни детских садов.

Дети слонялись по улицам, попрошайничали, подрабатывали у лавочников.

Ассоциация имени Луиса Флореса взяла на себя заботу о «семилитос». За короткое время повсюду появились спортивные и игровые площадки. Соорудили их юные сандинисты. Народная власть открыла для малышей детские сады и ясли. А игрушки и детскую мебель тоже помогают делать ребята-сандинисты.

...В семье Даниэля Веласкеса Рейеса шесть детей. Мал мала меньше. Даниэль работает механиком на текстильной фабрике. Часто остается в ночную смену или дежурит в патруле народной милиции. Трудно пришлось бы с малышами его жене Розалине, если бы не соседи Рейеса — юные сандинисты Хосе и Рафаэль. Они взяли шефство над детьми Рейеса. Чуть выпала свободная минута — ребята бегут к малышам. Играют с ними, рисуют, лепят из глины фигурки людей и животных. А недавно старшая дочь Рейеса — пятилетняя Кончита — написала первое в своей жизни слово. Читать и писать ее научили Хосе и Рафаэль.

Когда рядом друг

Много зла причинил диктатор Сомоса никарагуанскому народу. В последние годы правления он пытался любыми средствами удержаться у власти. Диктатор не прочь был даже уничтожить весь народ ради спасения своего трона. По приказу Сомосы формировались военизированные отряды из подростков и юношей, которые должны были стать опорой режиму. В такие подразделения набирались не только дети из зажиточных семей. Силой заставляли служить диктатору и детей рабочих и крестьян. Тем самым Сомоса хотел натравить трудящихся друг на друга, разъединить и столкнуть детей и родителей.

Победившая революция не наказывала подростков-сомосовцев. Никарагуанцы понимали, что не по своей воле подняли ребята оружие против собственного народа. С первых дней новой власти в стране началась кампания по перевоспитанию таких подростков. Она проходит под девизом: «Добросовестным трудом и учебой — искупить прошлое!»

У некоторых ребят нет родителей — погибли или бежали от революции за границу. Для них народное правительство открыло школы-интернаты. Многих подростков-сомосовцев взяли на перевоспитание отряды юных сандинистов. Ребята вместе учатся, работают, устраивают трудовые десанты и спортивные соревнования. Когда рядом друг, есть на кого опереться, то и жизнь становится интереснее и богаче. Дружба помогает подросткам забыть свое прошлое, вырасти честными, добросовестными гражданами республики.

Трудное время переживает революционная Никарагуа. Юные сандинисты всеми силами помогают взрослым отстаивать независимость родины, строить социалистическое общество в сердце американского континента. Их жизнь неотделима от напряженной и тревожной жизни всей республики. «Труд, учеба, борьба!» — вот закон жизни каждого отряда Ассоциации сандинистских детей имени Луиса Флореса. «Свободная родина или смерть!» — взлетают на митингах и сборах крепко сжатые ребячьи кулаки.

Нет для никарагуанских мальчиков и девочек сейчас слов более дорогих, чем эти.

Страничка КИДа

Пионеры Чехословакии

На книжных полках клубов интернациональной дружбы можно увидеть много интересных книг, которые рассказывают о ваших зарубежных сверстниках. «Эллёре!» — «Вперед!» — книжка о венгерских пионерах, «Пионеры острова Свободы» — о кубинских, «Имени Тельмана» — о пионерах ГДР, «Юные сухэбаторцы» — о монгольских пионерах, «Наши друзья сентябрята» — о пионерах Болгарии. Совсем недавно к этой пионерской серии прибавилась еще одна книга — «Пионеры Чехословакии», которую выпустило издательство «Молодая гвардия».

В этой книге ты прочтешь увлекательный рассказ о Чехословакии, о дружбе двух братских народов — советского и чехословацкого. Глава «Юные горячие сердца» расскажет тебе о том, как живет пионерская организация ЧССР, о ее истории, символах и ритуалах, пионерской форме и значках.

Много любопытного ты найдешь в главе «Нам слово «скука» незнакомо». Ты познакомишься с играми чехословацких пионеров, их песнями, детским творчеством, кинофильмами, которые смотрят чехословацкие ребята.

В книге много фотографий, рисунков, нот для разучивания песен. Советуем тебе познакомиться с этой интересной книжкой.

Рисунки В. ДОНСКОВА.

Дружат поэты

Смена приехала в лагерь «Кипарисный» утром. К обеду ребята уже перезнакомились. Выяснили, кто откуда.

Оказалось, приехали они на теплый артековский берег из разных уголков страны. Из больших городов и малых поселков. Из Бреста, Тынды, Риги, Турсунзаде... Из разных республик!

И решили ребята устроить праздничный костер. В честь шестидесятилетия СССР. Склеили четыре огромных листа. Написали плакат: «ИМЕНИННИК — СССР!».

А тут как раз я приехал в Артек. Я пришел в «Кипарисный», потому что люблю его за тенистые аллеи, за скалы, за маленький уютный пляж. Дети и меня пригласили на костер.

Ребята приготовили такие национальные блюда, что все облизали пальчики. Пели песни и танцевали. Рассказывали про свои республики, про себя: как они играют, учатся, как дружат друг с другом.

И меня попросили выступить. Спросили:

— А поэты дружат?

Я задумался, чтобы ответить поточней. Ребята знали: я не только пишу свои стихи, но и перевожу чужие.

Почему же я стал переводить? По-моему, переводы рождаются из объединяющей людей теплоты. Когда-то я вовсе не собирался переводить. Думал: буду, пока пишется, писать свое. Пишешь-то о том, чем живешь, что чувствуешь. А тут надо проникнуться другой жизнью. Как бы перевоплотиться в другого. И одновременно не потерять себя: свое лицо, свой почерк.

Были все это, так сказать, отвлеченные рассуждения. И они забылись, когда однажды меня попросили дать отзыв о рукописи неизвестного мне тогда Гиви Чичинадзе, грузинского поэта. Его рукопись лежала в издательском шкафу, и было неясно, издавать ее или нет.

Я стал читать. На каждой странице были стихи по-грузински, а рядом их точный прозаический (или подстрочный) перевод. И вдруг у меня в голове нежданно-негаданно замелькали слова, закружились рифмы. И рядом со стихотворением, прозой переведенным так: «— Сестрица улитка, тебе не скучно одной? — Скучно...— Почему же ты построила такое маленькое жилье? Если придут гости,

тебе негде будет их разместить...» — я написал на полях:

— Как живешь, улитка?
— Ох...
— Неужели домик плох?
— Жить одной неинтересно,
И случается тужить.
Домик вышел очень тесный,
Вот придет денек воскресный,
Где гостей расположить?

В детской поэзии немало стихотворений про улитку. Но никто не заметил, что ее домик не годится для встречи с друзьями. А Чичинадзе заметил. И удивился, как ребенок: без друзей что за жизнь?

В рукописи не было ни одного стихотворения пустого, лишенного мысли, обаяния. Всюду чувствовалась какая-то особая оригинальность. Нет, никто другой не мог бы так написать!.. И я с горячностью сказал в издательстве, что сам хочу переводить Гиви Чичинадзе.

Когда же книжка вышла, я обрадовался ей не меньше, чем своей собственной.

А вскоре меня включили в группу московских писателей, вылетавшую в Тбилиси на праздник детской книги. Там мы и подружились с Чичинадзе. Вместе выступали перед читателями. Выяснилось, что Гиви не только стихотворец, но и актер: работает в театре, снимается в кино. Во Дворце пионеров ставит с детьми веселые спектакли. Сам пишет для этого комедии. На елках он в роли Деда Мороза забавляет малышей шутками, загадками. Его знают и любят все. Он чуткий, нежный человек.

С тех пор прошло почти десять лет. За свои стихи для ребят Чичинадзе получил премию Ленинского комсомола Грузии, а за актерскую работу — звание заслуженного артиста республики.

Я с прежним воодушевлением перевожу стихи Чичинадзе. Знаю, он, в свою очередь, переводит азербайджанские, армянские. Переводит и мои. Есть у меня стихотворение про осу. Ребенок капнул на ладошку варенье и крикнул без опаски: «Вот тебе, оса, посадочная полоса!» «Посадочная полоса» по-грузински звучало чересчур технично, и Чичинадзе заменил образ другим: сравнил ладонь со столом, накрытым скатертью («супра»),— в стихах появился мотив гостеприимства. Тот же самый, что и в его «Улитке»...

В Грузии я сблизился и с другими поэтами. Я полюбил талантливого Кишварда Исакадзе, уроженца Рачи — горной Грузии. Неторопливого, обстоятельного, гостеприимного. Исакадзе предан дружбе, братству, коренным началам народной жизни. И в поэзии отстаивает вечные ценности — прежде всего уважение к труду.

...А как забыть Марику Бараташвили? Она известна не только пьесой «Стрекоза» и чудесным фильмом, снятым по этому произведению, но и детской поэмой «Нанули». Она главный редактор журнала «Сакартвелос кали» — «Грузинская женщина». Но, несмотря на столь серьезные обязанности, она ласковая и приветливая. Ее стихи пестрят детскими именами. Ее маленькие герои любознательные, проказливые, наивные, как Лана из этого стихотворения:

Событие веселое, отрадное!
Купили Лане платьице нарядное:
На голубом рукавчике клубника.
В обновке Лана к телефону тянется
И бабушке звонит: «Я в новом платьице!
Оно к лицу мне, бабушка, взгляни-ка!»

Марика Бараташвили рассказывала мне про свое детство. Оно не было безоблачным, как у ее внучки. Рабочий городок Чиатура, многодетная семья. Постоянно живут дети дальних родственников из деревни: школа в городе получше. Однажды — это случилось в особо трудном 1919 году — Гервасий Бараташвили, отец Марики, подобрал на вокзале двух армянских сирот. Худющих, голодных. Он привел их в дом, и дети стали расти в семье. Это был урок дружбы народов, который не позабыть. И все это нашло отражение в поэзии Бараташвили: Марика знает цену веселью, цену миру, счастью!

Так вышло, что в Тбилиси я впервые встретил еще одного поэта, тоже, как и я, гостя Грузии: Нуры Байрамова. И он открыл для меня новый край — Туркмению. Огромную, красочную, полную чудес. Мы потом на его «жигуленке» почти всю ее изъездили вместе. Были в глубине Каракумов, у чабанов. Среди барханов тоже любят поэзию! Мои стихи Нуры читал по-туркменски, но их понимали и по-русски. Оказалось, даже в дальних селениях дети знают русский благодаря ненавязчивому учителю — телевизору. А живущие здесь русские говорят по-туркменски.

Я стремился, уж коли Нуры уговорил меня переводить, оправдать доверие: не растерять его своеобразия. Мне нравилось кое-где сохранять местное словцо. Наши дети, приветствуя дождик, поют: «Дождик, дождик, пуще...» А туркменские кричат: «Растите, мои волосы!» Я перевел:

Дождевые вьются нити...
Вышли в поле и кричим:
«Мои волосы, растите!»
По-туркменски:
«Эс, сачым!»

Яркий характер Байрамова проявился не только в стихах. Мне по душе его правдивая новелла «Как я стал всадником». Вот она.

«Мой отец погиб на фронте, под Смоленском. Я никогда не перестану тосковать об отце. Прощаясь со мной, он вырубил в тальнике прут и дал мне: «Вот тебе конь»; вырубил еще один: «Вот тебе кнутовище». Мне было семь лет, и я мечтал гарцевать на коне. А пока ездил верхом на палочке.

Вскоре я стал работать на молотилке. Молотилку приводила в действие моя помощница — старая кобыла по кличке Огород. На коне мне было еще не усидеть, и я, вообразив себя всадником, вскарабкался на кобылу.

Спустя несколько месяцев вместе с другими ребятами я помогал пасти табун. Наши ахалтекинские скакуны стоят дорого, они знамениты на весь мир. Скакать на них нам не дозволялось: неопытным всадникам нельзя доверять молодых коней. Но мы уводили коней подальше от глаз и тайком скакали через высохшее русло арыка.

Впервые оказавшись на коне, я вцепился в гриву и думал только об одном: удержаться.

Вечером я пил чай и важно молчал.

— Чего ты такой надутый? — спросила мать.

Я сказал:

— Я уже скакал на коне.

Бабушка обрадовалась.

— Мой внук — всадник,— сказала она.

Утром я пошел собирать клевер. Я отдал его коню, на котором скакал через арык».

Эта новелла войдет в новую книжку Байрамова «Где сад расцвел»: ее рукопись (вместе стихи и проза) лежит на рабочем столе переводчика.

...Говорят, чем ближе язык, тем переводить труднее. Так и есть. «Заповит» Шевченко переводят как

«Завещание». Вполне верно, а не то. «...поховайтэ мэнэ на могыли...» Читаем по-русски: «похороните вы меня в могиле», а у Шевченко никакой могилы нет, у него речь идет о кургане, с кургана далеко видно. Близость обманчива. Тополь по-украински женского рода. С ним, вернее, с нею, сравнивается красота женщины. «Як топо́ля похылылась...» А по-русски выходит: «Как тополь склонилась». Точно так чеховский «красавец тополь» превращается в переводе на украинский в «красуню топо́лю», вызывая у читателя совсем другие сравнения. Верно сказано Чуковским: «Не букву буквой нужно воспроизводить в переводе, а (я готов повторять это тысячу раз!) улыбку — улыбкой, музыку — музыкой, душевную тональность — душевной тональностью».

Вся эта переводческая «кухня» стала темой наших бесед с украинцем Володимиром Коломийцем. Когда-то мы учились вместе в университете, а встретились вновь через много лет. Приятно было увидеться. Я и не знал, что Коломиец для детей пишет. Его стихи взволновали меня. Он увлекал читателя любовью к глубинным пластам речи, к старинным именам цветов и птиц, дней недели... Казалось, такие стихи, да еще при языковой близости, совсем не переведешь. Но когда я встретился с Коломийцем, я уже был опытней, уверенней в себе. И трудности лишь распаляли желание и воображение. Я взялся за дело...

И про всю эту работу могу сказать: скреплена дружбой. Вообще в СССР, стране, где выходят тысячи переводных книг (другой такой просто нет), обязательно дружат и поэты.

Так я и ответил ребятам из «Кипарисного». И стал им читать стихи своих товарищей.

В. ПРИХОДЬКО.

Стихи моих товарищей

Нуры БАЙРАМОВ

Радуга

— Радуга, скажи, какая сила
Все твои цвета соединила?
— Это дружба,— радуга в ответ.—
Все цвета — мои друзья, ребята.
Крепкой дружбой радуга богата,
Ясный излучающая свет.

Чтобы петь

Гляжу я на парящего орла.
Орлу необходимы два крыла,
Чтобы летать в высоком синем небе.
Мой брат Сары заботится о хлебе:
Две крепкие руки ему нужны,
Чтоб распахать просторы целины.

Парит орел, он к высоте привык.
Мне, чтобы петь, необходим язык,
Нужна навеки
Речь моя родная,
Что я с далекой колыбели знаю.
И русский мне язык необходим.
Я становлюсь еще сильнее с ним.
Два языка, как два крыла орлиных,
Как две руки в живых полях целинных.

Кишвард ИСАКАДЗЕ

Ансамбль «Семерка»

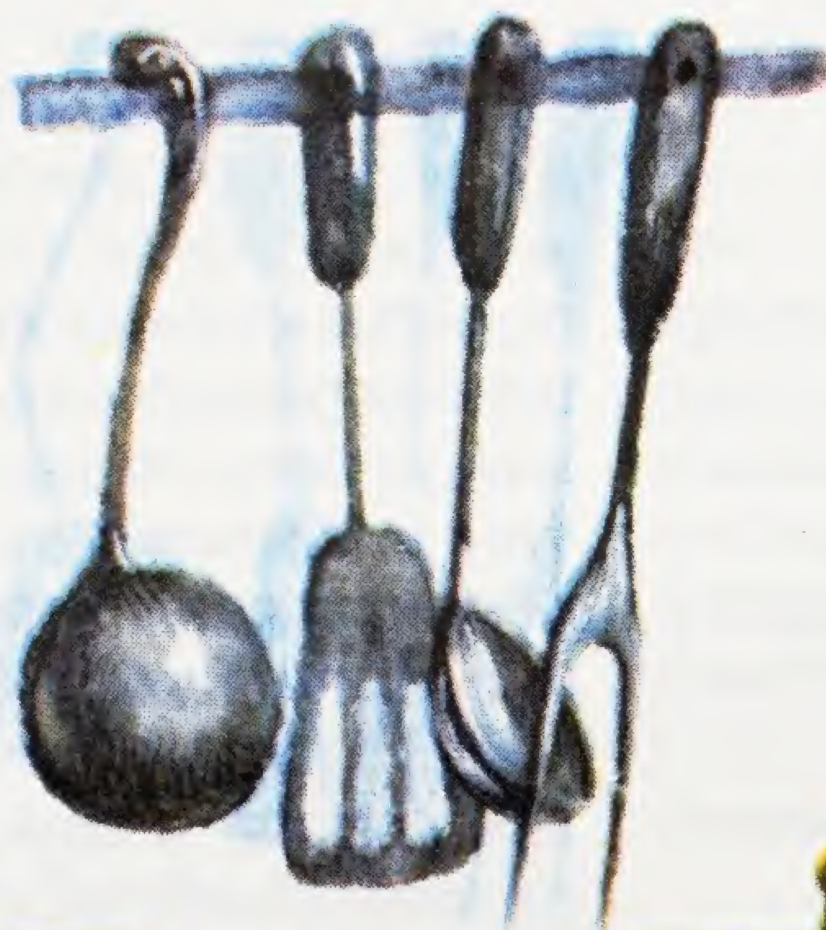
Я, Гия, Лери, Шота,
Резо, Дато и Гела —
Веселая семерка
Из одного двора.
Нам разом петь охота
И танцевать охота.
За чем же стало дело?
По-моему, пора.
Мы знаем много песен.
Мы станем на пригорке.
Всем будет интересен
Концерт наверняка.
Когда начнет смеркаться,
Начнет ансамбль «Швидкаца»,
И подпоют семерке
Луна и облака!

Марика БАРАТАШВИЛИ

Почемучка

Наша Лана — почемучка.
«Почему на небе тучка?» —
«Как в такую вышину
Ночью вешают луну?»
«Почему зимою вьюга?»
«Отчего залаял Цуга?»
(Со двора донесся лай.)
Ну-ка, голову ломай.
«Отчего тепло у печки?»
«Почему туман от речки?»
«Для чего усы коту?»
Всей семье невмоготу.
«Где у курочек аптека?»
(Помогите, знатоки!)
«Почему у человека
Две ноги и две руки?»
Все настырней и упрямей:
«Для чего? Куда и кто?»
Не дает покоя маме,
Папе, бабушке, Като...
Чтобы девочке ответить,
Надо, что ни говори,
Все разведать,
Все приметить,
Все обшарить словари...

Володимир КОЛОМИЕЦ

Звали дождь

Мы кричали в понедельник:
— Лейся, дождь, на можжевельник!
А дождя все нет.
Звали мы его во вторник —
На дубняк, на осокорник.
А дождя все нет.
Говорили в среду-середу:
Брызни на чебрец, на резеду!
А дождя все нет.
Приглашали в четверг-четверток:
— Капни на кусток, на пруток!
А дождя все нет.
Зазывали в пятницу:
— Промочи нам платьице!
А дождя все нет.
Мы велели ему в субботу:
— Приходи в огород на работу!
А дождя все нет.
А в воскресный позвали денек
И бежали от него наутек.
Он везде побывал,
Где велено.

Зелено всюду, зелено!

Гиви ЧИЧИНАДЗЕ

Старая ступка

Встала ступка старая чуть свет,
В кладовой без дела заскучала.
— Ты куда? — ей сито проворчало.
— Воевать с орехами. Привет!
Сковородник, поварешка, таз —
Все соседи ступку окружили:
— Ею мы совсем не дорожили,
А она, видать, храбрее нас!
Вилки и тарелки в свой черед
Восхищались и хвалили ступку,
Удивлялись смелому поступку:
На войну с орехами идет!
В порошок сотрет их! Шутки прочь!..
Но сказала миска суповая:
— На войну? Какая боевая!
А киндзу не может истолочь!

Дмитро ПАВЛЫЧКО

Плес

Мне у воды сидеть не скука.
Часами
В плес глядеть я рад.
Вон лезвием блеснула щука,
Мой перерезывая взгляд.
Но я на дно глазами снова
Тянусь... И что же там, на дне?
Луны дырявую подкову
Я различаю в глубине.
Вот это чудо! Волны света
Клубами тянутся по дну,
И мчится щука, как ракета,
Запущенная на луну!

Рисунки А. ДУГИНА.

Юрий ТОМИН

Происшествия из путешествий

НЕВЕРОЯТНАЯ ПОВЕСТЬ О ВЕРОЯТНЫХ СОБЫТИЯХ

Окончание. Начало в №№ 4, 5, 6, 7

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Первым бутылку заметил шедший впереди Шурик. Она стояла возле камня, и это был несомненный признак обитаемости здешнего мира. Бутылка была без наклейки, возраст ее определению не поддавался. Призвали на консультацию Алексея Палыча, но тот только пожал плечами.

— Стекло практически сохраняется вечно. Ее могли оставить и сто лет назад.

— Сто лет назад не могли,— возразил Шурик.— Эта бутылка из-под пива, а раньше были не такие бутылки.

— Ты-то откуда знаешь?— спросил Гена.

— У меня отец жутко пиво любит. А я посуду сдаю...

— Молодец,— сказал Стасик.— Ну, а теперь вот что: потрепались, и хватит, бери свой рюкзак.

— Да я ему не отдам,— сказала Валентина.

— Ну, тогда у Марины.

— И я не отдам.

— Девочки,— сказал Стасик,— дело не в рюкзаке, а в воспитании человека. Если он сам не понимает...

Но никто так и не согласился уступить Шурику свою ношу. Шурик понимал, что как раз в этом и заключалось само наказание. Надо было бы ему извиниться, и его бы простили. Можно было даже соврать, что он пошутил, а теперь видит, что шутка слегка затянулась. Но он ничего такого не сделал, и с этого момента Шурик исчез, испарился, как личность, и превратился в балласт не только для группы, но даже для весьма покладистого Алексея Палыча.

Не более чем через час группа вышла на лесную дорогу. По виду ее нельзя было сказать, что ею часто пользовались: в еле заметных колеях она заросла травой, между колеями успели вырасти скороспелые ольховые побеги; кое-где дорогу перечеркивали рухнувшие деревья — она была непроезжей не только для автомобиля, но даже и для телеги. Но это уже не имело значения, ибо дороги, подобно рекам, имеют привычку впадать одна в другую и в конце концов приводят к людям.

Осталось решить: направо идти или налево. Поскольку в группе не было ни одного левши, разногласий не обнаружилось, и повернули направо.

Шурик заявил, что он пойдет вперед, на разведку. Никто и никак на это не отозвался. Все понимали, что начинается легкое повиливание хвостом, но вилять было уже поздно.

Идти по дороге было значительно легче. Веник тоже почувствовал перемену обстановки и настроения. Словно зная, что ребята теперь никуда не свернут, он убежал далеко вперед. Он, единственный, не презрел Шурика и приветливо помахал ему хвостом, пробегая мимо.

Ребята шли час и другой, но дорога не менялась; иногда она спускалась в ложбинки, к небольшим ручьям, через которые были перекинуты сгнившие кладки, иногда поднималась на небольшие пригорки, но по-прежнему кругом стоял сплошной лес.

Лжедмитриевна, шедшая впереди, остановилась, сбросила рюкзак.

— Полчаса отдыха,— сказала она.

— А может, не будем отдыхать?— спросил Стасик.

— Все так думают?

— Все,— сказал Шурик.— Идти, так идти.

— Одну только минутку,— попросил Стасик.

Он скинул рюкзак, направился к Чижику и прошептал что-то ему на ухо. Чижик согласно кивнул и тоже снял рюкзак. Затем они подошли к Валентине и, как она ни брыкалась,

отняли у нее рюкзак. Потом с двух сторон подступили к Шурику.

— Руки...— сказал Стасик.

Шурик не сопротивлялся. Он послушно развел руки, и рюкзак оказался на его спине.

Получив пинок сзади, Шурик невольно сделал шаг вперед.

— Иди и не останавливайся,— сказал Стасик.— Еще один фокус — и тебе плохо придется!

— Ты еще у меня получишь,— не слишком уверенно сказал Шурик.

— Договорились,— согласился Стасик.— А сейчас иди и не падай. Если упадешь — пеняй на себя и на нас не обижайся!

И снова потянулась заброшенная лесная дорога.

Теперь впереди шел Шурик. Словно постоянно ожидая пинка сзади, он ускорял шаги, и угнаться за ним было непросто. Вскоре он скрылся из виду.

Алексей Палыч начал всерьез беспокоиться. Еще одна ночевка в лесу и, значит, еще одни голодные сутки могут оказаться не под силу ребятам. Да и для чего же он здесь? Ведь и пошел он для того, чтобы сделать что-то в минуту тяжкую. Сейчас эта минута настала, а он безвольно влачится сзади и ничего не предпринимает.

Алексей Палыч попросил Валентину подменить его у шеста и догнал Лжедмитриевну.

— Мне кажется,— сказал он,— надо действовать решительнее. Если мы к вечеру не выйдем на нормальную дорогу или в поселок, то кому-то надо идти за помощью.

— Я уже об этом думала. Но не к вечеру. Ребята сильно устали. Я наметила срок — два часа. Потом вы останетесь, а я пойду по дороге.

— Пойду я,— сказал Алексей Палыч.

— Но я выносливей и хожу быстрей вас.

— А я лучше сумею объясниться с людьми.

— Согласна. Правда, есть еще выход — оставить все и идти налегке.

— Это половина выхода. Мы не знаем, сколько еще будет тянуться эта дорога...

Да, они не знали. Но скоро узнали. Минут через сорок дорога кончилась у опушки и пересеклась с неშироким проселком.

У обочины, оперевшись спиной на рюкзак, сидел Шурик и вертел головой то вправо, то влево, надеясь увидеть что-нибудь на дороге. Она была проезжей, но не очень накатанной. Видно было, что пользовались ею не слишком активно.

Ребята, скинув рюкзаки, попа́дали на траву. Как-то само собой выходило, что идти больше никуда не нужно, а следует ждать. Тем более что опять предстоял выбор: направо или налево, но ошибаться больше никому не хотелось.

— Пошли бы тогда налево, давно бы уже здесь были,— заметил Шурик, обращаясь к кучевым облакам.

Никто ему не ответил: это было ясно и так.

Через несколько минут ребята, разморенные солнцем, уже спали. Уснул и Борис, положив голову на свой тюфячок. Алексей Палыч и Лжедмитриевна остались караулить.

— Вы не раздумали закончить поход?— спросил Алексей Палыч.

— Нет,— сказала Лжедмитриевна.— Я все решила еще вчера.

— А если они захотят купить продукты и вернуться? Пока еще потеряны только одни сутки...

— Это может случиться. Я еще не знаю, как их уговорить.

— Прикажите.

— Нелогично. И трудно придумать причину.

— Скажите, что нет денег.

— Деньги у Стасика, он знает, что денег достаточно. Я надеюсь на вас, Алексей Палыч. Постарайтесь что-то придумать. Я, конечно, тоже буду думать, но такой вариант не планировался, я к нему не подготовлена.

— А если бы меня с вами не было?

— Тогда и рюкзак бы не утонул...

— Как это понимать?— с удивлением спросил Алексей Палыч.— Опять я во всем виноват? Или я снова чего-то не понимаю?

— Алексей Палыч,— Лжедмитриевна улыбнулась на сей раз совершенно ясно, но улыбка вышла виноватой,— не донимайте меня вопросами. Мне и так нелегко: я даже еще не знаю, что со мной сделают.

— А вот об этом вы начнете думать, когда ребята будут накормлены,— строго сказал Алексей Палыч.

— «Сначала думай о товарище, а потом о себе»? — спросила Лжедмитриевна.— Это я уже поняла, это ценная информация.

Откуда-то издали донесся громкий тарахтящий звук.

Алексей Палыч поднялся и вышел на дорогу. С дальнего пригорка, отчаянно пыля, спускался колесный трактор с прицепом. Когда он подошел ближе, Алексей Палыч своим тощим телом преградил ему путь.

Трактор остановился. Из кабины высунулся парень в выцветшей армейской фуражке.

— Далеко до деревни?— крикнул Алексей Палыч.

Парень зашлепал губами, но за грохотом мотора Алексей Палыч ничего не расслышал.

— До деревни!..— заорал Алексей Палыч.

Скользнув взглядом по ребятам, разлегшимся на обочине, тракторист заглушил мотор.

— Привет, дядя,— сказал он.— Чего нужно?

— Далеко до деревни?

— А вы откуда?

— Из Города.

Парень присвистнул и с сомнением оглядел мятый, порванный пиджак Алексея Палыча, почти недельную щетину на подбородке.

— Деревни, дядя, у нас тут нет. У нас отделение совхоза. Километров двенадцать отсюда.

— Подвезите нас.

— Не могу.

— Я заплачу,— поспешно сказал Алексей Палыч.

— Дело не «в заплачу». Ты видишь — полный кузов комбикорма. Куда я его дену?

— А машины здесь часто ходят?

— Не так чтобы... Да их тоже порожняком не гоняют, вы уж лучше на своих двоих.

— Дети очень устали. Кроме того, они голодают уже... двое суток. Им просто не дойти. Должны же вы понять... У вас тоже, наверное, есть дети.

— Еще не обзавелся,— усмехнулся тракторист.— Но детей я уважаю. Только сам видишь — кузов под завязку.

— Тогда подвезите меня до поселка.

— Это можно,— согласился тракторист.— Залезай.

Едва Алексей Палыч забрался на подножку, как почувствовал, что его дергают за штанину.

— Привезите продуктов, Алексей Палыч,— попросила неугомонная Валентина.— Мы здесь подождем. Стасик!

Протирая сонные глаза, подошел Стасик.

— Дай Алексею Палычу денег на продукты.

Алексей Палыч встретился взглядом с Лжедмитриевной. Она еле заметно кивнула. Он не понял — согласна она продолжать поход или просто хочет отобрать деньги. Но это не имело значения. Алексей Палыч уже знал, что сделает. Он взял у Стасика пакет с деньгами и уселся в кабине.

Алексей Палыч — герой и предатель

В кабине трактора было шумно, как... в кабине трактора. Разговаривать нормально невозможно, приходилось кричать.

— Вы сможете съездить за ребятами?— крикнул Алексей Палыч.

Парень помотал головой.

— А кто сможет?

— Спроси у заведующего.

— Где он находится?

Парень пожал плечами. Алексей Палыч понял, что соревноваться с мотором бессмысленно, и умолк.

Показались дома поселка — несомненно, жилые: одноэтажные имели ухоженный вид; присутствие людей в двух-, четырехэтажных домах выдавали простыни, рубашки и прочее белье, развешанное на балконах. Впрочем, на улицах сейчас никого не было, кроме ребятишек.

Трактор остановился — из кабины высунулся парень в вылинявшей армейской фуражке.

Проехали мимо одноэтажного кирпичного здания, разделенного вывесками на две половины — «Магазин» и «Столовая». Дверь магазина была перечеркнута железной полосой, замкнутой на замок; дверь столовой оказалась открытой. Первое обстоятельство очень понравилось Алексею Палычу, а в сочетании со вторым пока все складывалось прекрасно.

Парень приостановил трактор возле небольшого домика.

— Спроси в конторе, папаша. Может, он там.

Алексей Палыч поднялся на три ступеньки и вошел в помещение конторы.

Заведующий сидел за столом и вписывал что-то в разграфленный на клеточки лист бумаги. Был он чем-то похож на того директора школы, которому Алексей Палыч пытался рассказать правду. На сей раз Алексей Палыч в откровенность лезть не собирался.

— Здравствуйте,— сказал Алексей Палыч.— Не обращайте внимания на мой внешний вид, я прямо из леса.

— Да,— согласился заведующий,— видик у вас — будто корова жевала. Кто же вы такой будете?

— Я учитель,— сообщил Алексей Палыч,— вот мои документы.

От паспорта заведующий не отказался. Он просмотрел его очень внимательно.

— Далековато вы забрели от Кулеминска...

— Мы шли не из Кулеминска. У нас, понимаете, туристский поход. Теперь мы попали в тяжелое положение. Нужна помощь.

— А при чем тут я?

— Там дети...— сказал Алексей Палыч.— Семь человек детей и двое взрослых, считая меня. Все без пищи уже около двух суток.

— Какая вам нужна от меня помощь?

— Необходимо доставить детей сюда, накормить. Дальше посмотрим...

— Где вы их оставили?

— Там, знаете... такая лесная дорога... Мы долго плутали... Потом вышли на проселок... Там они сейчас ждут.

— Ясно,— сказал заведующий.— Разве у вас не было карты?

— Потерялась.

— А продукты тоже потерялись?

— Утонули при переправе.

— Странно. Целый мешок несчастий. Вы начальник?

— Да не совсем так. Я как бы сопровождающий...

— Как бы...— задумчиво сказал заведующий.— Я вот думаю, что мне вас доставить не на чем. У меня всего три бортовые машины, и все в разгоне. Вернутся поздно.

— А нельзя ли на тракторе, с которым я приехал? У него большой прицеп.

— На тракторе...— заведующий поднял телефонную трубку.— Дай мне ферму. Алё, у вас там Семен разгрузился? Как разгрузится, пускай подъедет к конторе.

Заведующий положил трубку и слегка пришлепнул ладонью по столу.

— Все. Посмотрим на ваших детей, какие они из себя. Деньги имеются?

— Да,— сказал Алексей Палыч и похлопал себя по карману, где лежал плотный конверт.

— Очень хорошо. Столовая работает до девятнадцати, магазин откроется в шестнадцать часов.

И вот теперь начиналась самая трудная часть разговора.

— Лучше бы он совсем не открывался,— вздохнул Алексей Палыч.

— В каком смысле?— удивился заведующий.

— Нам необходимо вернуться в Город.

— На здоровье,— сказал заведующий.— Завтра в десять утра пойдет автобус. До электрички километров сорок. Завтра будете в Городе.

— Ребята не захотят возвращаться. Они, скорее всего, решат закупить продукты и продолжать поход.

— Опять же — на здоровье. Закупайте и продолжайте.

— Этого делать нельзя,— сказал Алексей Палыч.— Понимаете, в группе с самого начала все шло как-то не так. То спички пропали, то мазь от комаров, то карта. Наконец — продукты. Поход не сложился, как говорят. В группе начались конфликты, трения. При такой психологической обстановке идти дальше нельзя...

— Так не идите, пускай командир даст распоряжение вернуться.

— Это не так просто,— сказал Алексей Палыч.— Решение надо как-то мотивировать. А мои соображения — это только мои соображения. Кроме того, руководитель не я, а девушка...— сказал Алексей Палыч и не сразу понял, отчего вдруг заведующий расплылся в улыбке.

— Пускай эта девушка и прикажет,— весело сказал заведующий.

— У нее тоже мало оснований.

— Ну, знаете, в ваших основаниях мне не разобраться. Вы что-то недоговариваете?

— Недоговариваю,— честно сказал Алексей Палыч.— Но я просто прошу вас мне поверить, как учителю... Группу нельзя пускать дальше.

— Но я-то что смогу сделать?

— Вы можете приказать не открывать магазин. Поедим в столовой.

— Приказать, говорите...— усмехнулся заведующий.— Могу сказать Клавке, чтобы не выходила. Она только рада будет. Вам это поможет?

— Очень.

— Пожалуйста,— сказал заведующий и оглядел Алексея Палыча, словно видел его впервые.— Слушайте, а вы на самом деле учитель? В паспорте ведь это не написано.

— Мне трудно вам доказать. После всего сказанного, честному слову вы можете и не поверить...

— Могу,— согласился заведующий.— А вот в Кулеминской школе уборщицу как зовут?

— Ефросинья Дмитриевна!— с торжеством выпалил Алексей Палыч.

— Верно!— обрадовался заведующий.— Она родом с Калинковского хутора. А директор школы у вас кто?

— Брыкин Илья Иванович.

— Куда же Костомаров делся?

— Ушел на пенсию.

— Тоже верно,— сказал заведующий и подмигнул Алексею Палычу.— А ты говоришь — не написано...

Под окном, грохоча, остановился знакомый трактор с прицепом.

— Как ты его уговорил, батя?— прокричал тракторист, когда Алексей Палыч уселся справа от него.

— Дети!— крикнул Алексей Палыч.

— Точно,— согласился парень.— Даже дорожный знак есть такой. Ты не думай, что я жлоб какой. Без разрешения не имею права.

Тракторист подвез ребят прямо к столовой. Пока выгружали рюкзаки и выгружались сами, подошел заведующий. Он постоял, посмотрел и направился к Алексею Палычу.

— Это и есть ваши голодающие?

— Они самые. Огромное вам спасибо. Я не знаю, дошли бы они сами...

— Дошли бы,— сказал заведующий.— Хотя видик у них тоже не очень. Можно было, конечно, оставить груз... Или — солдат оружия не бросает?

— Вроде того...— согласился Алексей Палыч.

— Магазин сегодня не откроется. Но вот завтра — не знаю как быть.

— Ничего не нужно,— поспешно сказал Алексей Палыч.— Я нашел выход.

— Ну и прекрасно. Ночевать здесь будете, наверное? У нас тут что-то вроде общежития... так... времянка — строители жили. Вон там, возле водонапорной башни, видите? Ночуйте, там не заперто. Я скажу, чтобы вам к вечеру молока поднесли. Ведра хватит?

— Большое спасибо. Но, может быть, не стоит?

— Спасибо скажете, когда попьете. Вернетесь в Кулеминск — привет Ефросинье. Идите подкрепляйтесь.

Заведующий сел в кабину трактора и укатил в неизвестном направлении.

Лжедмитриевна и ребята стояли у двери столовой и ждали Алексея Палыча. Один лишь Шурик убежал «занимать места», хотя в столовой было совершенно пусто.

Когда вошли в помещение, оказалось, что довольно пусто и в меню: нечто красноватое под именем «борщ», кругловатосплюснутое под названием «зразы» и кисель праздничного красного цвета.

Шурик первым оказался у раздачи.

— Половинку?— привычно спросила девушка-раздатчица.

— Два полных.

Девушка подвигала в котле черпаком, налила две тарелки и плеснула в них сметаны.

— Зразы с рожками? С гречей?

— С рожками и с гречей!— торопливо сказал Шурик.

Шурик отнес два полных обеда на стол, вернулся за хлебом и киселем. Он уселся и начал есть первым. Это была его очередная ошибка. Больше за стол к нему никто не подсел. Они довольно лениво съели по одному первому, а два вторых кое-кто не доел. Алексей Палыч и Лжедмитриевна удовлетворились нормальными обедами.

— А Венику?— сказала Валентина.— Алексей Палыч, можно я возьму для него два вторых?

— Это собаке, что ли?— спросила раздатчица.— Вон у нас объедков ведро полное. Бери. Или он у вас объедки не ест? У нас к бригадиру брат приезжал с собакой — дог называется. Так он ей какао варил...

— Наша все ест,— гордо сказала Валентина.

Веник, лежавший у открытой двери, все слышал и понимал. Неизвестно, в каком обществе он воспитывался, но была у него, видно, врожденная деликатность. Когда Валентина вынесла и вывалила ему груду объедков, он не набросился и не закопался в этой куче, а стал ходить вокруг и выбирать что повкуснее. Время от времени он обводил взглядом окрестность и ворчал в пространство. Помаленьку в дело пошло и то, что похуже. Груда не быстро, но неуклонно уменьшалась.

Алексей Палыч подошел к девушке и расплатился за всех.

— Что будем делать, Алексей Палыч?— спросил Стасик.

Кажется, управление группой постепенно переходило к Алексею Палычу. Он знал, что это ненадолго — до утра, не более.

— Очевидно, мы здесь заночуем?— сказал Алексей Палыч.— Вы согласны, Елена Дмитриевна?

Лжедмитриевна, ничего еще не знавшая о планах Алексея Палыча, тем не менее согласилась довольно охотно.

— Разумеется. Сегодня мы никуда не можем идти. Завтра будет видно.

— Нам предоставили дом для ночлега,— сообщил Алексей Палыч.— Идемте, я знаю, где он.

— А когда в магазин?— спросила Валентина.

— Он сегодня закрыт. Откроется завтра.

— А автобус сюда ходит?— спросил Стасик.

— Будет завтра в десять утра.

— Нам бы этого отправить...— Стасик кивнул на Шурика.

— Это я не знаю,— сказал Алексей Палыч.— Это решайте сами. Но все равно завтра. Пойдемте.

Было уже часов около шести вечера, когда подошли к бараку-времянке. Внутри, на дощатом щелястом полу стояли штук два-

Не успели устроиться, вошла женщина в белом халате с ведром, накрытым марлей.

дцать кроватей с сетками. Но на некоторых сохранились матрацы, у ребят имелись спальники, и устроиться можно было почти как дома. Правда, не ради таких ночлегов уходили они в поход, но тут уж ничего не поделаешь. Денек можно и потерпеть.

«Это они так полагают, что денек...» — подумал Алексей Палыч, ощущая сейчас себя вовсе не спасителем, а самым настоящим предателем.

Ребята начали устраиваться. Спальники оказались влажными, и их пришлось развесить снаружи для просушки. Кое-какая одежда уже высохла на теле, в ней можно было спать на матрацах. Ну, а насчет подушек после таких испытаний говорить было просто смешно.

Не успели устроиться, вошла женщина в белом халате с ведром, накрытым марлей.

— Здравствуйте,— сказала она,— парного молочка не желаете?

Все желали, да еще как! Мигом появились кружки. Ребята черпали прямо из ведра теплое молоко, пили, причмокивая, как телята, и вот тут-то пришла вторая волна голода, и всем опять захотелось есть.

— Я сбегаю в столовую за хлебом?— предложил Шурик.

— Беги,— сказал Стасик.

— Тогда вы меня не отправите?

— Отправим. Ребята, чего резину тянуть? Давайте прямо сейчас проголосуем. Отправляем его завтра? Кто за?

Все ребята подняли руки, даже Борис, позабыв, что он как бы гость.

— Алексей Палыч, а вы?

— Да я все же человек посторонний...

— Никакой вы не посторонний,— заявил Стасик.— Где бы мы сейчас были, если бы не вы! И «пушка» ваша всю дорогу работала...

Сам того не зная, Стасик вонзил в Алексея Палыча тупой и зазубренный кинжал. Это просто нестерпимо, что его признали своим именно сейчас. Никто еще не знает, что приготовил им «свой». Проделки Шурика по сравнению с задуманным — добродушные шутки.

— Конечно, Шурик вел себя не вполне достойно,— сказал Алексей Палыч.— Но я не имею права его судить. Я воздерживаюсь.

— А вы, Елена Дмитриевна?

— Голосовать я не буду. Я могу утвердить или не утвердить ваше решение.

— Ну и как же вы?

— Я утверждаю.

— За что вы его так?— спросила доярка, улыбаясь.

— Он знает за что.

— А вы простите...

— Предателей не прощают!

— Да, какие еще из вас предатели? Дети, они не предатели и не герои, а просто дети. Я так думаю. Вот вы поспите, а утром опять все обсудите на свежую голову. Я вам утром еще молочка принесу. Только мы утром рано встаем. Я вот тут в уголке оставлю.

Доярка ушла, попрощавшись. Борис, взяв у Алексея Палыча рубль, побежал за хлебом, но когда он принес две буханки, в ведре оставалась только его порция. Тем не менее буханки съели. Съели без Шурика. Он объявил голодовку.

Минут через пятнадцать ребята уже спали. Уснул и Борис. Лжедмитриевна сидела на своей кровати, смотрела на Алексея Палыча, и, кажется, ждала от него каких-то сообщений.

— Давайте выйдем,— сказал Алексей Палыч.

Лжедмитриевна послушно поднялась и направилась к двери. Алексей Палыч хотел было разбудить Бориса, чтобы для него не было завтра никаких неожиданностей, но пожалел. Борис спал в неудобной позе, чуть ли не поперек кровати, и был похож на солдата, свалившегося на поле боя. Алексей Палыч за ноги развернул его вдоль матраца, но он даже не шевельнулся.

Алексей Палыч вышел вслед за Лжедмитриевной и раскрыл было рот, чтобы поведать о задуманной им диверсии. Но она начала первой:

— Алексей Палыч,— сказала она,— мне кажется, что я «заразилась».

— Вы плохо себя чувствуете?

— Чувствую я себя как раз хорошо.

— Чем же вы заболели?

— Я не заболела. Помните, я вам говорила, что некоторые наши исследователи, пожив у вас... как бы вам сказать... становятся похожими на ваших людей. Начинают думать самостоятельно, приобретают эмоции — заражаются. Как исследователи они сразу теряют ценность. Вот и я — тоже...

— Когда вы это почувствовали?

— Примерно в то время, когда утопила рюкзак.

— Прекрасно,— сказал Алексей Палыч.— Значит, теперь мы думаем одинаково. Поход прекращается окончательно и бесповоротно. Так?

— Да,— согласилась Лжедмитриевна,— но я пока не знаю как...

Катастрофа

Алексей Палыч проснулся часов в восемь. Ребята еще спали. Лжедмитриевна спала на боку, положив локоть под голову. Алексею Палычу показалось, что сегодня она выглядит совсем по-земному. Возможно, так виделось ему из-за вчерашнего разговора, но с этого момента имя «Лжедмитриевна» заменилось в его мыслях именем «Лена».

Алексей Палыч подошел к ней и потрогал за плечо.

— Будите ребят.

Лена поднялась, протерла глаза, скомандовала подъем и приказала идти умываться. Ребята, отдохнувшие и повеселевшие, побежали к колодцу. Алексей Палыч вздохнул. Взгляд его отыскал в углу ведро, накрытое марлей. На столе в большой чашке высилась куча вареной картошки, и стояла солонка. Минут десять — пятнадцать можно было бы еще потянуть, чтобы не испортить ребятам завтрак.

Весело переговариваясь, ребята чистили сваренную в мундирах картошку, запивали ее молоком и обсуждали, чего и сколько нужно купить в магазине. Алексей Палыч завтракать не стал. Ему казалось, что в такой ситуации сидеть вместе со всеми и притворяться «своим» было бы пределом свинства.

Когда же все поели и Валентина вынесла несколько картошин и мисочку молока Венику, охранявшему их ночью, Алексей Палыч понял, что тянуть дальше нельзя. Он не знал, как начать разговор, но ему помогла Валентина. Она спросила:

— Алексей Палыч, когда открывается магазин?

— Магазин открывается в десять,— Алексей Палыч откашлялся.— Но купить мы ничего не сможем; я потерял деньги.

В наступившей тишине стало слышно, как поет заблудившийся в бараке комар. Алексей Палыч почувствовал, что краснеет,— ему было отчего краснеть. Борис мельком глянул на Алексея Палыча и отвернулся: он знал, что его учитель человек аккуратный. Но также он знал, что учитель его человек честный.

Молчание становилось невыносимым. Алексей Палыч легче перенес бы взрыв возмущения. Но все молчали. Только Шурик икнул — не то удивленно, не то сочувственно.

— Но вы платили вчера в столовой...— произнес наконец Гена.

— У меня были свои. Лучше бы я их потерял.

— Конечно, лучше,— сказал Шурик.

— Заткнись!— заорал Стасик.

И Алексей Палыч понял, что кричат в данном случае не на Шурика.

— Я, конечно, все возвращу...— холодея от собственного нахальства, сказал Алексей Палыч.— Но сейчас у меня просто нет. Вот...

Алексей Палыч вынул из правого внутреннего кармана бумажник, выложил на стол паспорт, фотографию внука, рецепт на лекарство для жены и несколько бумажных купюр. В то же время левая часть его груди явственно ощущала давление левого кармана, где лежал плотный конверт с общественными деньгами. В том, что обыскивать его не будут, Алексей Палыч был абсолютно уверен.

— Вы нигде их не доставали?

— Нет,— охотно ответил Алексей Палыч, ибо сейчас он говорил чистейшую правду.

— Может, выронили, когда на тракторе ездили?

— Вчера вечером к нам заходил тракторист. Я у него спрашивал,— солгал Алексей Палыч: он не хотел, чтобы к парню прилипла даже крупица подозрения.

— У кого есть какие деньги?— спросил Стасик.

Ребята зашарили по карманам, начали выкладывать всякую мелочь. Шурик выложил целых три рубля. Стасик молча отодвинул их в сторону и пересчитал остальные. Даже с деньгами Алексея Палыча выходила довольно смехотворная сумма.

Именно в этот момент Алексей Палыч с трудом преодолел пик искушения — ему захотелось сунуть руку в карман, выложить деньги и сказать, что он пошутил: сдержался он с большим трудом. В мимолетном взгляде Бориса ему снова почудился какой-то укор. Но уж Борис-то должен был понимать...

— Значит, все,— сказал Стасик.

И ни слова упрека...

— Я пойду, попробую поискать...— пробормотал Алексей Палыч и поспешно вышел наружу. Он больше уже не в силах был смотреть ребятам в глаза. И если настоящему вору краденое карман не жжет, то Алексей Палыч явственно ощущал, что левый его карман наполнен чем-то очень горячим.

Борис выскочил вслед за ним.

Алексей Палыч бесцельно бродил по двору, даже не пытаясь делать вид, будто он что-то ищет. За ним по пятам следовал соскучившийся за ночь Веник. Он забежал вперед, полаял на Алексея Палыча, приглашая его поиграть, но этот хозяин почему-то не хотел ни бегать, ни бросать веточки, ни разговаривать.

— Деньги у вас?— спросил Борис.

— Ну, конечно. Просто мне жалко было тебя вчера будить. А как ты догадался?

— Тут и догадываться не надо. Пиджак-то у вас был мокрый вчера... Карман обтянуло прямоугольничком, так этот прямоугольничек и сейчас остался.

— Ты меня осуждаешь?

— Не в этом дело,— сказал Борис.— Я просто подумал: а может, пускай они идут дальше? Зачем мы им будем поход портить? Вроде у них все нормально. А мы вернемся.

— Ты знаешь, Боря, еще пять минут назад я мог сказать, что пошутил. Сейчас это невозможно. Мое самолюбие в расчет можно не принимать. Но сама Лена хочет во что бы то ни стало вернуться. Я пока не понимаю, почему... но... ее-то слово — закон.

— Ладно,— согласился Борис.— Я разве против? Меня уже дома, наверное, с собаками ищут.

— Я помню, Лена сказала, что искать тебя не будут.

— Вы ей больше верьте,— хмыкнул Борис.— Вас тоже ищут, наверное.

— Да,— вздохнул Алексей Палыч,— это моя ошибка. Нужно было настоять, чтобы ты вернулся с конечной станции.

Когда заговорщики возвратились в дом, там, видно, только что закончили какой-то спор. Наверное, как понял Алексей Палыч, за это время родились новые варианты. Войдя, они услышали последнюю реплику Лены.

— Тогда вы пойдете без меня.

— И пойдем!— ответил Шурик, но и на сей раз ему не удалось проломить стену.

— Заткнись!— сказал Стасик.— Тебя не спрашивают. Тебя никогда вообще не будут спрашивать. Елена Дмитриевна, это вы серьезно?

— Стасик,— сказала Лена, и, кроме твердости, в ее голосе Алексей Палыч ощутил сочувствие,— вы все понимаете, что у нас нет другого выхода. Я знаю, что вам не хочется возвращаться... вы столько готовились... Ну, сходите в будущем году.

— С вами?— спросил Шурик.

— Заткнись,— сказал Стасик.— А в этом не выйдет?

— Вернемся — посмотрим.

И тут послышался тихий голос Чижика.

— Р-ребята,— сказал он,— а д-денег н-на б-билеты у н-нас х-хватит?

И всем сразу стало ясно, что разговоры, и споры, и разные предложения были не более чем бесполезной вибрацией голосовых связок. Чижик поставил точку. Алексею Палычу вдруг пришла в голову совершенно абсурдная идея: а может быть, это не так уж плохо для человека, если он слегка заикается? Таких людей часто пытаются вылечить тем, что заставляют их произносить слова нараспев. Но еще неизвестно, что лучше — гражданин, распевающий свои недозрелые мысли, или такой вот Чижик, который сто раз подумает, прежде чем высказаться. За дни похода Алексей Палыч убедился, что только Чижик советовал всегда кратко и всегда точно. Он долго обдумывал, но зато потом говорил все в нескольких словах, и слова его были довольно весомы.

«Заикание речи,— подумал Алексей Палыч,— это чепуха по сравнению с заиканием мысли».

Чижик и раньше нравился Алексею Палычу больше других, но только сейчас он это осознал полностью.

Чижик все и решил, ничего как будто бы не решая.

— Валентина, посчитай теперь ты,— сказал Стасик сурово, и это означало, что все уже кончено.

— Я не знаю, сколько стоит билет на автобус,— сказала Валентина, и это, в свою очередь, означало, что Валентина сдалась окончательно.

Алексея Палыча почему-то никто не спросил.

До отправления автобуса времени оставалось уже немного.

Собирались и укладывали вещи в угрюмом молчании.

Скрипнула дверь. В образовавшуюся щель протискивал свою голову Веник. Какое-то неизвестное нам собачье чутье подсказывало ему, что дело неладно.

— А что делать с Веником?— спросила Валентина.

Никто не ответил.

— У меня совести не хватит его оставить,— сказала Валентина.— Его уже один раз кто-то бросил. Я заберу Веника с собой.

— Только потом на улицу не выбрасывай,— буркнул Стасик.— Я видел, как их сачками ловят. Привезут летом с дачи, поиграют недели две и выкидывают. С ними ведь не только играть, а еще гулять надо и кормить.

— Буду гулять и буду кормить,— сказала Валентина.— Верно, Веничек?

Веник подошел к Валентине, сидевшей у стола, и попытался положить голову на ее колени, но для этого он был слишком мал ростом. Однако это не мешало ему полизать Валентинины кеды.

На автобусной остановке было всего два пассажира. От них узнали, сколько стоят билеты, выходило, что хоть и в обрез, но денег хватит и на электричку.

Алексей Палыч держался в стороне — он не мог слушать этих разговоров. Он еще не представлял себе, как вернет деньги ребятам. Наверное, сунет кому-нибудь и убежит. Или попросит Лену, которая сегодня вела себя просто превосходно. Она и бровью не шевельнула, когда Алексей Палыч «сознался». А ведь он сказал ей еще вчера...

На остановке Борис стянул с себя свитер и подошел к Марине.

— Спасибо,— сказал он.

— Можешь оставить себе.

— Зачем?— нахмурился Борис.

— Ну, на память,— улыбнулась Марина.

— Может быть, ты мне еще и брюки подаришь?

— Господи,— вздохнула Марина,— до чего ты серьезный человек, Боря. Да я просто так говорю. Надо же мне что-то говорить... Настроение у меня плохое, ничего умного я придумать не могу, вот и болтаю. Ты зайдешь к нам в Городе?

— Зачем? — снова спросил Борис.

— Ну, знаешь!.. Вопросики ты задаешь!

— У меня тоже плохое настроение. Дома ведь не знают, что я с вами пошел.

— А где же ты?

— Они вообще ничего не знают.

— Слушай,— сказала Мартышка,— давай вместе съездим к твоим родителям и все им объясним.

— Ты шутишь,— сказала Марина.— Так не бывает.

— Бывает.

Марина внимательно оглядела Бориса. Не похоже было, что у него шутливое настроение.

— Слушай,— сказала она,— давай вместе съездим к твоим родителям и все им подробно объясним.

— А что мы им объясним?

Марина задумалась. В эту минуту подошел автобус, и шофер с ходу начал покрикивать, чтобы скорее садились.

— Мой адрес: улица Строителей, дом четыре, квартира сорок четыре,— сказала Марина.— Запомнить очень легко. Повтори.

— Строителей, четыре, сорок четыре,— машинально повторил Борис.

Запомнить нетрудно. Но это были последние слова, которые он сказал Марине не только в этот день, но и во все остальные.

Приехали

В электричке Алексей Палыч и Борис сели в отдалении от ребят. Отношение к Алексею Палычу изменилось — это чувствовалось совершенно ясно: никто с ним не заговаривал, а он не напрашивался, молча переживая свой неблагородный поступок, совершенный из благородных побуждений. На Бориса тоже падала черная тень Алексея Палыча.

В автобусе Алексей Палыч успел сунуть конверт с деньгами в рюкзак Чижика: он был совершенно уверен, что Чижик никогда и ничего не теряет.

Отчуждение было совершенно явным. Получалось, что именно Алексей Палыч в конечном итоге угробил поход. Провинность Лены, наверное, уже забыли: с ней, во всяком случае, разговаривали.

— Боря,— сказал Алексей Палыч,— мы здесь уже ни к чему. Пойдем в другой вагон.

Они перешли в соседний вагон и уселись у окна друг напротив друга.

Молча смотрели они на струившуюся за окном стену леса. Казалось, все кончилось так, как они хотели. Но не было не только радости, а даже крошечного удовлетворения.

— Жаль,— вздохнул Алексей Палыч.— Хорошие ребята... Для них я на всю жизнь останусь жалким растяпой. А может быть, и похуже, когда они найдут деньги...

— Стойте, Алексей Палыч!— Борис даже подпрыгнул на сиденье.— А ведь получается, что деньги вы не теряли. Вы вообще ни при чем. Деньги украл Чижик!

— Почему? Когда он мог украсть?

— Элементарно. Ночью. Когда спали. Если бы вы сказали вчера...

Это простое соображение не пришло в голову Алексею Палычу раньше, потому что он сосредоточил свои мысли на том, как вернуть деньги. Он их вернул. Он остался честным, может быть, наполовину, но угробил хорошего парня.

— Я иду признаваться,— сказал Алексей Палыч.

— Подождите хотя бы до Города,— посоветовал Борис. Алексей Палыч подумал и согласился. Не потому, что боялся расправы. Он боялся, что воскреснут надежды ребят и они захотят вернуться с полдороги.

В вагон вошла Лена, села рядом с Алексеем Палычем.

— Я пришла попрощаться,— сказала она.— Я понимаю, что вам, Алексей Палыч, встречаться с ребятами больше не хочется...

— Дело не в желании. Я говорил вам, что имеется такое понятие, как совесть.

— Я уже, кажется, начинаю в этом разбираться...

— Куда же вы теперь денетесь?

— Не знаю. Я ведь не выполнила программы — прекратила поход по своей инициативе.

— Вас накажут?

— Нет. Считается, что я лишена эмоций, а для такого...— Тут Лена запнулась, взглянула на Алексея Палыча и усмехнулась:— Такого... человека наказание не имеет смысла. Но, конечно, у НАС прекрасно знают, что я зара...

И тут Лена прервалась на полуслове. Ее лицо словно окаменело. Она выпрямилась, застыла на сиденье и стала похожа на прежнюю железобетонную Лжедмитриевну. Но застывшее лицо было напряженным, словно она вслушивалась во что-то, как тогда, ночью, перед переправой.

— Что с вами, Лена?— спросил Алексей Палыч.

— Подождите,— коротко бросила Лена.

Алексей Палыч в удивлении минуту помолчал, переглянулся с Борисом, как бы проверяя, видит ли его ученик то же самое, что и он. Борис пожал плечами. Он по-прежнему не ждал от Лены ничего хорошего.

— Елена Дмитриевна...— начал Алексей Палыч, но его прервали.

— Помолчите же!

У Алексея Палыча промелькнула догадка, совершенно справедливая, как скоро и оказалось. Постепенно лицо Лены утратило напряженность, но на нем появились растерянность, недоумение, даже что-то вроде обиды — в общем, кое-что из набора чувств, в которых так нуждалась ее упорядоченная планета.

— Другого я и не ждала,— сказала Лена.

— Будут еще неожиданности?— спросил Алексей Палыч.

— Ну, первое для меня не такая уж неожиданность. А второе... Ладно, это мое дело. А вы, Алексей Палыч, можете не беспокоиться, что подумают о вас ребята. Их уже нет.

Алексей Палыч похолодел.

— Как нет?

— Так. Не существует.

Алексей Палыч вскочил.

— Боря, оставайся на месте!— приказал он и бросился в другой вагон.

В вагоне ребят не оказалось. По проходу метался растерянный Веник и выл, словно катер в тумане. Увидев и учуяв Алексея Палыча, он бросился к нему.

— Ай, ай, ай!— жалобно закричал Веник.

Алексей Палыч рванул дверь в тамбур. В соседнем, хвостовом вагоне ребят тоже не было. Алексей Палыч вернулся в свой вагон. За ним, преодолев страх перед грохотом и лязгом переходной площадки, проник Веник.

— Куда вы их дели?!— заорал Алексей Палыч.— Отвечайте немедленно!

— Успокойтесь, Алексей Палыч,— сказала Лена.— Никуда они не делись. Ведь не могли они выпрыгнуть на ходу.

«Да,— подумал Алексей Палыч,— через наш вагон они не проходили, остановок как будто не было».

— Дело в том, что ребят вообще не было.

— Дальше!— прорычал Алексей Палыч, у которого впервые в жизни прорезался бас.

— Ребят не было в том смысле... В общем, так: вы подозревали, что я — машина, а машинами были они. Машинами не в ВАШЕМ, а в НАШЕМ понимании. Можете считать, что они — иллюзии.

— Так это иллюзии съедали каждое утро по котелку каши?! Это они построили плот?! Они мокли под дождем и выпили два ведра молока?!

— Это элементарно,— улыбнулась Елена.— Я немного неточно выразилась. Скажем, не иллюзии, а копии, модели... Не ВАШИ модели, а НАШИ, не молекулярные копии, а поля, которым можно придавать самые различные свойства. Но абсолютно точные копии, вплоть до внешности, характеров и даже запаха.

Алексей Палыч удивился не слишком. Его заинтересовала другая сторона дела.

— Значит, вы нас все время обманывали?

— Я сама об этом узнала случайно. Помните, ночь накануне переправы? Я случайно услышала информацию, которая предназначалась не мне. Я узнала, что ребята — копии.

— Почему вы сразу мне не сказали?

— А вы бы мне поверили?

— Нет,— отрезал Алексей Палыч.

— И я так подумала: даже если вы поверите... Никому легче не станет, вам будет тяжелее, а я останусь без вашей помощи.

— Все это очень складно. Но если есть копии, то должны быть и оригиналы. И я не успокоюсь, пока их не увижу!

— Вы их уже видели там, в школе. Где-то по дороге на вокзал их подменили. И мне даже не сообщили об этом. У нас считается, что наблюдатель должен знать как можно меньше: тогда наблюдения не загрязняются излишней информацией.

— Это я уже слышал,— сказал Алексей Палыч раздраженно.— А нас случайно не подменили?

Лена восприняла эти слова совершенно серьезно.

— Вас — нет. Никто не имеет права к вам даже прикасаться.

— Шесть дней блужданий по лесу...— сказал Алексей Палыч.— Розыски, которые уже наверняка устроили наши близкие,— это называется «не прикасаться»?

— Да. Мне вы можете не верить. Потерпите полчаса, до Города. На вокзале вы все узнаете. Мне сейчас сообщили, теперь я знаю... но лучше будет, если вы сами...

— Тогда,— сказал Алексей Палыч,— я вообще не понимаю, для чего вся эта карусель и над кем велись наблюдения.

— Над вами,— сказала Лена таким тоном, словно это разумелось само собой.— И над Борей. Так было задумано с самого начала.

— Но об этом-то вы знали? Почему не сказали сразу?

— Вы много от меня хотите. Тогда я была не ВАША, а НАША.

— А сейчас?

— Сейчас?..— Лена улыбнулась достаточно грустно для того, чтобы понять, что ей было не слишком весело, но и достаточно для того, чтобы Алексей Палыч отметил, что за последние сутки она научилась улыбаться.— Сейчас я сама не знаю...

— А если бы все сложилось иначе? Я мог бы не поехать в Город... не пойти с вами... не пустить Бориса, наконец.

— Тогда меня бы отозвали. Провели эксперимент с кем-то другим. Но Совет решил, что вы с Борей идеальные кандидатуры. И что вы пойдете.

Может быть, Елена умышленно льстила, чтобы чуть-чуть загладить свои провинности. Но Алексей Палыч, которого жизнь не баловала ни премиями, ни наградами, ощутил в груди приятную теплоту.

— Мы с Борей далеко не идеальные люди,— попытался он смягчить похвалу, за что и был немедленно перенесен из теплой воды в холодную.

— Идеальные своим несовершенством,— пояснила Елена.

— Гм,— сказал Алексей Палыч и обратился к Борису:—А ты, что ты об этом думаешь?

— Строителей, четыре, сорок четыре...— сказал Борис.

— Это еще что?

— Мартышкин адрес.

— Она живет по этому адресу, можешь не сомневаться,— сказала Елена,— только настоящая. Можешь ее навестить...

— Делать мне больше нечего,— сказал Борис.— А ты, наверное, врешь, что не знала...

— Честное слово!— сказала Елена.

Борис усмехнулся.

— Честное... Мазь ты украла?

— Я.

— А спички, а карту?

— Тоже я.

— Какое же у тебя может быть честное слово?

— Это было в моей программе с самого

начала. Не я придумала. Ты знаешь, Боря, сколько было споров... Нужно было придумать для вас какие-то трудности. Считается, что при этом люди проявляют наиболее сильные стороны своего характера. Ну соответственно — больше эмоций...

— Не сильно ты нас напугала,— усмехнулся Борис.

— Я тут ни при чем,— вздохнула Елена.— Триста ученых заседали по мази, создали модель комара... У нас ведь их нет. Четыреста заседаний по спичкам: огнем мы не пользуемся. Восемьсот ученых решали, что́ делать с картой... Только по тебе было создано одиннадцать комиссий. По Алексею Палычу — шестнадцать...

— Вам что, делать нечего?— спросил Борис.

— С вашей точки зрения — да,— сказала Елена.— Потому и заражаются наши наблюдатели — они под вашим влиянием начинают действовать не по программе. Но тогда они перестают быть наблюдателями.

— А все-таки ты врешь, что не знала про ребят.

— Не вру,— сказала Елена и упрямо мотнула головой.

— Поклянись.

— Я не умею.

— Скажи: чтобы мне больше никогда моей планеты не увидеть.

— А мне и так не увидеть,— спокойно сказала Елена.— Я остаюсь здесь. Там я уже не нужна. Мне только что сообщили, что отзывать меня не станут.

Алексей Палыч мысленно вздрогнул. Он представил себе новый круг приключений с Еленой, которую нужно будет куда-то пристроить, что совершенно немыслимо без паспорта, прописки...

— Что же вы намерены делать?— осторожно спросил Алексей Палыч.

— Пока не знаю.

— Но ведь это жестоко.

Лена усмехнулась.

— У нас не существует понятия «жестокость», поскольку не существует понятия «доброта». До этого я додумалась сама, Алексей Палыч! Это по-человечески?

— По-человечески, да не совсем...— сказал Алексей Палыч.— ОНИ и сейчас нас слышат?

— Нет. Они отключились.

— Неужели так трудно вас отозвать?

— А зачем? Им я не нужна.— И тут Алексей Палыч отметил, что впервые Лена произнесла «им», а не «нам».— Информацию они получили. Теперь для них я бесполезна, потому что

Затем они купили билеты
и поехали в Кулеминск по другой дороге.

заразилась. Все логично. Не я первая, не я последняя. Моя сестра, например, была послана к вам младенцем. Ее подобрали, воспитали. За этим процессом следили. Недавно ее отозвали в «отпуск». Это не такой отпуск, как на Земле, всего на несколько минут. Но там она оказалась совершенно бесполезной: полностью очеловечилась.

— Стоп!— сказал Алексей Палыч.— Как зовут вашу сестру?

— Лена.

— Елена Дмитриевна Кашеварова, кандидат в мастера спорта?

— Да. И еще студентка педагогического института.

— Так вот вы чья копия!

— Молекулярная,— сказала Елена.— Или, как у вас говорят, генетическая. Мы близнецы.

— Она вас знает?

— Нет.

— Чушь какая-то!— возмутился Алексей Палыч.

— Вполне логично,— возразила Лена, но на этот раз в голосе ее промелькнула довольно земная ирония.

Поезд завихлял на стрелках городского вокзала. Поплыл мимо и остановился бетонный перрон. Алексей Палыч, вышагивая по перрону, все же не оставлял мысли о том, чтобы заглянуть в ту самую школу и справиться насчет ребят. Это было необходимо для его собственного спокойствия.

И тут он увидел группу туристов.

Навстречу им по перрону, нагруженные рюкзаками, шли:

Елена Дмитриевна Кашеварова, ни одной молекулой не отличавшаяся от той, что шла рядом с Алексеем Палычем и Борисом.

Стасик с шейным платком, повязанным под воротом свитера.

Гена в темных очках.

Сосредоточенный Чижик.

Акселерат Шурик.

Толстая Валентина.

Марина-Мартышка со своим обычным румянцем на юных щеках.

Алексей Палыч и Борис так и застыли на месте. Среди обтекающих их пассажиров они выглядели монументально, и не обратить на них внимание было невозможно.

Стасик скользнул взглядом по Алексею Палычу и спокойно прошел мимо.

Марина, у которой Борис оказался на дороге, почти столкнулась с ним и даже собиралась что-то сказать, но воздержалась.

Лену не заметить было невозможно. Ее заметили и, никак не отреагировав, прошли мимо.

Один лишь Веник, который понуро плелся позади, вдруг подпрыгнул, быстро подбежал к Валентине и стал прыгать на нее, радостно завывая.

— Какая хорошая собачка!— сказала Валентина.— Ребята, возьмем ее с собой?

— А кто же ее кормить будет?— спросил Шурик.

— Я,— ответила Валентина.

Дальнейшего разговора Алексей Палыч не слышал. Группа удалялась вместе с Веником. Алексей Палыч хотел было уже броситься вслед за ребятами, но Лена удержала его за руку.

— Они вас не знают,— сказала она.— Это настоящие. Теперь я поняла: их подменили на вокзале.

— Неделю назад?

Лена покачала головой.

Взвизгнув, электричка, в которой скрылись ребята, тронулась с места.

Алексей Палыч внимательно взглянул на электронное табло. Оно показывало одиннадцать часов тридцать пять минут.

Смутная догадка промелькнула в голове Алексея Палыча. Конечно, он не верил во все эти штучки с поворотом времени. Но ведь в последние дни он имел дело и с другими мирами...

— Какое сегодня число?— спросил Алексей Палыч у проходившей мимо соломенной шляпы.

— Шестое июня с утра было,— не без юмора ответила шляпа.

— А год?

Шляпа вздернула плечи к полям и удалилась.

— Ну вот,— сказала Лена,— вы все поняли сами. В этом времени наше путешествие продолжалось меньше минуты. Сейчас мы замкнули кольцо и вернулись в исходную точку. Теперь я знаю, почему мы не могли вернуться тем же путем: если бы мы повернули назад с места переправы, то вернулись бы на четыре дня раньше, чем вышли. Все очень просто, Алексей Палыч.

— Чрезвычайно просто,— сказал Алексей Палыч, в растерянности надевая очки.— А как же с ребятами? С настоящими? Все повторится?

— Может быть, что-то и повторится,— сказала Лена.— Но у сестры нет никакого задания. Будет обычный поход.

Алексей Палыч чувствовал, как он безмерно устал. Если бы можно было, он улегся бы где-нибудь на скамье и уснул.

Борис потянул его за руку.

— Поехали домой.

— У нас даже денег нет...— сказал Алексей Палыч.

— Есть,— сказала Лена.— Помните, я брала у вас на мороженое?

Лена достала из кармана два рубля пятьдесят две копейки и протянула Алексею Палычу.

— Но у вас же ничего не осталось. Да и вообще... Куда вы денетесь? Надо подумать, чем мы вам можем помочь.

— Вы уже помогли,— сказала Лена.— И помешали тоже. Вы и Боря помогли мне приобрести замечательные человеческие недостат-

ки. Вы и Боря помешали мне вернуться домой. Но разве так уж все плохо?

— Я не знаю...— ответил Алексей Палыч.— Это вам решать... я же, со своей стороны...

— Дайте мне пять копеек,— попросила Лена.— Сестра живет в общежитии. Пойду пока на ее место.

— Да берите все!

Лена покачала головой и улыбнулась.

— Это ничего не изменит. Начну устраиваться с самого начала.

— А знаете...— начал было Алексей Палыч, и в голове его закрутились варианты устройства Лены в Кулеминской школе.

— А что это за птица?— спросила Лена, ткнув пальцем куда-то в сторону вокзального шпиля.

Птицы в тех краях не было. Когда Алексей Палыч вернул своему телу прежнее положение, то не было и Лены. Где-то уже в конце перрона он увидел знакомый блондинистый хвост прически и серо-голубой проблеск джинсовой ткани.

— Ну?— сказал Алексей Палыч, обращаясь к Борису.

— Все нормально,— ответил Борис.— Если только нам не приснилось...

— Если, конечно, да...— сказал Алексей Палыч не вполне по-русски, но вполне соответственно своему настроению.

Затем они купили билеты и поехали в Кулеминск по другой линии.

Возвращение

За все в жизни приходится платить. Платить приходится за каждый шаг и далеко не всегда деньгами. Даже если делаешь кому-то доброе дело, то и за это часто приходится платить: иногда и добро без выкупа не принимают.

Наступила минута расплаты и для Алексея Палыча.

Когда он через кухню пытался пробраться в спальню, чтобы навести на себя хоть минимальный глянец, его засекли. Жена стояла у газовой плиты и спросила поначалу буднично и без всяких эмоций:

— Что так быстро вернулся?

— Экзамена сегодня нет.

— Тогда зачем ходил? Сбегай, Алексей, в магазин, купишь...

Жена окинула взглядом фигуру мужа, и по фигуре этой пробежал трепет.

— Господи! Где же ты так извозился?!

— Я упал,— сказал Алексей Палыч.

Жена с сомнением покачала головой.

— Я падал восемь раз,— сказал Алексей Палыч.

— Это с чего же?

— С того самого,— сказал Алексей Палыч.

— Врешь.

— Вру,— согласился Алексей Палыч.— Может быть, отложим разговор до завтра? Или мне придется продолжать врать.

— Продолжай. Почему ты в этих дурацких тапочках? Где твои иностранные туфли?

— Я дал их поносить,— сказал Алексей Палыч.

В прихожей послышался топот, раздался стук в дверь, и вошла девочка-почтальонша.

— Тетя Аня, вам телеграмма, распишитесь, пожалуйста.

О телеграмме Алексей Палыч забыл начисто. Он попытался было перехватить бланк, но жена стояла к девочке ближе. Она взяла телеграмму, прочла, внимательно взглянула на мужа и расписалась.

Девочка ушла.

— Идем, Алексей, поговорим...— сказала жена.

На этом мужа и жену можно оставить.

Что же касается Бориса, то его отсутствия просто никто не заметил.

Однажды весенним днем наш отважный «Кораблик» бросил якорь в Черном море возле высоких гладких скал с красивым именем Адалары — словно часовые, стоят они у берега, на котором раскинулся знаменитый пионерлагерь «Артек».

«Кораблик» спешил сюда за стихами и рисунками ребят, которые собрались в «Артек» со всей нашей страны для участия в юнкоровской смене. Были среди них и юнкоры «Пионера», награжденные бесплатными путевками.

Хороших стихов, рассказов и рисунков набралось так много, что «Кораблик» не смог увезти все сразу. Он вернется к Адаларам еще раз, чтобы заново наполнить трюмы ценным грузом.

Саша СТРИГАЛЕВ живет в Белоруссии, в городе Борисове, учится в 7-м классе «А» школы № 8.

Майская ночь в «Артеке»

Глубоким сном горнисты спят.
Весь горный лагерь спит, и в горны
лишь задувает ветер горный,
тая побудку от ребят.

От стартов и походов за день
наш притомившийся отряд
не шелохнется средь палат —
лишь я не сплю, на звезды глядя.

Я — то бегу, мчу на коне
горнистом. Хлещет рядом знамя.
И Перекоп строчит по мне
с гнилых болот очередями.

То, как конструктор Королев,
лечу над морем. Полуостров
кренится под моим рулем,
как будущей ракеты остов...

И в целом мире тишина,
лишь кипарисы шепчут сухо,
да черноморская волна
бежит от Ялты до Гурзуфа.

Алеша БАЛЫКОВ — восьмиклассник. Он живет в Пятигорске, член юнкоровского отряда «Пламя».

Корвет

Покачиваясь тихо на волнах,
Стоит у пристани корвет.
На мачте, развеваясь,
Алеет красный вымпел,
А на борту написано:
«Отважный».

Вдруг тишину прервала
Трель дудок боцмана,
И резко заиграла
Сигнальная труба.
Команда строится на палубе,
И капитан сурово говорит:
«Ставь паруса!»

Мгновенье, миг — и белый парус
Взвился над волнами...
И, тихо покачнувшись,
Он двинулся вперед, корвет.
Опасности он не боится,
Готов всегда за правду биться.
«За правду биться!» —
Вот его девиз.

«КОРВЕТ».— М. Джаватханов.

«КРАЙ РОДНОЙ».— Ирик Гареев.

Ира КОСТИНА живет на Севере — в Плесецком районе Архангельской области, учится в Кенорецкой восьмилетней школе. Ира посвятила стихотворение своей лучшей подруге Тоне Волгаревой.

Стихи о дружбе

Хороший друг есть у меня,
Но чем же он хорош?
А тем, что в стужу, в снег и в дождь
На помощь он придет.
И грусть, и радость делим мы
Все время пополам.
Где он, там рядом я всегда,
Где я, он рядом там!
Пусть дружба будет так крепка,
Как крепки сталь, алмаз.
И этот стих,
Пусть небольшой,
Написан о друзьях.

Стихотворение Вали ЗОЛОТУХИНОЙ и Балкин РАХИМЖАНОВОЙ — пятиклассниц из Чимкентской области Казахстана.

Казахстан

Казахстан — это край, где кругом целина,
Где кругом красота и раздолье.
Я люблю этот край — золотые поля.
По плечу нам, ребята, любые дела.

Стихотворение «Парусок» сочинила Ира ДОЛЖЕНКОВА, восьмиклассница из пресс-центра «Алый парус» города Первоуральска.

Парусок

Бушует море-океан
С заката до рассвета,
На море шторм, на море шквал,
На море злые ветры.

А он, малыш, спешит вперед,
Ни капли не боится.
Он, словно судно-ледоход,
Сквозь вой и волны мчится.

Старый матрос с трубкой в руках
Строго качнул головою:
— Куда ты, малыш,
Несешься, спешишь,
неведом тебе разве страх?

А тот лишь упрямо кормой покачал
И вдаль заспешил,
Летя по волнам,
Дразня еще пуще шквал.

Таня МУХАМЕДЖАНОВА из Свердловской области сочинила стихотворение о том, как трудно быть юнкором. Таня живет в городе Серове, учится в средней школе № 23, перешла в 7-й класс.

Мое оружие

Мое оружие — статья,
Писать мне нужно метко,
Но — что поделаешь, друзья,—
Не пишется заметка!
Зато я знаю, как мне быть:
Учиться буду я
И напишу про все, про все,
Про вас и про себя.

Еще одно короткое стихотворение Тани — ее мечты о будущем.

Я вырасту...

Я вырасту и в Космос полечу,
Ракету новую изобрету,
А может, даже звездолет,
Чтоб меня и вез, и нес.

На сенокосе

Июль в народе называют сенокосным. Трава поднялась высокая, спрячешься — никто не найдет. Завтра на сенокос. Едва начала заниматься зорька, мы уже на ногах. Оседлали Серко. С лошади все видно как на ладони. Добрались до покоса.

— Вжик! Вжик! Вжик! — звенят косы. Ровными рядами ложится скошенная трава. Вот бы и мне так научиться!

В обед у костра не смолкают разговоры. А чай, такой вкусный, пахнет дымом.

— Хочешь, чтобы к нам пришли гости? — спрашивает папа.

— Конечно, — отвечаю я, и папа начинает насвистывать. Сначала тихо, потом чуть громче, еще громче и снова тихо.

На поляне появляется зверек, за ним другой, третий. Желтые, с белесыми подпалинами, они все ближе и ближе подходят к нам и насвистывают так же, как папа. Один из них так забавно машет передними лапками, что я невольно смеюсь. «Гости» бросаются врассыпную. Это были сурки, объясняет папа. Он тоже смеется.

Близится вечер. Все медленнее звенят косы. Подходит к концу трудовой день. Неподалеку — малинник. Раздвигаю ветки и собираю ягоды. Вдруг — сильный шорох, и прямо на меня выскакивает огненно-рыжая лисица. Точь-в-точь как в сказке. Но это я уже после подумала, а сначала здорово испугалась.

Подошел папа и рассмеялся.

— Патрикеевна твоего вида испугалась. Посмотри, все лицо в малине!

...И вот мы снова в пути. Петляет тропинка по скошенному полю. Темнеет. Кончился день сенокоса.

Роза КУМАРГАЖИНА,
село Катон, Восточно-Казахстанская область.

Не стоит благодарности?

Однажды мы с подругой были в театре. Когда спектакль кончился, мы пошли в гардероб за одеждой. Нам выдали наши пальто, и я поблагодарила гардеробщицу. Подруга удивленно посмотрела на меня и сказала: «Что ты ее благодаришь? Это же ее работа». И я подумала тогда: неужели не стоит благодарить людей, которые работают в театрах, музеях, кинотеатрах?

Алла ЧУВАШЕВА,
г. Москва.

Подарите мне щенка...

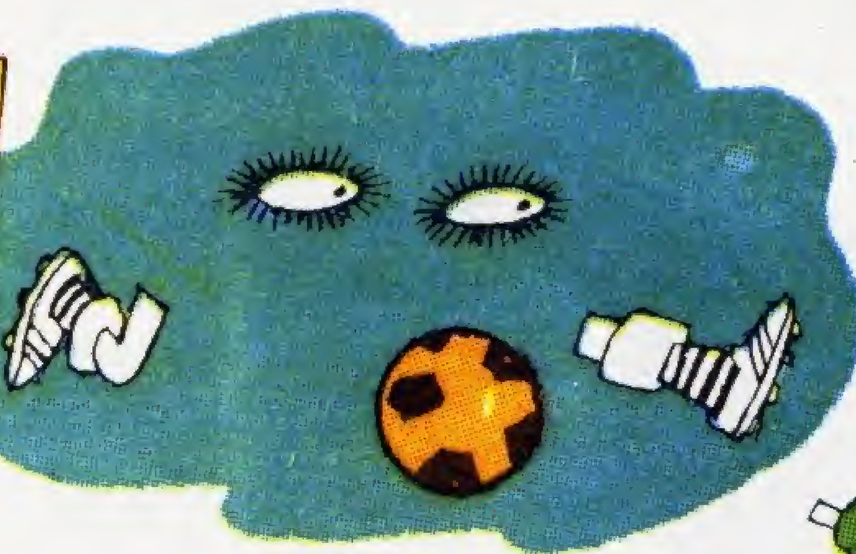

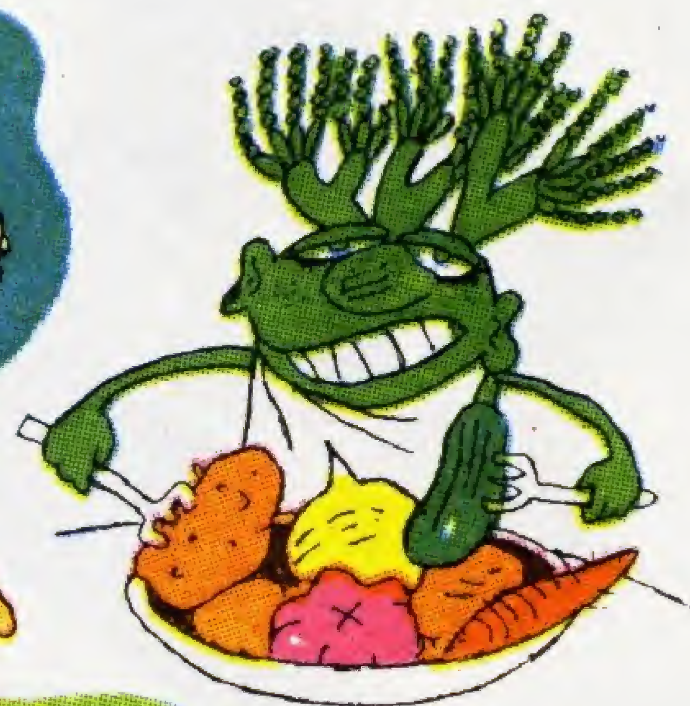
Я уже давно мечтаю завести собаку, такого небольшого умного щенка, которого можно взять на руки, посадить на колени и, поглаживая между ушами, рассказывать ему разные истории. Мне очень нравится фокстерьер, и я не раз просил маму купить мне щенка. Но всякий раз она говорила: «Ты не справишься. У тебя не будет хватать времени, и все заботы лягут на нас, родителей». А я думаю, почему не справлюсь, ведь я не какой-нибудь ротозей. Уроки сделаю быстро, а до того, как забрать маленького брата из детского сада, у меня остается целый час свободного времени. Так неужели за это время я не успею погулять с собакой или поиграть с ней дома, если на улице никого нет? Ну как мне уговорить родителей; что для этого нужно сделать?

Дима МАКСИМОВ,
г. Киев.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

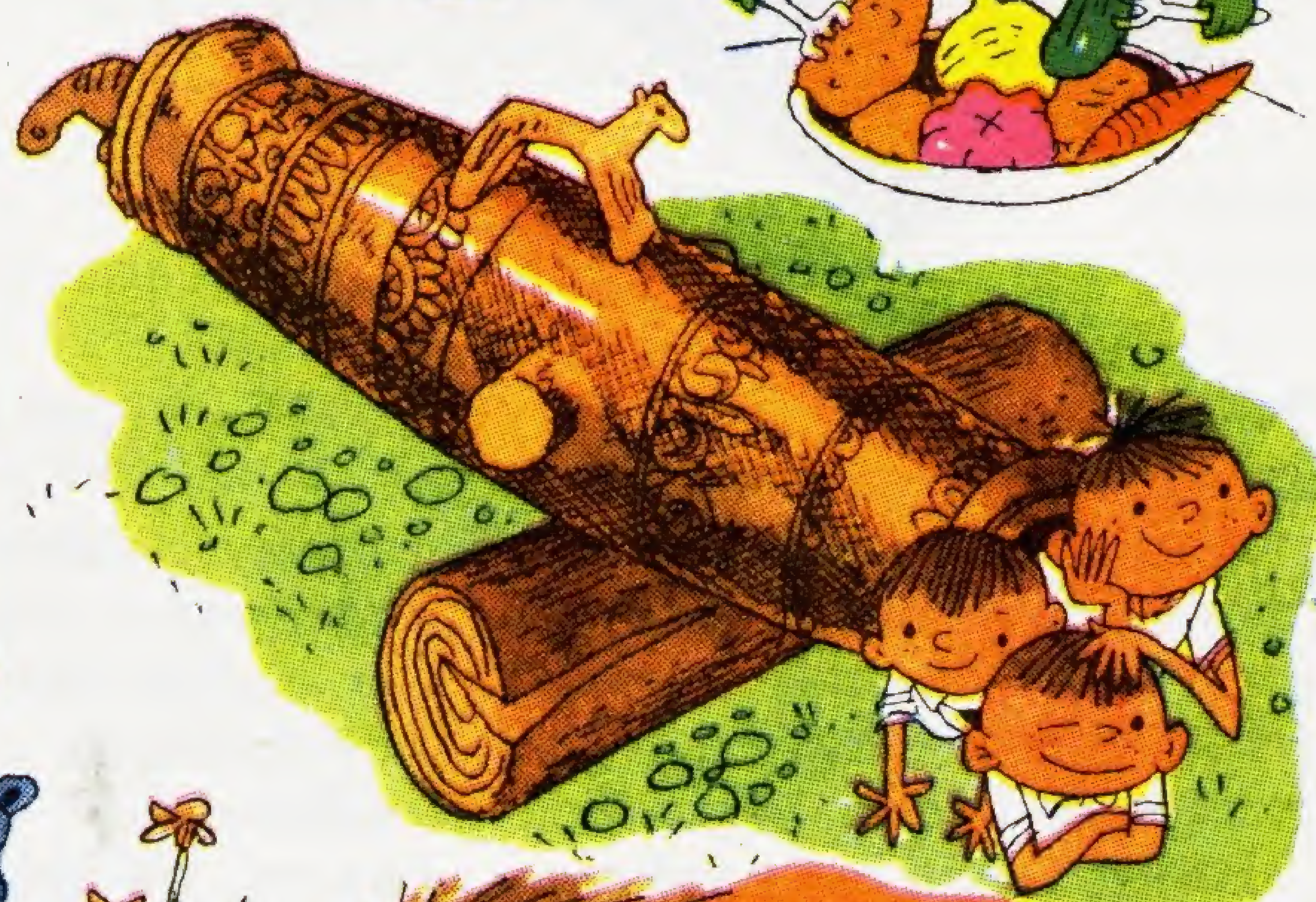
ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Что такое пассаты и муссоны?

Ученица. Это злые и коварные ветры, соперники людей и природы...

Саша Петров,
пос. Чульман,
Нерюнгринский район.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель. Расскажи, почему так трудно было строить Петербург?

Ученик. Потому что все работы выполнялись врукопашную.

Ира Тимошенко,
г. Дзержинск,
Горьковская область.

* * *

Учитель. Расскажи нам о жизни феодалов...

Ученица. Феодал жил в большом благоустроенном доме.

Эля Олевсон,
г. Иваново.

* * *

Учительница. Какие классы были в Древнем Египте?

Ученик. В Древнем Египте был класс мумий...

Надя Поршнева,
Карагандинская область.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учительница. Какие органы находятся на голове комара?

Ученик. Глаза, хоботок, уши, рожки...

Наташа Рухлядева,
г. Казань.

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учительница. Чем питаются плесневые грибы?

Ученик. Овощами.

Лена Б. и Ира М.,
г. Янгиер,
Сырдарьинская область.

Из школьных сочинений

«От старости рамки покрылись пылью и узорами».

«Мы увидели зайца, который прыгал, поджав коленки».

«Пушка (в Белогорской крепости) была забита разными тряпочками, камешками и ребятишками».

«Это был человек с молодым лицом, но с большими сапогами».

«Его перекошенная голова была очень грустной».

«Глаза и ноги вратаря так и бегали за мячом».

«В лесу было тихо, но за углом выли волки».

«Когда в Москву пришел Лжедмитрий, Борис Годунов находился в обмороке».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Роберт БАБЛОЯН

ПОДАРОК

РАССКАЗ

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Сегодня — 14 мая. Четверг. Раннее утро. На небе — ни облачка.

И на улице все было по-обычному: пожилые дворники не спеша подметали тротуары, полусонные москвичи спешили по своим делам, тепло одетые сутулые дяди-пенсионеры прогуливали своих карликовых собачек.

Нигде не звучал духовой оркестр, на зданиях не было флагов, и вообще ничто не говорило о том, что сегодня большой праздник — день моего рождения.

Почему так — когда у тебя на душе хорошо, кажется, что и всей планете хорошо? Кажется, что весь мир должен петь и танцевать с тобой, а ты — танцевать и петь со всем миром!

Никаких признаков, что сегодня праздник.

Только из кухни клубится приятный, вкусный-превкусный запах. Я мигом туда: гляжу — на табуретке огромный круглый торт, накрытый белой салфеткой. Поднимаю салфетку — там крупными цифрами написано — «14». Шоколадом написано... Наконец-то! Молодец, бабушка! Она-то никогда не подведет. Она-то знает, что ко мне сегодня придут одноклассники и ребята с нашего двора.

А самое главное — сегодня ко мне придет Ира Николаева...

Больше никто — я имею в виду из родственников — сегодня к нам не должен прийти, потому как день моего рождения официально решили отметить 16-го, то есть в субботу.

Да-а, как же тогда торт? Он же испортится! Я побежал к бабушке:

— Бабуль, а как же торт?.. До субботы еще три дня, он же...

— Не испортится,— спокойно ответила она,— коли испортится — не велика беда,— испечем новый, еще вкуснее... Ты лучше оденься потеплее, чтобы хоть к субботе выздороветь. Помни, простуда часто с ног прихватывает.

Моей бабушке Сусанне было за семьдесят, но выглядела моложе. Была стройная, тонколицая, дома платок на свою седую голову не повязывала.

Итак, в школу мне не идти: справка от врача уже в портфеле. Ира придет только после часа. Чем же мне заняться до часа?

Да, кстати, а что же я ей подарю, когда она придет?

Но тут я вспомнил, что подарок сегодня буду получать я. Ведь я же именинник!

...Помню, однажды во время летних каникул был я в Ереване у моего друга Рубена (он мечтал архитектором стать). Разглядывая его большую библиотеку, я все ахал да охал — какие у него интересные книги! Поймав мой взгляд, он сказал мне:

— Выбирай любую!

— Любую? — переспросил я.

— Любую,— подтвердил Рубен.

Мне тогда захотелось выбрать что-нибудь такое, не очень существенное, чтобы не причинить ему боли. Он, обняв меня, сказал:

— Ты должен выбрать себе хорошую книгу, по-честному, поскольку от этого будет зависеть мое мнение о твоем вкусе, о твоих интересах...

И я, мучаясь из-за искреннего желания получить одну из этих книг и своей стеснительности, выбрал толстенный в черном переплете альбом о великом Рембрандте со множеством цветных репродукций.

Рубен тут же подписал книгу и протянул мне. Глядя на него, я подумал: кто из нас сейчас более счастлив — я, оттого что получил такую книгу, или он, потому что доставил мне радость?

Мне показалось, что он: у него были очень теплые глаза и самая счастливая в мире улыбка...

И вот из книжного шкафа я вытащил и открыл эту книгу. Там, на первой странице крупным почерком было написано: «Когда любишь человека, никакие жертвы ради него не тяжелы...» И подпись.

У меня очень много родственников и друзей, часть которых живет в Москве, часть — в Ереване. И, приезжая из одного города в другой, стараюсь всем им привезти какой-нибудь сувенир. Да не просто «какой-нибудь», а такой, чтобы человеку он понравился и пригодился, а не валялся себе, как морской камушек на диком берегу.

Например, в прошлом году Генке Комиссарову я привез настоящий футбольный мяч (Генка у нас футболист). Лесику Анненскому, который ходил в очках и имел вид ученого,— кусок древней плиты при раскопках языческого храма первого века — Гарни, а веснушчатому Саше Карасеву — толстый альбом для рисования с двуглавым Араратом на обложке. Деньги на эти подарки я собирал в

глиняной кошке-копилке, на макушке которой было отверстие для монет. А иногда мне помогали родители...

— Сынок, а сынок,— бабушка Сусанна всегда так меня называла,— иди попей молоко с медом, а то остынет.

За кухонным столом я продолжал думать о коробе с подарками... С чего же все началось? Да, на прежней квартире был у меня один сосед — в английской школе учился. Всякий раз, провожая меня, он выходил с каким-нибудь, как он говорил, презентом в руках. То это был карманный календарь, то фломастер, а то и просто цветные открытки с видами Петергофа или Самарканда. Мне тогда казалось, что у моего юного соседа дома целый склад подарков.

Я ему позавидовал и завел вот эту картонную коробку из-под макарон.

И начал собирать и складывать сюда всевозможные авторучки, блокноты, просто ноты, пластинки, книги, словом, все, что когда-нибудь захочется подарить друзьям или моим гостям.

Так изо дня в день, из года в год и стал пополняться мой короб подарков. Теперь в нем найдутся подарки для всех. Конечно, и для Ирочки.

Кстати, что-то задерживается Ирочка! Второй час пошел, а ее все нет. Я тут же проверил расписание уроков — оказывается, у нас сегодня шесть уроков. Значит, Ирочка будет после двух.

...И телефон что-то не звонит! Я приподнял трубку — гудок есть.

Я сел в кресло и стал вспоминать пословицы и поговорки про подарки:

«Не дорог подарок, дорого внимание».

«Дареному коню в зубы не смотрят».

«Дареного назад не берут».

— Бабушка,— крикнул я в открытую дверь,— ты не знаешь пословиц про подарки?

— Знала много, но запамятовала,— ответила мне она из кухни.— Так сразу и не припомнишь. Пословицы надо употреблять к месту.

— Ну, бабуль, припомни, пожалуйста, прошу!

— Помню только, мой отец, твой прадед, всегда повторял: «Дары и мудрых ослепляют».

— Вот здорово! — подскочил я на кресле,— такую я еще ни разу не слышал.

— Ты еще многого в жизни не слышал,— сказала бабушка и зашаркала по кухне.

— Дорог не подарок, а дорого внимание, — выпалил я.— Проходи, пожалуйста, Ирочка, проходи.

Позвонили. Я кинулся к дверям.

У порога стояла круглолицая Ира Николаева с заплаканными карими глазами. От слез они стали еще темнее. Она была в школьной форме с очень красивым высоким кружевным воротничком. Светло-розовые широкие бантики за ушами напоминали ангельские крылышки. В одной руке Ира держала портфель, в другой — что-то очень непонятное: не то пробка...

— Проходи, Ирочка, что стоишь в дверях, проходи!

— Нет, я к тебе не зайду,— сказала она, не поднимая глаз.

— Почему? Ну почему же, скажи?

— Я купила тебе красивый графин, но по дороге случайно разбила его... Вот только ручка от него и осталась...

— Да ерунда какая!.. Дорог не подарок, а дорого внимание,— выпалил я,— а твой приход — уже внимание... Проходи, пожалуйста, проходи...

...Бабушка подала нам свой праздничный торт, изюм, колотые орехи и сладкий абрикосовый сок: Ире холодный, а мне — подогретый.

Ира больше молчала. Я показал ей все свои марки, рисунки, новые книги. Рассказал про Армению, про розовокаменный Ереван, которому ... 2760 лет, про старинные церкви и атомный ускоритель.

Перед уходом у Иры снова упало настроение.

— Ты чего? — Я очень осторожно взял ее за руку.

— И все-таки мне очень жаль, что я не сумела... что пришла к тебе без подарка...

Я от волнения теребил пуговицу на рубашке:

— Послушай, ты хочешь, чтоб мне было радостно?

— Хочу,— тихо ответила она.

— Очень хочешь?

— Очень хочу!

Я быстро полез под кровать, вытащил короб с подарками и протянул ей.

— На, возьми. Это все тебе. Бери — и ни слова... Прости, что не провожаю, я немного болен. Видишь, в нос говорю.

Ира мельком посмотрела в коробку и вытянула тонкую нотную тетрадь, на которой было отпечатано: «П. И. Чайковский. Времена года».

— К следующему своему приходу я разучу и сыграю для тебя пьеску «Май»,— только и сказала она.

Когда я вернулся в комнату, на спинке стула обнаружил одну розовую ленту, которую до этого видел на голове у Ирочки.

...Никогда в жизни мне еще не было так тепло и празднично, как в тот день — день моего четырнадцатилетия.

Я посмотрел в окно.

Мне показалось, что вся улица, весь мир поет и танцует вместе со мной!

К 100-летию А. Милна

Жил-был в Англии маленький мальчик. Как все малыши, он любил играть в игрушки. Их у него было много: тряпичный ослик, резиновый поросенок, тигр, сшитый из лоскутков. Даже настоящий живой кролик у него был. Мальчик очень любил их. Но все-таки больше всех он любил своего старенького плюшевого мишку...

Вы уже догадались, о ком мы говорим? Мальчика звали Кристофер Робин. А плюшевого медвежонка — Винни-Пух.

Медвежонок был поэт — он все время придумывал шумелки и сопелки для разной погоды, а однажды даже сочинил оду своему другу Пятачку. И маленький поросенок был счастлив. Но медвежонку все время было грустно: он грустил потому, что был не настоящий медведь, а плюшевый, с опилками в голове. А маленький Кристофер Робин любил его именно такого — плюшевого, с опилками.

А помните, сколько приключений у них было? «Искпедиция» на Северный полюс. Много опасно-

ПО ПУСТЫНЕ ПЛЫВУТ КОРАБЛИ

Автор нового сборника стихотворений «Теплоходы в песках» туркменский поэт **Каюм Тангрыкулиев** — человек бывалый. Поэтому так здорово и написал для вас множество мудрых и лукавых стихов, таких, например, как «Пирли и Ширли». Эти два упрямца целыми днями спорят, кому первому приниматься за работу. А пока они спорят, их работу делают другие.

Поэт любил посмеяться над бездельниками, потому что сам с детских лет много работал.

стей поджидало в пути отважных путешественников, но в конце концов Северный полюс был благополучно открыт. Он, оказывается, находился на берегу ручья, и чтоб никто не сомневался, что Северный полюс именно здесь, руководитель «искпедиции» Кристофер Робин воткнул там в землю прутик и повесил табличку.

А помните, как Пух и Пятачок охотились на ужасного зверя Слонопотама? Слонопотам оказался животным хитрым и коварным и в руки охотникам не дался, но все равно было очень интересно и весело!..

Очень часто, прочитав хорошую книгу и полюбив ее героев, вы садитесь за стол, пишете письмо писателю и спрашиваете: а это было на самом деле или писатель все выдумал? А писатель отвечает: вообще-то было все не совсем так... Точно таких событий и героев не было, но... а дальше вам уже и слушать не хочется. Потому что обидно. Потому что хочется, чтоб было!

Так вот, в случае с Винни-Пухом и Кристофером можете быть уверены. Все это было. На самом деле.

На самом деле был Винни-Пух. И Кристофер Робин. И даже имена их писатель не изменил.

Писателя звали **Ален Александр Милн.** Маленькому Кристоферу Робину он приходился папой. Так что нам с вами просто повезло: не будь у Кристофера Робина папа писателем, мы бы никогда с ним и с его Винни-Пухом не познакомились. Это он, Ален Александр Милн, подарил сыну плюшевого мишку, ослика Иа, Тигру, Пятачка.. Это он участвовал во всех путешествиях и приключениях. И так славно и радостно жилось им всем — Пуху, Пятачку, Тигре, Кенге и крошке Ру, пока не произошло одно очень печальное событие: Кристофер Робин вырос... И это тоже случилось на самом деле: пришла пора прощаться...

Но что же поделаешь — так устроен мир: маленькие мальчики вырастают, им уже некогда играть в игрушки, потому что на земле много других дел — серьезных, взрослых. И в этих взрослых, серьезных делах Кристоферу Робину понадобятся и отвага, и упорство, и преданность — все то, чему он научился у своих друзей, когда был маленьким.

— Я буду приходить к вам иногда,— обещает он Винни-Пуху.

— Мы будем ждать тебя,— отвечает Винни-Пух.

В этом году писателю Милну, подарившему своему маленькому сыну и всем нам Винни-Пуха, исполнилось бы сто лет. Кристофер Робин вырос и даже успел состариться... И все-таки для нас он навсегда остался маленьким Кристофером Робином, нашим младшим братишкой. А Винни-Пух и сейчас живет там, в заколдованном лесу, где бродят по тропинкам Слонопотамы, а на ветках сидят сердитые тигры, которые обожают лазать по деревьям...

И стоит тебе открыть эту добрую, умную книжку — и он выйдет тебе навстречу — мудрый плюшевый медвежонок Винни-Пух. И станет твоим верным другом.

Н. СОЛОМКО

Вырос он недалеко от тех мест, где вьется сегодня голубая лента Каракумского канала, проложенного в пустыне людьми из разных республик Советского Союза. Каюм много помогал по хозяйству в ауле, где жили его родители и братья, подрос — стал пасти отару вместе со взрослыми чабанами, потом был почтальоном — развозил почту на старом, дребезжащем велосипеде. Уже потом — после школы и университета — стал писателем.

Особенно хорошо знает Каюм ребят своего края.

Герои его стихотворений, конечно, не только спорят или едят сладкие арбузы и персики. Ребята стараются помогать взрослым. «Сам копай, сам сажай, сладок будет урожай!» — так они поют и даже сами не замечают, сколько доброго могут сделать их проворные детские руки. Таким ребятам вряд ли придется догонять поджаристую, душистую хлебную лепешку, как догонял ее лентяй с громким именем Хан из сказки «Хлеб и Хан». К этим ребятам лепешка прикатится сама.

Каюм Тангрыкулиев любит природу. Он вырос и живет там, где все поражает — цветы в весенней пустыне и птицы с необычным оперением, огромные ящерицы-вараны и следы змеи гюрзы на песке. Поэт воспевает родную природу. Послушайте, как говорит он о самом главном богатстве своей жаркой земли:

Хлопок — пышное, белое поле,—
Наш капризный испытанный друг,
Целый год тебя нежим и холим,
Ты смотри, не отбейся от рук!

Настоящий детский писатель должен быть добрым и простым человеком. Тогда он может разговаривать с песками и хлопком, с горами и тополями, с садами и пчелами. Каюм Тангрыкулиев из таких людей.

У него верный глаз, точное слово и интересные замыслы. Без этого любому писателю трудно. А интересные замыслы обязательно появятся, если на твоей родине, в безжизненной, безводной прежде пустыне, плывут по Каракумскому каналу теплоходы, если твой народ прошел за годы Советской власти путь от тропинки пастуха до искусственной реки в песках...

У Каюма много друзей среди детей и взрослых. И самый надежный друг — поэт Яков Аким. Он перевел на русский почти все стихотворные книжки Каюма. «Теплоходы в песках» — десятая большая книга стихотворений Тангрыкулиева, вышедшая на русском языке. Многие из них печатались в «Пионере».

Лауреат Государственной премии Туркменской ССР, обладатель Международного почетного диплома имени Андерсена Каюм Тангрыкулиев выпустил умную книжку. Основная ее мысль очень проста: самое главное на земле — труд, а самое позорное — безделье.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Без болельщиков нельзя!

Какими мы становимся, когда смотрим спорт?.. Когда взлетают над трибунами голоса, когда замирают в один и тот же миг тысячи сердец, когда маленькая фигурка человека — там, внизу, на спортивной площадке,— вдруг становится для нас центром мира... Лучше или хуже? Или остаемся такими же?

Я помню, как пришел на футбол в Лужники душным летним вечером. Вокруг меня сидели болельщики с огромным стажем, они солидно ели мороженое, изучали программки. Потом началась игра, потемнело небо, изумрудное поле осветили.

И я бил по плечу соседа — пятидесятилетнего мужчину, и он тоже бил меня по плечу: мы оба не могли сдержать своих чувств. Мне было тогда одиннадцать лет. В воротах еще стоял Кавазашвили.

Потом мы повалили густой толпой к метро, а конный наряд милиции глядел на нас строго, и лошади казались таинственными и даже страшными.

Каждый уносит с трибуны свое: гром и блеск имен, мудрость и великий азарт игры, желание подражать. А то и просто впечатления, которые впрямую никак со спортом не связаны, но от которых становится легко и хорошо на душе.

Потому что спорт — это прежде всего жизнь. В спорте нет вранья, искусственности и фальши. Он всегда необыкновенно

правдив. А мы при нем не только зрители. Мы еще и участники. Мы соавторы всех рекордов и голов. Неслышно и невидимо наши огромные силы вливаются в спортсмена, пока мы, открыв рот или нахмурив брови, поедаем взглядом каждый штрих, каждую деталь его движений.

...Когда я был вратарем и защищал два кирпича, за которыми покачивался ветхий от ударов мяча деревянный заборчик, я очень сильно хотел, чтобы пришел зритель. Хотя бы один. Хотя бы и самая некудышная глупая девчонка, которая в футболе ничегошеньки не понимает. Мне трудно было играть без зрителя.

И он приходил. Он стоял и смотрел. Я был счастлив в эти минуты.

С тех пор я знаю наверняка: без зрителей жизнь просто остановилась бы — в спорте, в искусстве, везде...

Б. МИНАЕВ

МЯЧИ РАЗНЫЕ НУЖНЫ!

Дворы стали бы угрюмыми и молчаливыми, не играли бы в теннис, футбол, лапту, волейбол... не придумай когда-то давным-давно человек мяч. Что ни говорите, жизнь без мяча стала бы скучнее. И как хорошо, что когда-то, давным-давно, придумали люди такую простую и веселую штуку — мяч. Да еще не один, а для каждой игры свой, особенный. Мячи бывают разные по форме и размерам, и вес у них неодинаковый.

Самый тяжелый — баскетбольный. Он весит от шестисот до шестисот пятидесяти граммов. Самый легкий — для настольного тенниса, пинг-понга. Этот весит всего два с половиной грамма. Легкий-то легкий, а попробуй справься с ним: так и норовит перелететь через край теннисного стола!

Сделаны мячи из разного материала. Футбольные и волейбольные сшиты из отдельных кусочков кожи так, чтобы мяч получился правильной формы шара — разве некруглый покатится по полю?.. А вот для регби мяч по форме напоминает дыню. Для игры в баскетбол мячи резиновые, чтобы прыгали лучше. Мячик для тенниса тоже резиновый, только сверху его обтягивают белой шерстяной тканью. Это придает ему большую упругость, потому что шерстяные ворсинки пружинят и мяч легко отскакивает от теннисной площадки.

Для бадминтона мячик тоже особенный — с перьями. Называется волан. А перья для того, чтобы волан не кувыркался в воздухе, сохранял определенное положение в полете.

Разные существуют игры с мячом — всех не перечислишь. Для одних нужны специальные площадки и особые мячи, для других — сетки, ракетки... А вот в книгах «Веселые старты» И. Короткова и Е. Геллера или «Подвижные игры» И. Короткова и Л. Былеевой рассказано о таких играх, для которых достаточно лесной поляны, асфальтированной дорожки и самого обыкновенного мяча. Хотите научиться?

«Мяч — ловцу»

Эту игру можно проводить на баскетбольной площадке, на половине футбольного поля или там, где вы сможете найти свободное пространство размерами шесть на двенадцать метров. Игра немного напоминает баскетбол. Только мяч в ней забрасывают не в корзины соперников, а стараются, чтобы он попал в руки ловца своей команды. Кто такой ловец? Сейчас узнаете.

Для начала разделитесь на две команды по шесть-семь человек. Выберите ведущего, капитанов и еще по одному игроку в каждой команде — они-то и будут ловцами. Капитаны встают в центре площадки, а ловцы в противоположных ее углах, как бы в воротах. Перед каждым из них обозначьте «нейтральную полосу» (взгляни на рисунок — он тебе поможет), куда не должен ступать ни один из участников игры. Теперь, когда все приготовления окончены, можно начинать игру.

Ведущий подбрасывает мяч, а капитаны должны постараться отбить его игроку своей команды. Если мяч попал к тебе в руки, помни: с мячом в руках ты можешь сделать всего два шага, а на третий обязательно передай товарищу по команде, он — следующему... Каждый лишний шаг наказывается: соперники вбрасывают мяч из-за боковой линии. Уж наверняка постараются, чтобы он не попал вам в руки!

Постарайтесь подойти как можно ближе к своим «воротам», чтобы удобнее было с небольшого расстояния бросить мяч ловцу. Если «вратарь» сумеет поймать мячик на лету, его команда получает одно очко.

«Гонка мячей»

Команды выстраиваются в шеренги и встают друг против друга на расстоянии четыре-пять метров. В каждой команде по семь — десять человек. Первыми в шеренгах стоят капитаны. У них в начале игры и находится мяч. Когда раздастся сигнал старта игры, капитаны одновременно должны передать мяч тем, кто в шеренгах стоит с ними рядом, те — следующим... Когда мяч окажется у последнего в шеренге игрока, тот бежит с ним в начало шеренги и отправляет мяч в новое путешествие.

Игра длится до тех пор, пока мяч не окажется снова у капитана в руках. Побеждает та команда, которая точнее и быстрее сумеет трижды провести мяч по всей шеренге.

Мне и никому другому?

«Раньше я не задумывалась о своем бездействии. А теперь меня очень беспокоит, что я ничего не делаю: слоняюсь по квартире целыми днями и не могу придумать себе занятие. Конечно, можно записаться в спортивную секцию, но это ведь принесет пользу только мне...»

Л. С., 6-й класс,
г. Новосибирск.

Вот такое письмо пришло в редакцию. Не пустячный вопрос в этом письме. Действительно, могут ли занятия спортом приносить пользу не только вам, но и другим людям?

Запишешься ты в спортивную секцию, научишься дальше всех прыгать, быстрее всех бегать, точнее посылать мяч в баскетбольную корзину или футбольные ворота — кому от этого польза? На первый взгляд никому никакой пользы. Но прочитай вот это письмо, может быть, тогда на поставленный вопрос найдется совсем другой ответ?

«Наш старший брат Володя тренируется в спортивной секции, занимается хоккеем. Раньше он обманывал папу, грубил бабушке, обижал нас, младших. А теперь сам так не поступает и нам не разрешает. Володя стал учиться лучше, у него много друзей, и его все уважают, а для нас теперь он лучший друг. И во всем «виноват» спорт».

Оля и Игорь Коноваловы,
г. Саратов.

«Внимание! Включить часы»

Было это в добром солнечном городе, где прямо на улицах вьется виноград. В августе тут собрались на шахматный турнир школьники из разных городов, из многих союзных республик.

Рано утром команды направляются на игру. У входа в зал тренер напутствует своих. Погладит по голове самого младшего, небрежному погрозит пальцем, подмигнет робеющей девочке: «Ну, вперед!»

Начинаются соревнования ровно в десять часов утра в турнирном зале. Только что главный судья, как положено, провозгласил: «Внимание! Черным включить часы белых!» И тут же десятки рук протянулись к десяткам кнопок. Так начинался каждый тур. Сразу становилось тихо. Делались первые ходы. Вбегали опоздавшие, догрызая на ходу яблоки и груши, в прыжке делали ход и только тогда, плюхнувшись на место, глубоко вздыхали. И тут уже становилось совсем-совсем тихо.

Мальчишки ладонями прижали уши, наклонились почти к самой доске, еще чуть-чуть — и встретятся лбами. Эта борьба — беззвучная, медленная, а все равно напряженная. И сил она требует и смелости не меньше, чем богатырская игра хоккей. Там хоть и обидно шайбу в свои ворота пропустить, зато шанс отыграться всегда есть — беги, атакуй соперников. А на маленькой клетчатой доске можно такую «шайбу» пропустить, после которой надо сразу останавливать часы и поздравлять партнера. В хоккее чем больше скользишь по поверхности, тем лучше. В шахматах — совсем наоборот.

Во время игры тренерам никак не сидится спокойно. Бродят они по залу, проталкиваются между шахматными столиками, то замирая, то переводя дух, а то и хмуро шевеля бровями. Да и как не хмуриться, если восседает гордо юное дарование, а само явно забыло про важный пункт b4, о чем вчера только говорили. Да, трудная должность — тренер.

А здесь цейтнот... Неприятная штука, попросту говоря, нехватка времени на обдумывание хода. В цейтноте бывает буквально все: кандидат в мастера спорта может прозевать ферзя, а потом долго будет вспоминать, куда эта дивная фигура девалась. У девочек в цейтноте нервы звенят, как струны; у ребят сдержанно, глухо гудят, как рельсы: «Думай, думай...» Но обидней всего, когда красный флажок на шахматных часах все-таки падает. Трудно не «сломаться» от такого обидного поражения. Вот где закаляется выдержка.

Иногда помогают самые неожиданные вещи. Вместе с подружкой юная шахматистка внимательно изучает свой указательный палец. Вид у нее весьма озабоченный: все три часа игры спортсменка непрерывно грызла этот самый палец левой руки. Он даже сморщился немного и побелел на кончике. Только что была добыта победа, но впереди еще два тура. Выдержит ли незаменимый палец напряжение борьбы?

Сколько на улице машин — не пройти. Главный судья предупреждал особо: «Товарищи тренеры! Проигравший ребенок выходит на улицу задумавшись, огорченный неудачей, и незаметно может оказаться на проезжей части. Так что следите!» И тренеры, конечно, следили. Но мне кажется, задумчивость после проигрыша их только радовала: «баранки» становились пусть не сладкой, но полезной пищей. Для зазнаек — даже витамином.

И вот ребята столпились около турнирной таблицы так тесно, что видны лишь спины да затылки. Придирчиво изучают они результаты, особенно чужие. Много бурных событий вмещает с виду нехитрая таблица. Скоро будут заполнены в ней последние клеточки, потому что соревнования заканчиваются. И тогда после торжественного закрытия разбредутся по площади ребята уже не теми привычными группами по шесть человек. Пойдут вместе команды из Минска и Свердловска, Одессы и Таллина, Москвы и Киева... А как же иначе? Кубок одной команде, дружба — всем поровну.

Б. ГАНИН

Рисунки Д. БАРАБАША.
Фотографии И. ЛИЛЕЕВА.

Далеко на севере...

Далеко на севере, в Усть-Янском районе Якутской АССР, расположено село Сайылык. Здесь живут эвены и якуты. Занимаются они оленеводством, охотой и звероводством. Местный оленеводческий совхоз известен не только в республике, он был занесен даже на Всесоюзную Доску почета ВДНХ.

В сайылыкской сельской школе очень любят спорт. Но больше всего, пожалуй, шахматы. Ребята принимают участие в турнирах клуба «Белая ладья», провели состязания, посвященные шестидесятилетию образования Якутской АССР. Есть у них и школьный чемпионат. К нему всегда очень серьезно готовятся. Сильнейшей среди девочек стала Эльвира Дьяконова, очень способная спортсменка. Недавно она заняла третье место в районном женском турнире. А среди мальчиков звания чемпиона школы добился Слава Слепцов. Помогает ребятам осваивать премудрости шахматной игры их учитель Прокопий Николаевич Николаев.

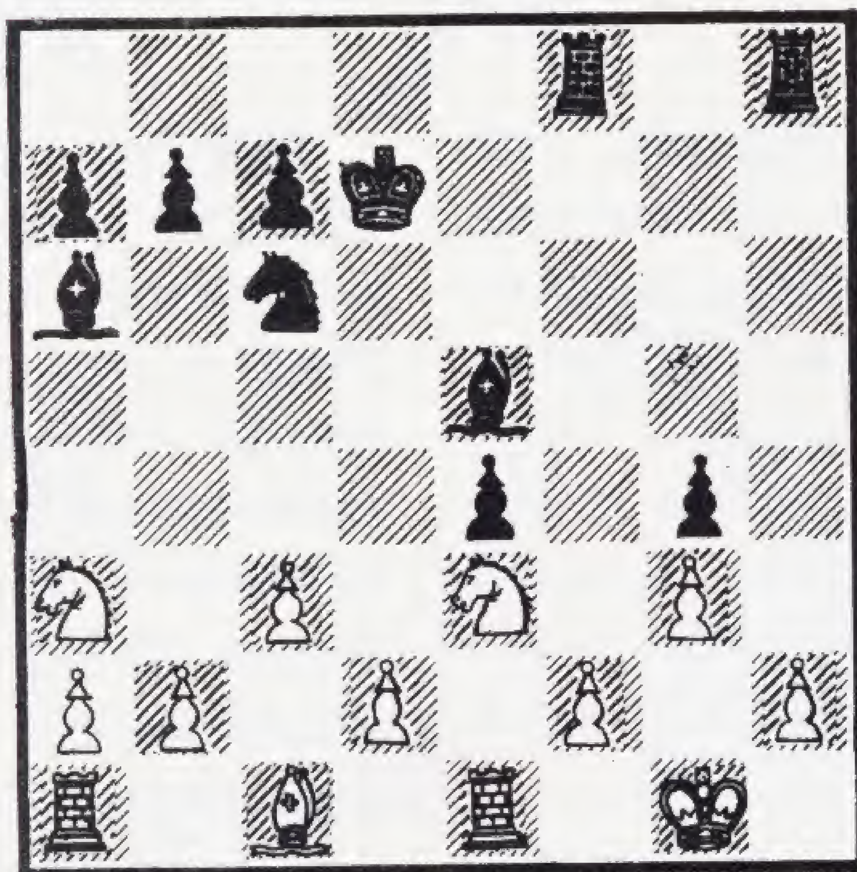

Диаграмма № 1

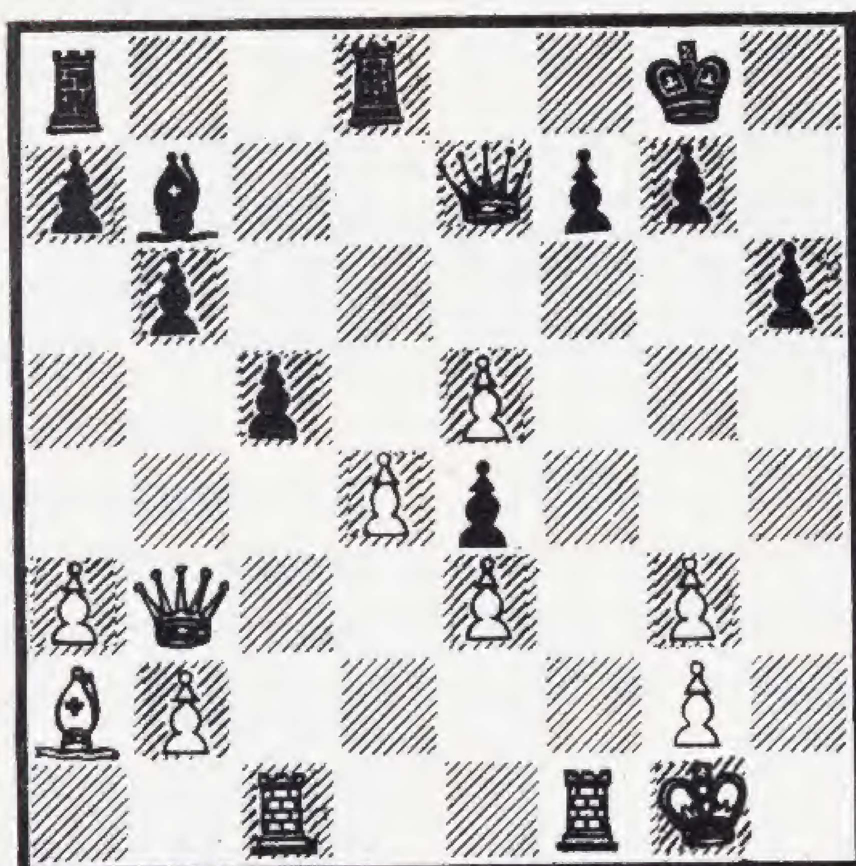

Диаграмма № 2

Вдруг или не вдруг

В апреле в Ульяновске проходили финальные Всероссийские соревнования клуба «Белая ладья». Первое место досталось команде челябинцев — прошлогодних чемпионов. Досталось нелегко. Главными соперниками на турнире была пионерская дружина из костромской школы № 7. Юные костромичи заняли второе место, хотя в единоборстве с челябинцами были сильнее.

Пионерская дружина № 7 из Костромы раньше ничем особенным не отличалась, и о таком успехе, как второе место в финале, ребята и не мечтали. А тут вдруг обошли чемпионов. Вдруг? Да нет!

С начала учебного года у второклассников и третьеклассников шестнадцати костромских школ появился новый урок — шахматы. Такой же, как математика, русский язык, как любой другой предмет школьной программы. Ребята с большим интересом и усердием постигают азбуку мудрой игры. Есть у них и свои соревнования — «Октябрятская ладья». В финальных городских соревнованиях этого турнира приняли участие тридцать две пионерские дружины, и двенадцать из них — от школы № 7. А всего в соревнованиях боролись за победу три тыся-

чи пятьсот октябрят первых — третьих классов и больше тысячи пионеров четвертых — седьмых классов. Вот и судите сами: вдруг или не вдруг пришел к костромским шахматистам успех!

Играют друзья Пешкина

Много интересных партий сыграно в турнирах юных любителей шахмат Российской Федерации. На этой диаграмме — позиция, которая возникла в поединке Миши Сорокина из Ижевска и Ильи Чернышева из Воронежа.

(Диаграмма № 1)

У белых две лишние пешки, но фигуры их расположены неудачно, а ладья a1 и слон c1 находятся в своеобразном «офсайде», вне игры.

Миша хорошо провел заключительную атаку.

20... Се5:c3! (жертвуя слона, черные освобождают поле е5 для коня) 21. d2:c3 (упорнее было 21. К:g4) 21... Кс6—е5 22. Ке3:g4 (поздно, этот конь черным уже не нужен) 22... Ке5—f3+ 23. Крg1—h1 Лh8:h2+ 24. Кg4:h2 Лf8—h8. Белые сдались.

(Диаграмма № 2)

К этому положению пришла партия, сыгранная Олегом Золотовым (Омск) и Витей Ивлевым (Красноярск). Преимущество, несомненно, у белых, организовавших сильное давление на пункт f7, но черные еще могли упорно обороняться после 22... Лf8. Однако они сделали заманчивый, но ошибочный ход 22... Сb7—d5?

Далее события развивались так: 23. Фb3:d5! Лd8:d5 24. Сa2:d5 Лa8—f8 25. Лf1:f7! Лf8:f7 26. Лc1—f1 Фе7—g5 27. Лf1:f7 Фg5:е3+.

Снова самый естественный, но не лучший ход. Обязательно надо было увести короля из опасной зоны на h7.

28. Лf7—f2+ Крg8—h7 29. е5—е6 Фе3:d4 30. е6—е7 Фd4—е5 31. Сd5—g8+!

Решающий удар. Если 31... Кр:g8, то 32. Лf8+ и 33. е8Ф, или 31... Крg6 32. Сf7+ и т. д.

31... Крh7—h8 32. Сg8—е6!

Красивый финал, на 32... Ф:е6 выигрывает 33. Лf8+, поэтому черные сдались.

Электричка, стуча колесами, спешила в Москву. Была весна. За окнами мелькали прозрачные еще рощицы, заросли придорожных кустов только-только начали одеваться зеленью. А в вагоне несколько человек, сидевшие рядом, разглядывали что-то, что держал на ладони один из них... Божья коровка красным пятнышком ползала на ладони. Люди улыбались.

— Солнышко,— сказал кто-то.

— Солнышко! — поддержали его соседи. И я тоже вспомнил: так этого жучка зовут в народе.

Когда жучок перебирался на палец и начинал топтаться на его верхушке, как на стартовой площадке, мужчина поворачивал руку ладонью вниз. Зачем жуку улетать тут, в вагоне?.. И жук спешил обратно, карабкаясь по пальцу.

Я смотрел на этих славных людей и думал о том, какую давнюю-давнюю историю имеет такое вот доброе отношение к коровкам.

Наши предки славяне пятнистым жучкам поклонялись, связывая их облик с солнцем, дарившим свет, жизнь, урожай. Они и назвали круглых, красноватых жуков «солнышком». Подобные имена давали им и другие народы. А такое имя, как «божья коровка», появилось позже, когда распространилось христианское религиозное учение.

Испокон веков люди гадали, сажая пятнистого жучка на руку, дождь пойдет или жара иссушит землю, похолодает или потеплеет... Гадали и о будущем счастье молодых семей. А в некоторых странах верили: раздавишь случайно этого жука — жди беды.

...Поезд застучал реже, начал притормаживать.

— Мне выходить,— сказал человек с коровкой.

Зашипели двери. Все повернулись к окну и стали смотреть, как он остановился у края платформы, поднял руку и что-то шепчет.

«Божья коровка, улети на небо...» — что же еще?

А небо было затянуто облаками.

Двери снова зашипели, закрылись. Мы поехали дальше. А бывший наш сосед еще стоял на платформе и, наверное, повторял: «Коровка, коровка, улети на небо, принеси мне хлеба...»

И, знаете, облака вдруг разорвались, все кругом засияло, а пустые скамейки в вагоне стали золотыми.

Конечно, сейчас забыты верования и приметы, связанные с коровками. Но доброе отношение к этим жукам неизменно.

Коровки, надо сказать, существа благодарные. Хлеба в буквальном смысле они принести, конечно, не могут. Но урожай на полях, в садах, в огородах охранять помогают — уничтожают тлей.

...Летнее солнце все выше. И тли, а их множество на зеленой листве, кажется, тают в сладкой истоме, млеют от тепла и обилия еды. Длинные хоботки погружены в мякоть листа и высасывают, высасывают, высасывают сок. Тли и сами похожи на густые капли, нежно-зеленые или сероватые. Слегка покачиваются на тонких ногах... Усики-ниточки чуть-чуть дрожат...

А вверх по стеблю ползет тем временем божья коровка. Влезает на первый же встреченный по дороге лист, обследует его тщательно, но добычи тут не оказывается. Карабкается к следующему листу. Потом еще выше... Еще... Поиски продолжает неутомимо. Есть, наверное, очень хочет.

И только на самой верхушке в конце концов на тлей натыкается. Их тут много-премного, и у коровки будет настоящий пир. Известно, что за свою жизнь она съедает тлей 4000 штук!

А это что за создание взбирается по стеблю? Сантиметровое примерно, серое, с желтыми и красными пятнами на спине. Бежит, растопырив длинные ноги, шарит на ходу справа-слева, выгибая туловище, членистое, червеобразное. Это личинка коровки. Она тоже хищница и тоже ищет тлей. Съедает их за свою трехнедельную жизнь до 1000.

В лицо почти все мы знаем только одну коровку — семиточечную (крылья у нее с семью черными

ТЕБЕ, БУДУЩИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

НА ПТИЧЬИХ

Сколько птичьих голосов удастся записать?

Вот они — кольца для птичьих лапок!

Идет август — скоро отзвенит лето, начнутся холода. Соберутся птицы в стаи и теми же путями, что и весной, полетят зимовать в теплые края...

С давних времен людей интересовали птичьи перелеты. Уж очень много неизведанного в поведении пернатых путешественников. Как они выбирают маршруты? Как ориентируются в пути? Где зимуют? И кто возвращается к нам зимой — те же птицы, что улетели, или другие? Много ли их гибнет в пути? Как проследить движение птичьих стай?

И люди придумали кольцевание — особый способ метить птиц. На лапку надевается алюминиевое кольцо с номером и адресом центра кольцевания (по этому адресу нужно сообщить номер, если кольцо кем-то найдено).

Первые опыты по кольцеванию в нашей стране были проведены в конце прошлого столетия. Тогда в заповеднике Аскания-Нова журавлей окольцевали шейными кольцами, а с 1907 года кольца стали надевать птицам на лапки.

Одна из станций кольцевания птиц расположена на берегу маленькой лесной речки Гумбарки, впадающей в Ладожское озеро.

Место это выбрано не случайно. Из года в год во время сезонных перелетов, птицы останавливаются здесь для отдыха и кормежки. Озеро в этих местах мелководно, богато птичьим кормом и весной рано освобождается ото льда. В дни перелетов здесь скапливается великое множество птиц, и многие из них попадают в ловушки, расставленные по берегам. Ловушки — это очень прочные капроновые сети, натянутые на высоких столбах.

Нелегко приходится орнитологам в дни птичьих перелетов. Работа идет по шестнадцать — восемнад-

точками). Часто встречаем и коровок поменьше — двуточечную, пятиточечную. Вообще точки — что-то вроде паспорта у этих насекомых. Всего же в нашей стране около 160 видов коровок, а в мире по крайней мере 4300. Далеко не все они красные. Есть желтые, коричневые разных оттенков, бронзовые. Но все пятнистые: в крапинку, в горошек, с черными и беловатыми квадратами — под шахматную доску, с разводами — под мрамор...

А коровками названы потому, что умеют выделять «молочко». Испугайте жука (возьмите, например, в руки) и увидите: на сгибах его ног появляются оранжевые капельки. Правда, на самом деле это никакое не молочко, а кровь, едкая и неприятно пахнущая. Из-за нее не едят коровок ни птицы, ни ящерицы. А пауки, когда коровки попадаются в их сети, спешат от невкусной добычи избавиться — обрывают нити и освобождают жуков. Коровки и окрашены-то так ярко, чтобы предупреждать врагов: «Мы несъедобные! Не прикасайтесь!»

А. ПЛЕШАКОВ

ПЯТНИСТЫЕ ОХОТНИКИ

Августовское задание Красной тетрадки

Если присмотреться к ветке молодой яблони или другого деревца, обязательно увидишь божью коровку. Понаблюдай за ней некоторое время — может быть, увидишь, как она охотится на тлей.

Расскажи, какую ты видел божью коровку, сколько точек у нее на крыльях? Хорошо, если ты ее нарисуешь или сфотографируешь.

ДОРОГАХ

цать часов в сутки. Кольцуют самых разных птиц — сов и кукушек, крупных хищников и небольших куличков, воробьиных и водоплавающих. Бывает, что залетит в ловушку летучая мышь или заяц собьется с дороги и попадет в сети...

С апреля до поздней осени несут свою вахту орнитологи. Нужно окольцевать птиц, попавших в ловушки, взвесить, посмотреть, в порядке ли оперение после долгого пути. Больных птиц лечат, кольцуют всех очень осторожно, стараясь не причинить вреда.

За год на одной только этой станции кольцуют примерно 20 000 птиц, а по всей стране — около 300 000.

Ученые всего мира тщательно исследуют факты, которые дает кольцевание. Если удастся точно установить маршруты и сроки перелетов, определить места отдыха птиц, придется в этих районах ограничить хозяйственную деятельность: птицы очень остро ощущают нарушение привычных условий, загрязнение воды, воздуха.

Птицы в огромных количествах перелетают из одной части света в другую. Они могут стать невольными переносчиками тяжелых заболеваний людей или животных. Чтобы предупредить распространение болезни, тоже нужно знать маршруты и сроки перелетов.

...Кончится лето. Повинуясь зову природы, полетят птицы своими маршрутами, над морями и горами, над пустынями и лесами, и понесут на своих лапках кольца, которые помогут нам открыть новые тайны природы.

Я. ПАСТЕР.
Фото автора.

Эти птенцы уже получили свой «паспорт» — кольца с номерами и адресами.

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой

Вот рисунок. Сложный? Странный?
Поражает ум и глаз?
Да, с летающею ванной
Мы столкнулись первый раз!

Предлагаю вам вначале
(А вопросы все потом!)
Опознать ее детали
На тарелочках кругом.

Сколько есть таких тарелок?
Не спеши давать ответ,
Помни — в том-то все и дело! —
На иных деталей нет.

Через час по чайной ложке

Врач прописал микстуру кошке
И ей сказал, прищурив глаз:
— Пить через час по чайной ложке!
По чайной ложке через час.

12 ложек в пузыречке.
Задача очень нелегка:
Скажи — часы считая точно! —
На сколько хватит пузырька?

Живживка

Все на битву с таблицей! *Игры Лупы и Пинцета*

	сыграно встреч	выиграно встреч	проиграно встреч	ничьи	забито мячей	пропущено мячей
Гвинея	2	1	1	0	1	1
Камерун	2	2	0	0	5	0
Того	2	1	1	0	2	1

ЧЕХАРДА

Игры деда Буквоеда

На большом кругу в саду
Мы играем в чехарду.
Тренируйте ум и глаз:
Разберитесь сами,
Кто же мы и сколько нас?
Буквы перед вами!

Примечание: выпишите буквы, прыгая через одну по часовой стрелке. Разверните все буквы в один ряд. Какие слова у вас составятся?

Прибежали также в сад
И еще играть хотят:
Лось, пантера, бегемот,
Утка, заяц, гусь, енот,
Крокодил, осел, кабан,
Кенгуру и павиан.
Составляйте чехарду,
Я решать ее приду!

Дед Буквоед

ВОЛК, МУХА

ОТВЕТЫ К ЗАДАЧАМ ИЗ № 7

Капитан Перо ищет помощника.

Совет мудреца. 50 раз по 101, получаем 5050.

Игры Лупы и Пинцета

Где барабанщик? Заяц на марке Гвинеи.

Недавно проходили дружеские встречи футбольных команд Гвинеи, Того и Камеруна. Борьба была острой. Взял ли вратарь Того мяч на последней минуте той игры, где он уже три раза не смог спасти свои ворота? Данные в таблице позволяют установить, какой был счет в каждом матче, и ответить на наш вопрос.

Общее количество пропущенных мячей должно быть равным числу забитых.

Как распределились пять мячей, принесших два выигрыша Камеруну? В чьи ворота два мяча были посланы Того?

Не спешите, и вы заполните все девять пока пустующих клеток таблицы. Одержите над ней победу со счетом 9:0! Ждем ваших писем.

Лупа и Пинцет.

Пионерский фотокор

Однажды у журналистов «Пионерской правды», «Пионера» и «Юного натуралиста» произошел не совсем обычный спор: кто из наших друзей проехал, пролетел, проплыл, прошагал больше всех? Спор был горячий. Называли тех, кто летал на Кубу и в Америку. Тех, кто побывал в Монголии и на Чукотке. Тех, кто уже больше двадцати пяти лет работает в пионерской печати. И вдруг кто-то неожиданно заметил, что больше всех «накрутил» километров Виктор Гусев, фотокорреспондент «Пионерской правды». И все с этим согласились.

Этого человека с фотоаппаратом на груди видели на II Всесоюзном слете пионеров в «Артеке». Виктор Гусев вместе с юнармейцами штурмовал Сапун-гору под Севастополем на первом финале «Зарницы». Это он провожал корабль с пионерскими подарками во Вьетнам. Это он делал снимки Юрия Гагарина в пионерском лагере. Гусев снимал встречу Луиса Корвалана с пионерами. Бывал на московской квартире у легендарной Долорес Ибаррури. Его снимки со Всесоюзных слетов пионеров, с финалов «Кожаного мяча», «Золотой шайбы» публиковались на всех четырех полосах «Пионерки» и на страницах нашего журнала. Эти фотографии — живая фотолетопись пионерии Страны Советов. А Виктор Гусев — ее неутомимый фотолетописец.

Сегодня у фотокора в красном галстуке пятидесятилетний юбилей. Но и в юбилейные дни этого веселого, доброго, неугомонного человека можно увидеть на пионерском сборе, на пришкольном участке, на дорожке стадиона.

Журнал «Пионер» сердечно поздравляет своего постоянного автора и желает Виктору Гусеву «с лейкой и блокнотом» прошагать, проплыть, пролететь по нашей советской земле еще многие-многие десятки тысяч километров.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 31.05.82.
Подписано к печати 15.06.82. А 11619. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 650 000 экз. Изд. № 1578. Заказ № 2622.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.

«КТО В ЛЕС, КТО ПО ДРОВА...»

ФЕЛЬЕТОН

Как вы думаете: что самое сложное в фельетоне? Тема? Примеры? Мягкий, ненавязчивый юмор?..

Самое трудное — придумать первую фразу. В сегодняшнем фельетоне эту трудность мы уже преодолели.

Пошли дальше. Ну, а раз пошли, то давайте захватим с собой парочку бутербродов и термос с чаем. Потому что пойдем мы сегодня с вами в лес, полюбоваться природой.

Надо сказать, я уже однажды встретился в лесу с пятиклассниками. Правда, мы не сидели у костра и не пели: «То березка, то рябина, куст ракиты над рекой...» Просто я наткнулся на березу, на которой чем-то острым было вырезано: «Здесь пил березовый сок 5 «Б»: Миша Проханов, Саша Ковальский...» и еще двенадцать славных имен и фамилий. А в конце было дорезано: «Спасибо тебе, березка!» Трогательно, правда? И вот о чем я подумал. Странно как-то, вот уже не первый раз я гуляю в лесу, но еще ни разу не встречал старого вяза или векового дуба, где было бы написано: «Здесь отдыхали воспитанники Царскосельского лицея Антоша Дельвиг и Вильгельм Кюхельбекер». Не умели наши предки себя по-настоящему выразить и увековечить! Культуры им нашей не хватало, с природой они не умели сливаться.

Я не хочу читать вам нотации, просто скажу вам одну вещь. Растения, оказывается, чувствуют боль и даже запоминают своего обидчика. В одном ботаническом саду провели эксперимент. Подсоединили к растению специальные датчики и подключили их к чувствительным приборам. А один из сотрудников подошел к этому растению, отломил ветку и ушел. В течение недели мимо надломленного растения проходили десятки людей. Датчики не реагировали. Приборы молчали. Но вдруг в аллее появился человек, который когда-то отломил ветку. И стрелки приборов дернулись и бешено заметались. Растение «кричало». Оно узнало своего мучителя...

Ну, это мы о флоре говорили, а теперь вспомним о фауне. Если кто забыл, напоминаю: флора — это все, что шелестит, расцветает, зеленеет, пахнет и угощает нас сочным, сладким, с косточками и без. А фауна — это все, что движется, мяукает, царапается, ласкается, клюет, линяет и ест из наших рук хлебные крошки. Ну, на животных вы, к счастью, ничего не вырезаете, свистки и удочки из них не делаете. Но относитесь к ним иногда так же небрежно, как к надоевшим куклам или сносившимся кедам. Не все, конечно... Но те, кто сейчас отводит смущенно взгляд от пересохших аквариумов, пустых канареечных клеток и осиротевших собачьих будок,— они меня поняли. Сколько раз я наблюдал, как вы тащите с восторгом к себе в дом ежей, ужей, черепах, хромых ворон и клянетесь мамам и папам, что жить без них не можете. А наигравшись вдоволь, вы уже не знаете, что с ними делать. Забываете их кормить. Перестаете чистить клетки. И животные... Не хочу даже произносить эти грустные слова. Замечательный зоолог Брэм говорил, что на любви к братьям нашим меньшим мы учимся любить и понимать друг друга. Надеюсь, мы с вами друг друга поймем.

И будьте к вашим четвероногим и четверолапым друзьям добрей и внимательней. Оберегайте их и ни в коем случае не бросайте. И тогда играйте с ними сколько захотите. Правда, здесь тоже надо знать меру. А то я видел, как одна девочка по имени Настя так разошлась, играя со своей собакой, что вконец ее замучила.

В общем, если уж мы с вами вышли полюбоваться природой, то давайте не праздно любоваться, а с умом. И вдыхая свежий воздух, и прислушиваясь к постукиваниям дятла, и чувствуя под ногами мягкий шелк травы — раз и навсегда полюбим лес и его обитателей. А они нас любят уже давно и преданно.

Ох, что-то я нагулялся. Разворачивайте бутерброды и давайте сюда термос с чаем. Или нет. Оставьте термос в покое. Лучше давайте зачерпнем ладонями хрустальной родниковой воды.

Ярослав ХАРЕЧКО.

Заиграли ложкари

Из сюиты «МУЗЫКА РУССКИХ УЗОРОВ»

**Музыка Юрия ЧИЧКОВА,
лауреата премии Ленинского комсомола**

Стихи Петра СИНЯВСКОГО

*При царе да при Горохе
Озорные скоморохи
По дороге в балаган
Потеряли барабан.
Им беда — не беда,
Музыканты хоть куда!*

Припев:
*Ударяли ложки
В звонкие ладошки.
Ой, жги-говори,
Заиграли ложкари!
Не дождик, не град,
А брызги летят,
Пляшет эхо, пляшет тень,
Пляшут все, кому не лень.
Ой, жги-говори,
Заиграли ложкари!*

*В синем море-океане
Кит улегся на диване.
Только ложки услыхал —
Плавниками замахал.
Под китом-плясуном
Море ходит ходуном.*

Припев.

*Паучихи с пауками
Бьют чечетку вверх ногами,
Все запечные сверчки
Отбивают каблучки.
С каблучка на носок,
А потом еще разок.*

Припев.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.